Космогония и антропогония осетинской мифологии

Языковые основы цветовосприятия у осетин

Андерс Йохан Шегрен в истории осетинской культуры

Воспоминания осетинского эмигранта: гражданская война и судьба беженца

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

5
2006

Владикавказ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИОН-ФИЛОЛОГИОН АРХИВ

5

Владикавказ 2006 Дзæуджыхъæу

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИОН-ФИЛОЛОГИОН АРХИВ

Учредители:

Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ

Журнал СП РСО-А «Мах дуг»

Редколлегия:

М. М. Блиев (гл. редактор), Р. С. Бзаров,

А. М. Кодзати, Т. К. Салбиев

Историко-филологический архив. 5. – Владикавказ, 2006. – 80 с.: ил.

Ответственный за выпуск А. М. Кодзати

Компьютерная верстка И. А. Кодзати

Корректор И. Н. Кантемирова

© Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ, 2006

Авторские права защищены. Полное или частичное воспроизведение публикуемых материалов допускается только с письменного разрешения издателей.

СОДЕРЖАНИЕ

История ментальностей

Ю. А. Дзиццойты. Космо- и антропогонические мифы осетин (сказание о первом нарте) 4

Т. К. Салбиев. Об осетинском прилагательном с'æх *(языковые основы традиционного цветовосприятия)* 16

Конференции. Семинары

Конференция памяти А. Й. Шегрена, прошедшая в Финляндии 28

Р. С. Бзаров. Андерс Йохан Шегрен в истории осетинской культуры 30

Литература свидетельства

Темирболат Кубатиев. Воспоминания 44

Contents 77

Сведения об авторах 78

История ментальностей

Ю. А. Дзиццойты

Космо- и антропогонические мифы осетин (сказание о первом нарте)

Важнейшим источником сведений о мифологии осетин вполне заслуженно считается нартовский эпос. Вот почему отсутствие в аутентичных версиях нартовского эпоса развернутых сюжетов, посвященных описанию возникновения макро- и микрокосма, неизбежно приводит к тому, что представляющие несомненный интерес космогонические и антропогонические мифы осетин еще практически не изучены. Имеющуюся же в эпосе крайне скудную и фрагментарную информацию приходится не только собирать по крупицам, но и дополнять за счет сведений, почерпнутых из других жанров осетинского фольклора, а также из этнографии осетин. В общем, для реконструкции осетинских мифологических представлений о начальных временах следовало бы проанализировать все доступные источники в едином комплексе. Однако в настоящем исследовании мы не ставим перед собой такой цели. Объектом нашего анализа является всего одно сказание, содержащее, как нам представляется, ключевые мотивы космо- и антропогонических мифов осетин и до сих пор остающееся вне поля зрения исследователей.

В сказании, привлекшем наше внимание, родоначальник человечества носит имя *Уæхтæнæг* [ИАС–I: 7 и сл.]. Данное сказание записано осетинским писателем И. Плиевым в 1940 г. в Южной Осетии со слов *Къæбулты Къыбыл*'а. Опубликованный текст, на который мы ссылаемся в настоящей статье, сверен нами с оригиналом, хранящимся в архиве СОИГСИ [ОРФ: ф. 69, п. 24, лл. 34–48]. В связи с темой, вынесенной в заглавие статьи, нас интересуют только начальные эпизоды этого сказания.

Заметим, что само сказание отличается особенностями, выделяющими памятник из общего ряда. Во-первых, язык сказания насыщен архаизмами, иногда затрудняющими понимание основного содержания и потому требующими комментариев специалиста. Во-вторых, в нем достаточно много редких мотивов, также требующих исследования. В-третьих, используемое в нем имя *Уæхтæнæг* представляет собой искаженный вариант имени *Уæрхтæнæг*, а это, согласно большинству сказаний, – имя героя третьего поколения нартов, встречающееся также в форме *Уæрхæг* (см. ниже)[1]. Следовательно, необходимо объяснить причину перемещения героя третьего поколения в самое начало генеалогического древа нартов.

Эпизоды, выделенные нами для более подробного рассмотрения, составляют вводную часть анализируемого сказания:

> *«Нарты Уæхтæнæджы сфæлдыста æрдзы фарн æмæ Хуыцауы комы тæф. Иугæр куы сæвзæрдис, уæд æрцарди бæрзонд хохы фидæртты. Уæхтæнæг æрцарæзта дардыл зылд галуантæ Тæлæгты быдырты. Уалынджы йæм уæларвæй Куырдалæгон рауагъта æрвон фæтыгæй æндон уæйыг, болаты куырдадзы цагъд. Уæхтæнæг дын райдыдта хуым кæнын тыгъд быдырты æмæ байтыдта æлутон хор, Уациллайы нæртон тауинагæй, æрмæджы нæмыгæй. Уациллайы фырт Гæбутдзали йын хъахъхъæдта йæ хъугæмтты цырд. Нæ уагъта Уæхтæнæджы хуымтæм мигъæй, æврагъæй ихы сыг æмæ Нафы фыдæхæй дымгæ.*
>
> *Уæхтæнæджы алфамбылай æрцардысты æртæ Нарты æмæ Чынтæ, æмæ апырх сты, ауагътой Нарты-фæдон мыггаг æвидигæ.*
>
> *Уæхтæнæг ракуырдта уый фæстæ йæхицæн ус, Сайнæг-æлдары хойы – Ацырухсы. Уый фæстæ сарæзта фат æмæ æрдын, суахъы æссыйæ æрдын – тасгæ сыкъа, хъæзæй фат æртдихджын. (…) Уалынджы сын райгуырдис дыууæ лæппуйы, фаззæттæ, Æхсар æмæ Æхсæртæг» [ИАС-I: 7].*
>
> *«Нарт Вахтанаг был сотворен лоном земли (?) и дыханием Бога. Когда он появился (на свет), то поселился в укреплениях на (вершине? или склоне?) высокой горы. (Впоследствии) Вахтанаг воздвиг огромные замки на равнине Тæлæгтæ[2]. Вскоре (небесный кузнец) Курдалагон спустил к нему с неба стальную*

[1] Для выпадения *-р-* в сочетании *-рхт-* (*Уæрхтæнæг* > *Уæхтæнæг*) ср. осет. *æхкæнын* 'закрывать, запирать' из **æрх-кæнын* [Абаев ИЭС-I: 218-219].

[2] Эпический топоним, встречающийся лишь однажды (гапакс).

соху (?) (æндон уæйыг)[3], (сделанную) из лучшего сорта небесной стали (и) выкованную в булатной кузнице. И стал Вахтанаг распахивать необъятные равнины, и посеял чудесные (?) семена из превосходного (?) семенного фонда (небожителя) Уациллы, из имевшихся в наличии (у Уациллы) семян. Сын Уациллы Гæбутдзали зорко оберегал его пахотные участки, не подпуская к пашне Вахтанага (ни) полоски града, (несомого) облаком или тучей, (ни) ветра, (рожденного) из немилости (божества) Нафа.

(Со временем) вокруг Вахтанага поселились три (группы) нартов и чинты[4], а размножившись, они дали начало неисчислимому потомству нартов.

Затем Вахтанаг привел себе жену, сестру Сайнаг-алдара – Ацырухс. Затем он изготовил себе стрелу и лук, (причем) лук (был изготовлен) из рогов антилопы (?) – (т. е. из) сгибающихся рогов[5], (а) стрелу (сделал) трехгранную из (дерева) хъæз. (…) Вскоре у них родились два сына, близнецы Ахсар и Ахсартаг».

Перед тем как приступить к выделению и анализу основообразующих мотивов данного отрывка, необходимо оговорить, что под мотивом мы, вслед за С. Томпсоном, будем понимать минимальную единицу повествования, способную удерживаться традицией, а именно: образы (actors ‘действующие лица’), волшебные объекты, обычаи, верования, а также отдельные эпизоды («единичные события»). Свою задачу мы видим не только в выделении таких мотивов, но и в разъяснении слишком кратко и «сухо» изложенных эпизодов.

1. Мотив брака между Небом и Землей

Начнем с того, что не совсем ясно, что именно имел в виду сказитель, говоря о «фарне природы» (*æрдзы фарн*), из которого родился первый нарт. Дело в том, что, несмотря на архаичность текста в целом, слово *æрдз* ‘природа’ является в нем инновацией. По авторитетному мнению В. И. Абаева, рассматриваемое слово вычленено из выражения *æрдзæй* ‘от природы’, ‘от рождения’ и только «в современном литературном языке принято для слова ‘природа’» [Абаев ИЭС–I: 174]. Следовательно, включение в текст нартовского сказания этого слова целиком является «заслугой» сказителя. Не исключено, что слово *æрдз* появилось в анализируемом сказании на месте слова *зæхх* ‘земля’ или *бæстæ* ‘мир, вселенная’ в таких выражениях, как *зæххы фарн* ‘фарн земли’, *бæсты фарн* ‘фарн вселенной’. Если так, то под «фарном природы» сказитель мог иметь в виду лоно земли. Следовательно, в рассматриваемом тексте речь идет о браке между Богом-отцом (=Небом) и Матерью-землей.

Миф о браке между Отцом-небом и Матерью-землей широко известен во всем мире [Фрэзер 1983: 135–136; Фрейденберг 1998: 103, 628; Рифтин 1979: 22; Альбедиль 2002: 83] и хорошо представлен на индоевропейской почве [Раевский 1977: 47; Лосев, Тахо-Годи 2002: 48–49, 50–51]. Обратимся к индоиранскому материалу, с которым и связан генетически рассматриваемый нами нартовский мотив.

Описывая пантеон богов причерноморских скифов, Геродот сообщает: «Богов они умилостивляют только таких: больше всего Гестию, кроме того Зевса и Гею, полагая, что Гея – жена Зевса. (…) Гестия у скифов называется Табити, Зевс вполне правильно, по моему мнению, зовется Папай, Гея – Апи» (Геродот, IV, 59). Учитывая, что в греческом *гея* – это ‘земля’, ученые давно пришли к выводу о том, что в рассматриваемом сообщении Геродота отражен скифский миф о браке между небом, Зевсом-Папаем, и землей, Геей-Апи [Zgusta 1953: 270 f.; Жебелев 1953: 33; Абаев ИТ–I: 92, 94]. Л. Згуста [Zgusta op. cit.] привел также параллели на древнеиндийской почве: в одном из гимнов «Ригведы», обращенном ко всем богам, находим такие строки: «О Небо-отец, о Земля-мать» [РВ, VI, 51, 5][6]. Эти параллели можно расширить за счет других гимнов, где находим следующее: «Небо – отец мой, родитель. Там (мой) пуп. | Родня моя, мать – эта великая земля» [РВ, I, 164, 33]; «Небо – ваш отец, земля – мать» [РВ, I, 191, 6]. В гимне в честь божества огня говорится: «Возвеличивая обоих родителей, Небо и Землю, | Обильных семенем, родился Агни» [РВ, III, 3, 11]; «О Агни, ты сын неба прозорливый, | А также всеведущий отпрыск земли» [РВ, III, 25, 1]. Согласно свадебным обрядам древних индийцев, муж перед первым соединением с женой должен произнести магические заклинания. Обращаясь к жене, он, в частности, говорит: «Я – небо, ты – земля. | Давай же приложим усилия, | Сольем

[3] Современное осетинское слово *уæйыг* ‘великан’ не дает удовлетворительного объяснения рассматриваемого пассажа. Я предложил видеть в нем омоним, восходящий к др.-иран. **vayuka-*, который родствен древнеиндийскому *vayā* ‘ветвь, ветка’. Таким образом, омонимичное *уæйыг* может означать ‘соха’. Для развития семантики ср. русск. *соха*, родственное болг. *соха* ‘палка с развилком’, лит. *ľьaka* ‘ветвь, сук, развилина’ и пр. [Дзиццойты 1998: 146-147].

[4] *Чынтæ* – название дружественного нартам племени.

[5] В тексте *суахъы æссы*, которое сказитель поясняет другим словосочетанием – *тасгæ сыкъа* ‘сгибающийся (или гибкий) рог’. Следовательно, загадочное слово *æссы* – это вариант общеосетинского слова *сы* ‘рог’. Что касается слова *суахъ*, то оно, несомненно, является вариантом слова *сугъахъ* ‘вид антилопы (?), джейран (?)’, о котором см. [Абаев ИЭС-III: 140: “не документировано”].

[6] При цитировании «Ригведы» римская цифра указывает на мандалу, арабские цифры отсылают соответственно к гимну и строфе. – *Ред.*

воедино семя, | Чтобы приобрести дитя – мальчика» [*БрУ*, VI, 4, 20].

В связи с нашими сомнениями относительно толкования словосочетания «фарн природы» следует рассмотреть отдельно образ Матери-земли, чтобы убедиться в том, что в первоначальной редакции анализируемого нартовского сказания имелась в виду именно она.

Земля как порождающее начало – это широко известный мифологический мотив [Альбедиль 2002: 78–83]. Он представлен и в осетинской мифологии [Уарзиати 1987: 13; Газданова 2003: 84-85], но нашел отражение и в земледельческих обрядах осетин, предполагавших ритуальное соитие пахаря с матерью-землей [Чибиров 1976: 116-117, 231]. В древнеиндийской «Атхарваведе» (VI.17.1) говорится: «Как эта великая земля | Содержит зародыш существ, | Так же пусть удерживается твой зародыш, | Чтобы родиться вслед за беременностью!»

Следовательно, нет сомнений в том, что под «фарном природы» в рассматриваемом осетинском мифе скрывается лоно земли. Однако, как мы помним, Вахтанаг сразу после появления на свет поселился на склоне горы. Не означает ли это, что изначальная земля в представлениях древних осетин мыслилась горой?

Рождение Вахтанага из «фарна природы» напоминает рождение другого героя нартовского эпоса – Сослана, появившегося на свет из лона камня (или скалы), оплодотворенного небожителем Уастырджи. Н. С. Трубецкой, посвятивший отдельную работу мотиву рождения героя из камня, показал, что в ряде традиций наряду с камнем фигурирует и земля. Так, соответствующий фригийский миф дошел до нас в двух вариантах. В одном из них говорится, что Зевс во сне пролил свое семя на землю, из которой через некоторое время вышло демоническое существо Агдистис. Согласно другому варианту, Зевс пролил свое семя в скалу, из которой и родился Агдистис [Трубецкой 1987: 346–347]. Точно так же мотив брака грозового божества со скалой, встречающийся в мифологии жителей островов Тихого океана, считается вариантом мифа о браке между Небом и Землей [Тайлор 1989: 446–447]. Следовательно, земля и камень (скала) в данном случае функционально тождественны.

С другой стороны, в Куртатинском ущелье Северной Осетии вплоть до недавнего времени существовал обычай укладывать новорожденного первенца мужского пола на огромный камень, лежащий близ села, и перекатывать его с боку на бок[7]. Этот обычай, несомненно, свидетельствует о том, что священный камень рассматривался в качестве порождающего начала. «С этими же представлениями были связаны обычаи у скандинавов, немцев, японцев и других народов класть на землю новорожденных, только что обмытых и запеленутых» [Альбедиль 2002: 81]. Согласно же древнеиндийским родильным обычаям, землю, где рождался ребенок, «считали помощницей в благополучных родах и потому почитали ее» [Пандей 1990: 89]. В мифологии многих народов прародитель вышел либо из земли (например, у зулу), либо из скалы (например, у африканского племени эве), либо из пещеры (например, у бушменов) [Альбедиль 2002: 232][8].

Функциональную тождественность земли со скалой (камнем) следует иметь в виду и при реконструкции древнеосетинского мифа о рождении прародителя нартов. Лоно изначальной горы могло восприниматься в качестве лона всей земли, так как гора была единственной частью суши эпохи творения (об этом см. ниже).

Однако в отличие от сказания о рождении нарта Сослана, в котором небожитель пустил струю в камень, в рассматриваемом сказании способ зачатия совершенно иной: Бог *вдохнул* в «лоно природы». Этот прием зачатия героя напоминает одну из библейских версий предания о появлении первого человека, которого Господь Бог создал «из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Бытие, 2, 7)[9]. Очевидно, этот же библейский миф имеется в виду в первой строфе поэмы Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре»[10]:

Romelman ljekmna samqaro dzalita mit dzlierita,
Zegardmo arsni sulita qvna, zecit monaberita,
Iven, k'acta, mogvca kveqana, gvakvs utvalavi perita,
[da] Misgan ars qoveli xelmc'ipe saxita mis mierita

Что в буквальном переводе означает:

«Тот, кто создал Вселенную силой той всемогущею,
С небес все сущее наделив душой, сверху [душу] навеяв,
Нам, людям, подарил Вселенную [и] у нас она есть в [ее] многоцветии,
[и] От Него существуют все правители, [созданные] по Его подобию».

[7] Согласно любезному сообщению этнографа В. С. Газдановой.

[8] В качестве типологической параллели к мотиву рождения солнечного героя, Сослана, из камня ср. рождение из камня солнечного божества Цин-ду в китайской мифологии [Рифтин 1979: 130].

[9] Имя этого человека, *Адам*, нарицательно означает 'человек', а еврейское *адама* 'земля' грамматически есть женский род от слова *адам* 'человек' [Фрэзер 2003: 13].

[10] Цитирую по следующим изданиям: *Љota Rustaveli*. Vepxistqaosani. Tbilisi: «Sabu'ota Sakartvelo», 1966, g. 9; *Љota Rustaveli*. Vepxistqaosani. Tbilisi: «Nak'aduli», 1983, g. 5; *Љota Rustaveli*. Vepxistqaosani. Tbilisi: «Ganatleba», 1983, g. 9. Только в первом из этих изданий перед четвертой строкой имеется союз da 'и'. В третьем издании, на с. 14, имеются полезные комментарии к рассматриваемой строфе. В. И. Абаев дает обоснование перевода «Витязь в барсовой (а не тигровой!) шкуре» [Абаев ИТ-I: 487–493].

Как видим, у Руставели, в отличие от библейского мифа, Бог наделил душою через свое дыхание не только первого человека, но вообще все сущее на земле. В какой связи с этими двумя мифами находится осетинское сказание?

Мотив божественного дыхания как начала жизни широко известен во всем мире [Фрэзер 2003: 10–30]. В его основе лежит фундаментальная для человеческой культуры оппозиция «мужской – женский», одним из проявлений которой является представление о мире как результате слияния Слова, духа – отца всего сущего, и материи – матери [Маслова 2004: 121].

В осетинской традиции нам неизвестен другой сюжет, в котором бы божественное дыхание выступало в роли небесного отца. Означает ли это, что рассматриваемый мотив следует признать заимствованием из инонациональной традиции, например библейской или грузинской? Такую возможность нельзя исключать полностью, однако можно попытаться привести свидетельства и в пользу индоиранских истоков рассматриваемого мотива.

В древнеиндийской традиции дыхание считается главной жизненной силой, господином всех остальных жизненных сил. Если оно покинет тело человека, то неминуемо погибнут все остальные жизненные силы [*БрУ*, VI, 1, 13; *ЧУ*, V, 1, 12; *ПрУ*, II, 3-4]. «Жизнь – дыхание, дыхание, поистине, – жизнь. Ибо пока в этом теле пребывает дыхание, до той поры (пребывает и) жизнь» [*КУ*, III, 2]. «Боги дышат в соответствии с дыханием, (также) – люди и животные, ибо дыхание – жизнь существ; поэтому его зовут всеобщей жизнью» [*ТУ*, (блаженства Брахмана), III, 1]. «Дыхание – это Брахман. Ибо, поистине, от дыхания рождаются эти существа, дыханием живут рожденные, в дыхание они входят, умирая» [*ТУ*, (Бхригу), III, 1]. «Дыханием поддержан весь этот мир» [*БрУ*, I, 3, 23]. Ветер, наряду с огнем, также считается дыханием: «Поистине, ветер – дыхание, огонь – дыхание» [*МУ*, VI, 33]. «Ветер – дыхание, разлитое по телу» [*ПрУ*, III, 8].

Кроме того, согласно родильным обрядам древних индийцев, «отец приглашал пять брахманов, предлагал им встать в пяти местах и просил их дышать на ребенка. Таким образом брахманы помогали вдыханию жизни в ребенка» [Пандей 1990: 89]. Комментируя данный обряд, А. А. Вигасин пишет: «“Дыхание” и “жизнь” в санскрите выражаются одним и тем же словом “прана”, поэтому в ребенка вдыхают “жизнь”» [Вигасин 1990: 239].

На осетинской почве связь между понятиями «дуновение» и «душа», помимо анализируемого сказания, свидетельствуется еще и этимологическим родством таких слов, как *уад* ‘ветер’ и *уд* ‘душа’ [Абаев ИЭС-IV: 7; Cheung 2000: 232; Расторгуева, Эдельман 2000: 271-272][11] . Учитывая сказанное, анализируемый нартовский сюжет можно рассматривать в качестве иллюстрации к общеарийским представлениям о связи души и жизни с дуновением и ветром, т. е. божественным дыханием.

Таким образом, в рассматриваемом нартовском сказании представлен рефлекс индоевропейского мифа о браке между Небом и Землей, причем Отец-небо не просто оплодотворяет Мать-землю, а вдыхает жизнь в первого человека, родившегося из недр Земли.

2. Мотив Мировой горы

Сразу после своего рождения первый нарт поселился на вершине (или на склоне) высокой горы. Эту гору, несомненно, следует отождествить с Мировой горой. В Авесте Мировая гора, называемая *Harā bərəzaitī* ‘Высокая Хара’, возвышается в центре области Хванирата – единственной из семи областей, составляющих мир, которая населена людьми [Бойс 1987: 14–15]. Точно так же материк Джамбудвипа, согласно древнеиндийской космографии, находится в центре вселенной, а в его центре возвышается мифическая гора Меру [Темкин, Эрман 1985: 285–286].

Функциональное тождество нартовской горы с авестийской Харой и древнеиндийской Меру у нас не вызывает сомнений. Но дело этим не ограничивается. В названии как авестийской *Harā bərəzaitī*, так и осетинской *бæрзонд хох* содержится одна и та же древнеиранская основа **bṛz-* ‘возвышаться’, что, возможно, свидетельствует об общих иранских истоках образов и названий двух этих гор.

Мотив высокой горы как обители первобытного человечества глубоко архаичен. В скифской космографии средний, или земной, мир изображается в виде горы, соединяющей землю и небо [Грантовский 1960: 9–10; Раевский 1977: 78]. Согласно индоиранским представлениям, три вертикальные плоскости космоса соотносятся с тремя кастами. В скифской этногонической легенде хозяином средней плоскости является герой по имени *Липоксай* (из **Ripa-хлъауа-*), что в переводе со скифского означает либо «Гора-царь» [Грантовский 1960: 9; Раевский 1977: 63], либо – что менее вероятно – «Земли царь» [Абаев ИТ-I: 434]. В огузско-уйгурской легенде об Огуз-хане, зависящей от скифской легенды, хозяин средней плоскости также носит имя «Гора (Tag)-хан» [Грантовский 1960: 9].

[11] К параллелям, приведенным у В. И. Абаева для иллюстрации семантической эволюции «дуть» > «душа», следует добавить еврейское *руах* ‘ветер’ > ‘дух’, ‘душа’, а также утверждение Диогена Лаэртского, что «душа есть теплое дыхание» [Диоген 1987: 157].

Любопытно также, что и по представлениям персов первый земной правитель (он же – первый человек), Каюмарс, жил на склонах гор: «Стал Каюмарс вселенной властелином. | Он обитал сперва в краю вершинном» [ШН: 23][12]. Следовательно, представления о первом нарте, живущем на склоне горы, восходят, по крайней мере, к общеиранской мифологии. Общеиранские представления о первых людях, живущих на склоне горы, в свою очередь, имеют общеиндоевропейские истоки [Акишев 1984: 19]. «Обычной формой укрепленных поселений у древних индоевропейцев были поселения на возвышенностях, склонах. Слова, обозначавшие такие 'укрепленные поселения', связаны обычно по происхождению с основами в значении 'высокий', 'гора', 'скала'» [Гамкрелидзе, Иванов 1984-II: 744].

Мотив первого человека (первых людей), живущего на склоне горы, встречается в осетинской традиции и за пределами нартовского эпоса. Он прикреплен к таким реально существующим в Осетии священным горам, как *Бурхох* и *Хъæриу* [Дзиццойты 2000: 141 и сл.].

3. Мотив конца золотого века и переселения с гор на равнину

Со временем первый нарт переселился с Высокой горы на равнину *Тæлæгтæ*. Причина переселения сказителем не оговаривается, поэтому нам не ясно, что побудило первого нарта покинуть первоначальную родину. Некоторые параллели на осетинской и авестийской почве позволяют высказать следующие соображения.

В одном североосетинском предании так говорится о появлении жизни на земле: *Фыццаг адæм Хохы*[13] *цардысты, быдыры та денджыз уыд, æмæ дæттæ иуылдæр уырдæм цыдысты. Иу заман Кæрдзыны рагъы*[14] *дон бахордта æмæ йæ атыдта. Дон кæм атыдта, уый хонгæ дæр «Æрджынарæг» уымæн хонынц, ома «æрæджы нарæг». Быдыр куы фæсур, уæд дзы стыр хъæд ссыд æмæ йæм стæй Хохæй адæм лидзын байдыдтой* [ИАА-III: 113] «Вначале люди жили[15] в горах (или в Хохе), а равнина была покрыта морем, и все реки текли в него. (Но) однажды подмыло Карджинский хребет и вода ушла (букв. "прорвалась")[16]. Место, где вода прорвалась, потому и называется так: *Æрджынарæг* ("теснина Арг"), т. е. *æрæджы нарæг* 'недавно (образовавшаяся) теснина'[17]. Когда равнина освободилась от воды, на ней вырос густой лес, а затем люди стали переселяться с гор (на эту равнину)».

Как видим, осетинская космография описывает изначальную землю в виде горы, соединяющей море и небо, что в точности соответствует представлениям скифов о первоначальной обители людей (см. выше). Разница в том, что ни в скифском предании (ввиду отсутствия в дошедших до нас вариантах полной его версии), ни в анализируемом нартовском сказании нет сведений о причинах переселения первых людей с гор на равнину. Этот пробел восполняет цитированное предание: гора возвышалась посреди моря, но со временем море отступило, и обнажилась суша, мыслившаяся равниной, поросшей густым лесом. Эту равнину постепенно обжили люди.

Известна еще одна версия рассматриваемого осетинского предания, в которой указаны иные причины переселения осетин с гор на равнину (или в предгорные долины). В мифологии южных осетин гора *Бурхох*, как отмечалось выше, считается священной. Род людской появился и жил на склонах этой горы. То был золотой век в истории человечества: склоны горы были покрыты пышной растительностью, садами и виноградниками; в то время не было ни снега, ни холодов, и первобытное человечество было обласкано солнцем; людей на «земле» было много, но все они жили в мире и согласии, управляемые всеми любимым царем (или царицей); дорога в небеса была открыта, и первобытные люди могли подняться к богам, а те в свою очередь могли спуститься к людям; на вершине горы стоял дворец (или святилище), в котором находился напиток *æлутон*, способный навеки утолить и голод, и жажду. Однако однажды пришел конец беззаботной жизни человечества. Наступили холода, приведшие к гибели солнечного божества и его коня. Склоны гор оголились. Осознав свое положение, первые люди, согласно одной из версий рассматриваемого предания, решили переселиться на равнину, точнее – в предгорные долины, где, естественно, и климат был теплее, и земля плодороднее [Ф 1998-V: 81; см. также: Дзиццойты 2000].

Аналогичная причина могла побудить к переселению и первого нарта. Изначальная Гора, на которой он жил, могла мыслиться единственной частью суши, окруженной со всех сторон морем[18], или же эта Гора могла мыслиться «райской обителью», возвышающейся посреди густого леса. Лес, по представлениям древних, ассоциируется с потусторонним миром

[12] Согласно другому переводу: «Тогда Каюмарс повелителем стал; | Высоко в горах он сперва обитал» [ШН-I: 23].

[13] *Хох*, букв. 'гора' – так осетины называют Главный Кавказский хребет и прилегающие к нему ущелья.

[14] В тексте ошибочно *рæгъы*.

[15] Возможен также перевод: «Первые люди жили» и далее по тексту.

[16] С данным мотивом любопытно сравнить древнеиндийское предание о священной реке Сарасвати: «Она, словно кабан (своими) яростными атаками, проломила | Спину гор мощными волнами» [РВ, VI, 61, 2].

[17] Народноэтимологическое сближение компонента «*Æрг*» с созвучным осетинским словом *æрæг*.

[18] Скала, из которой родился нарт Сослан, возвышалась либо посреди реки, либо на ее берегу.

(см. ниже), и, следовательно, он как обитель мрака и холода мог противопоставляться Горе как обители света и тепла. Водный объект же мыслился границей между миром живых и миром мертвых. Таким образом, гора была единственным географическим объектом, пригодным для жилья.

Однако с наступлением глобальных изменений в природе (отступление моря; наступление первых заморозков) все изменилось: на склонах Горы исчезла растительность, там стало настолько холодно, что невозможно было жить, а равнина, напротив, оказалась более пригодной для жизни человека. Этот более поздний срез в истории становления макрокосма мы и находим в подавляющем большинстве нартовских сказаний, а также и в осетинских сказках, в которых горы, окружающие нартовские поселения (или земли), населены мифическими ваюгами, олицетворяющими деструктивные силы природы.

По аналогии с этим можно высказать догадку, что и переселение первого нарта с гор на равнину было вынужденным.

Чтобы окончательно убедиться в справедливости сделанного нами вывода, обратимся еще к данным Авесты, во многом являющимся отражением общеиранских представлений. Упомянутая выше «Высокая Хара» считалась обителью солнечного божества Митры. На вершине Хары не было ни холода, ни ночи, ни смерти [Михр-яшт, XII, 50]. Таким образом, в осетинской и авестийской мифологии золотой век оказывается привязанным к изначальной горе. Но существует еще одна параллель, которая полностью сближает Хару со священной горой *Бурхох*. Название *Бурхох*, буквально означающее «Желтая гора», у осетинской горы не единственное. Другое, более архаичное название этой горы – *Хурбадæны хох* [ИАА-II: 38], что в переводе означает «гора, (являющаяся) обителью Солнца». Но и Хара, как мы видели, была обителью солнечного божества Митры. Следовательно, солнечная гора как райская обитель первобытных людей – это общеиранский мифологический мотив.

Правда, в Авесте первые люди в эпоху золотого века отнюдь не живут на склонах Хары. Герой золотого века Йима, как и весь его народ, живет на равнине [Видевдат, II, 1-21; Ясна, IX, 5]. Но, возможно, Авеста сохранила интересующий нас миф не в полном объеме: выше мы видели, что Мировая гора как обитель первобытного человечества – это общеиндоевропейский мотив, и, следовательно, в древнеиранской мифологии должны были быть сюжеты, описывающие переселение людей с гор на равнину, а также объясняющие причину этого переселения. И именно эти сюжеты могли сохраниться в цитированных осетинских мифах, но были утрачены в мифологии Авесты.

Параллель между осетинским и авестийским мифом на этом не заканчивается. В Авесте миф о конце золотого века встречается в двух вариантах [Puhvel 1987: 108]. Согласно одному из них, причина конца золотого века – в грехопадении первого правителя Йимы [Яшт, XIX, 33-34]. А согласно второму – конец золотого века связан с наступлением зимы и смертельных холодов [Видевдат, II, 20-24]. Последняя версия в точности совпадает с описанием конца золотого века в предании о горе Бурхох[19]. Следовательно, и в данном случае мы имеем дело с общеиранской традицией, сохранившейся как в мифологии Авесты, так и в мифологии осетин. Данный вывод позволяет увереннее утверждать, что Вахтанага к переселению на равнину могла побудить одна из упомянутых причин, например наступление смертельных холодов, ознаменовавшее конец золотого века.

4. Мотив выделения Космоса из Хаоса

Переселившись на равнину, Вахтанаг огородил какую-то часть пространства далеко простирающимися замками (*дардыл зылд галуантæ*). Чтобы понять суть данного акта, следует напомнить, что цитированное осетинское предание о первобытном человечестве дало нам возможность несколько дополнить слишком сухое описание нартовского сказания: переселившись на равнину, Вахтанаг, возможно, застал там густой лес. В мифологии многих народов лес является обителью демонических существ. Следовательно, огородив пространство, Вахтанаг выделил космос из хаоса, создал упорядоченный мир, который помещен внутри хаоса. Крепкие стены замка делают недоступным огороженное пространство для сил хаоса.

Аналогичный сюжет известен и в Куртатинском ущелье Северной Осетии: поселившись в селении *Лæц*, известном современным осетинам как «селение нартов», эпические нарты обязали великанов поставить на правом берегу реки Фиагдон, по углам освоенной ими территории, вертикальные камни-цирты. В результате был выделен участок земли почти квадратной формы, в центре которого и находится селение Лац. Великанам не позволялось пересекать границы нартовской территории, но и нартам было небезопасно покидать пределы, обозначенные вертикально стоящими камнями. Поскольку великаны принадлежат к демоническим существам осетинской мифологии, в предании о селении Лац также следует видеть акт выделения Космоса из Хаоса [Дзиццойты, Кочиев 1990: 50-52].

[19] Существовал, по-видимому, и другой вариант конца золотого века в мифах, посвященных горе Бурхох. Ж. Дюмезиль обосновал мнение, согласно которому конец золотого века в ряде индоевропейских традиций связан с происками героя-трикстера, направленными на приобретение для человечества напитка бессмертия, принадлежавшего богам [см.: Littleton 1982: 43 ff.]. В этой связи интересно отметить предание о похищении божественного напитка *æлутон* с вершины горы Бурхох [Ф 1996-I: 88].

Еще одну реализацию рассматриваемого мотива находим в сказании о женитьбе нарта Сослана. Сослан, как известно, женился на дочери Солнца, которая была воспитанницей великанов. В качестве калыма великаны потребовали от Сослана возвести на берегу моря железный замок (*галуан*), а по четырем углам замка посадить листья чудесного растения *аза*. Герой выполнил это требование и женился на своей избраннице. Здесь мы снова видим акт выделения космоса из хаоса, а герой Сослан в очередной раз оказывается близок к персонажам начального времени осетинской мифологии.

Чудесные замки осетинской мифологии напрашиваются на сравнение со знаменитым Варом в мифологии Авесты. Причины появления Вара во многом совпадают с обстоятельствами появления замков Вахтанага.

Верховный бог авестийской традиции Ахурамазда, собрав весь народ во главе с Йимой на равнине Арианам-Вайджа у реки Вахви-Датии, сообщил им о конце беззаботной жизни: «На этот плотский злой мир придут зимы, а от них сильный смертельный холод». Чтобы спасти жизнь на земле, Йима, по совету Ахура-Мазды, построил глинобитную крепость Вар, куда собрал достойнейших из людей, лучших животных, а также полезные растения и огни. В этом укрытии они и пережили смертельные холода зим, снегопады и наводнения [Видевдат, II, 20-38].

Как видим, Йима построил крепость, отделявшую космос от огромного океана мирового хаоса. Особо следует подчеркнуть, что климат внутри Вара был прямо противоположен климату за его пределами. Советуя Йиме построить Вар, Ахурамазда говорит: «Там устрой луга, всегда зеленеющие, где поедается нескончаемая еда» [Видевдат, II, 26]. Вняв совету, Йима «устроил луга, всегда зеленеющие, где поедается нескончаемая еда» [Видевдат, II, 34].

Совершенно очевидно, что и авестийская крепость Вар, и огромные замки Вахтанага выполняли одну и ту же функцию: отделяли космос от хаоса. При этом Йима строит Вар непосредственно перед концом золотого века, и то же самое следует предположить в отношении построения замков Вахтанагом[20].

Необходимо добавить, что и на вершине священной горы Бурхох стоит чудесный замок или чудесный дворец, в котором живут небожители (или цари) [Дзиццойты 2000: 143]. Учитывая функциональное тождество «высокой горы» нартовской мифологии со священной горой Бурхох, следует предположить, что и замки Вахтанага каким-то образом связаны с мифическими замками горы Бурхох. Думается, не будет большого преувеличения, если мы выскажем гипотезу о том, что аналогичный замок мог стоять на вершине нартовской «высокой горы», по образцу которого Вахтанаг и возвел свои замки на равнине. Это предположение усиливается сведениями о «небесном граде» в индоиранской мифологии, по образцу которого был построен авестийский Вар [Кузьмина 1994: 72][21].

5. Мотив магического квадрата

Следует остановиться и на вопросе о форме замка, построенного Вахтанагом. В тексте нет на этот счет прямого указания. Однако, по аналогии с формой «нартовского села» в Куртатинском ущелье, а также замка (*галуан*), построенного Сосланом по требованию великанов, можно утверждать, что и замок (*галуантæ*) Вахтанага имел четырехугольную форму. Вопрос о форме замка не является праздным, так как организованный мир в разных мифологических традициях имеет как четырехугольные очертания, так и форму круга [Раевский 1977: 84, 187; Акишев 1984: 16, 19, 40; Альбедиль 2002: 136]. В древнекитайской мифологии магический круг является символом неба, а магический квадрат – символом земли [Рифтин 1979: 62, 71]. В мифах древних египтян небо незыблемо держится на четырех столбах, которые установлены на границах земли [Альбедиль 2002: 112].

Характерной моделью организованного пространства является также Скифия по описанию Геродота (IV, 101): она имеет форму равностороннего четырехугольника, причем две ее стороны «доходят до моря». Это сразу же заставляет вспомнить нартовские замки, также стоявшие либо на берегу Черного моря (замок, возведенный Сосланом), либо на берегу реки

[20] Сопоставление четырехугольного замка нарта Сослана с авестийским Варом впервые предложено автором этих строк и этнографом К. К. Кочиевым в совместном докладе, прочитанном на научной конференции во Владикавказе в 1990 г. [Дзиццойты, Кочиев 1990: 50-52]. Эту же параллель без ссылки на нашу работу приводит А. Е. Иванеско [Иванеско 1999: 66].

[21] Термин *галуан*, которым обозначаются все замки в цитированных осетинских мифах, является относительно поздним заимствованием из соседних кавказских языков [Абаев ИЭС-I: 507]. Исконное название для ‘ограды; крепостной стены’ скрывается, возможно, в осет. *быру* | *буру, бурæу*, которое Г. Бейли связывает с хотаносакским *prıva* ‘крепость’ [Bailey 1980: 251]. В форме множественного числа это слово отложилось в топониме *Брут* в Северной Осетии [Чочиев 1985: 13-15]. В связи с этим любопытно отметить древнегрузинское название горы Бурхох – *Брут-сабдзели*. Не является ли первая часть этого оронима осетинским словом *брут(æ)* ‘ограда, которой обнесен замок’? Речь могла идти о мифической ограде, возвышающейся вокруг мифического замка. Результатом демифологизации сюжета могла явиться утрата исконной семантики рассматриваемого слова, снабженного в грузинском названии словом *сабдзели* ‘саманник’. Осетинская мифология знает только замок, но не саманник на вершине священной Бурхох.

(четырехугольное «нартовское» селение в Куртатинском ущелье).

Некоторые ученые были склонны понимать сообщение Геродота буквально, пытаясь соотнести четырехугольную Скифию с реальной географией Скифии (библиографию вопроса см. в: [Доватур и др. 1982: 339-341]). «Однако попытка соотнесения этого пассажа с реальной географией и определения на карте границ “скифского четырехугольника” выводит сторонников такого толкования далеко за пределы истинного ареала памятников, сколько-нибудь оправданно соотносимых со скифами» [Раевский 1977: 83-84]. И к тому же, как указал Д. С. Раевский, скифский четырехугольник имеет точную аналогию в мифической географии «Авесты», согласно которой [Видевдат, I, 17] легендарный герой Траетаона родился в стране, созданной Ахурамаздой и имеющей четырехугольные очертания, – так называемой «четырехугольной Варэне» [Раевский 1977: 84]. Авестийская *Varəna-čaθru.gaoša-,* букв. ‘Варэна четырехухая’, находит точную параллель в языке «Шахнаме» – *gar čahārgōš* [Bartholomae 1961: 1372]. Эту Варэну трудно отделить от Вара, созданного Йимой[22], который, судя по описанию, также был четырехугольным [Лелеков 1980: 215]. Ахурамазда так говорит о нем Йиме: «И ты сделай Вар размером в лошадиный бег на все четыре стороны» [Видевдат, II, 25]; «И вот Йима сделал Вар размером в лошадиный бег на все четыре стороны» [Видевдат, II, 33].

«Мотив квадратного ограждения, внутри которого упорядочен мир, противопоставленный силам хаоса и смерти, прослеживается в некоторых индоевропейских традициях (Roma Quadrata в римской мифологии и др.; ср. прямоугольные в плане храмы в иранской, славянской, древнегреческой и других традициях). Особо близкий В[ару] образ – квадратная “обитель Ямы” в “Ригведе” (9, 113, 7-8): это тоже обитель блаженных, средоточие бессмертия, но не на земле, а в загробном мире» [Лелеков 1980: 215]. Приведем дополнительные сведения, подтверждающие данный вывод.

Говоря о Мидии, Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 28) специально подчеркнул, что «страна имеет вид четырехугольника». Четырехгранной представлялась обитаемая земля и древним индийцам. В «Атхарваведе» читаем: «Четыре стороны у неба, Четыре также у земли» [АВ, I, 11, 2]. В «Ригведе» также упоминаются «четыре стороны земли» [РВ, X, 19, 8], причем в одном из гимнов земля названа «землей с четырьмя углами» [РВ, X, 58, 3]. Кроме того, жертвенник огня древние индийцы также заключали в прямоугольник, начертанный на земле путем проведения борозд колесницей [Дюмезиль 1986: 20]. Также и в русской мифологии обитаемая земля имеет четырехугольные очертания и мыслится островом, который «плавает в воде, которой нет конца» [Успенский 1982: 56].

Как видим, представления о четырехугольной форме обитаемой земли имеют индоевропейские истоки. Четырехугольные замки нартовской мифологии являются репликой четырехугольной Скифии и помимо всего прочего подтверждают мифологическое происхождение данного пассажа в скифском фольклоре, откуда он и проник в труд Геродота. Нет сомнения, что и замки Вахтанага имели форму четырехугольника.

6. Мотив рождения потомства у первого нарта

Рассмотрим теперь отрывок, в котором описывается появление нартов и чинтов. Сказитель говорит о них сразу после того, как рассказал о переселении Вахтанага на равнину. Интересующий нас пассаж гласит: «(Со временем) вокруг Вахтанага поселились три (группы) нартов и чинты, а размножившись, они дали начало неисчислимому потомству нартов». Данный пассаж предшествует пассажу о женитьбе Вахтанага, поэтому создается впечатление, будто у Вахтанага не было потомства до переселения на равнину. Кроме того, описав рождение у Вахтанага детей, сказитель ничего не сказал о том, откуда появились те нарты и чинты, которые поселились вокруг родоначальника нартов. Создается впечатление, что они появились независимо от Вахтанага и не являются его потомками, подобно тому, как в цитированном древнегрузинском мифе все сущее является творением Верховного Бога. Но почему в таком случае Вахтанаг изображен первым человеком?

Ответ на поставленный вопрос следует искать в характере анализируемого текста. В нем, как мы полагаем, произошла контаминация двух разных сказаний: сказания о первом нарте со сказанием о рождении Ахсара и Ахсартага. Все, что говорится о Вахтанаге до его женитьбы, несомненно, относится к первому нарту, известному в нартовском эпосе и под другими именами (*Бæсты-сæры-тых, Сæуæссæ, Хъуырыс, Дзылы-мæликк, Хуро*). А все, что говорится в связи с женитьбой Вахтанага и рождением у него близнецов Ахсара и Ахсартага, а также в связи с его дальнейшими деяниями, взято из сказания, посвященного Ахсару и Ахсартагу, отцом которых, согласно большинству сказаний, и является нарт Вархаг // Ва(р)хтанаг, которого подавляющее большинство сказителей причисляет к третьему, а не первому поколению нартов [Дзиццойты 2005]. Контаминация двух разных сказаний привела к тому, что имя героя третьего поколения, Вахтанага, было перенесено на первого нарта.

Если рассматриваемый пассаж оценивать с этой

[22] Этимология авестийского *Varəna-* считается невыясненной [Bartholomae 1961: 1372].

точки зрения, то следует признать, что в нем утрачена информация о женитьбе первого нарта и о рождении у него потомства, кои суть и являются теми нартами, которые поселились вокруг его жилища на равнине Талагта. При этом допустимы два варианта решения вопроса о времени женитьбы Вахтанага. Он мог жениться и обзавестись потомством еще в ту пору, когда жил на склоне первозданной Горы, и в этом случае появление нартов (и чинтов) на равнине вслед за Вахтанагом следует рассматривать как массовый исход со склонов Горы. Весь сюжет о переселении сопоставим с переселением мифических предков южных осетин со склонов горы Бурхох в предгорья, а также с переселением северных осетин с гор (*хох*) на равнину после ухода моря. Но Вахтанаг мог жениться и после переселения на равнину, и в этом случае «появление» рядом с ним нартов следует понимать как нарождение у него потомства.

7. Мотив небесных даров Вахтанагу

Нам остается рассмотреть вопрос об участии небожителей в жизни Вахтанага. Оно сводится не только к сотворению первочеловека. Как мы видели выше, после переселения на равнину Вахтанаг, во-первых, получил от богов дары (железную соху и семена), а во-вторых, пользовался милостью части богов, зорко оберегавших его поля и нивы от немилости другой части богов. Данный пассаж окончательно убеждает нас в том, что жизнь Вахтанага на склонах горы протекала в эпоху золотого века. Одна из характеристик золотого века заключается как раз в том, что в этот период у первых людей не было заботы о хлебе насущном: они не пахали и не сеяли, а только пользовались щедрыми дарами природы. Необходимость в сохе и в пригодных для сева злаках возникла у людей уже после конца золотого века. И мы видим, что именно после переселения на равнину первый нарт получил в дар все необходимое для занятия земледелием. Следовательно, до переселения Вахтанага на равнину «высокая гора» была исключительно плодородной, доставлявшей и Вахтанагу и его потомству все необходимые средства пропитания.

Об этом же говорит факт разделения богов на злых и добрых. В эпоху золотого века все боги были только добрыми. Злое божество, если оно вообще существовало в эпоху золотого века, находилось либо в плену у доброго бога, либо было полностью отделено от царства света и тепла, а первобытный человек ощущал постоянную заботу о себе со стороны добрых богов. Как в Авесте, так и в осетинской традиции злое божество является носителем прежде всего смертельного холода. В цитированном выше югоосетинском предании злое божество мыслилось звездой Венерой (*Бонвæрнон*). В рассматриваемом нартовском сказании нивам Вахтанага угрожает град и ветер, причем ветер считается порождением божества Наф. Не исключено, что именно это божество причастно к появлению первых холодов в стране нартов. Если так, то божество Наф тождественно звезде Бонварнон, а также авестийскому Анхра-Манью. К сожалению, о функциях божества Наф мы знаем слишком мало [см.: Миллер ОРНС-II: 840; Абаев ИЭС-II: 148-149; Калоев 1971: 255-256; Чибиров 1976: 90-91], чтобы утверждать что-либо уверенно. О предполагаемой связи рассматриваемого божества с демоническими силами может свидетельствовать, например, один пассаж в нартовском эпосе, описывающий подземных духов сидящими на пиру в честь божества Наф [НТХ: 71][23].

Что касается мотива небесных даров, то, как мы помним, небожитель Курдалагон одарил первого нарта сохой, а небожитель Уацилла – семенами. Аналогичный мотив встречается в цикле сказаний о Сослане[24]. Известен он и в генеалогической легенде скифов: во времена первого человека Таргитая и его сыновей – Липоксая, Арпоксая и Колаксая – с неба упали золотые предметы (плуг с ярмом, секира и чаша), доставшиеся в удел Колаксаю (Геродот, IV, 5). Функциональное значение этих предметов хорошо известно: чаша имеет культовое значение и символизирует первую, жреческую, функцию; секира предназначена для войны и символизирует вторую, воинскую, функцию; а плуг с ярмом предназначены для пахоты и символизируют третью, хозяйственную, функцию [Дюмезиль 1976: 155-158; Раевский 1977: 71; Абаев ИТ-I: 424]. Эта же легенда о священных дарах повторяется относительно саков, получивших в наследство следующие дары (Квинт Куций Руф, VII, 8, 17-19): упряжку быков и плуг (3-я функция), копье и стрелу (2-я функция), а также чашу (1-я функция) [Дюмезиль 1976: 156; Дюмезиль 1990: 133-132; Кузьмина 1994: 212]. Скифское предание сопоставлено и с авестийским преданием о ниспослании верховным богом Ахурамаздой первому земному царю Йиме золотых орудий – стрекала и сошника (или плуга), как символов его власти над землей [Миллер 1887: 127; Раевский 1977: 29; Доватур и др. 1982: 211]. Таким образом, легенда о небесных дарах первому человеку имеет общеиранские истоки. Нет сомнений в том, что и рассматриваемое нартовское сказание по происхождению связано с этой легендой. Но почему в скифской и сакской легендах упоминаются символы всех трех функций, а в осетинской (и авестийской?) – только символ третьей функции? Ответ на этот вопрос кроется в отмеченной выше особенности осетинского эпоса: как мы

[23] Мало что дает и сравнение божества Наф с мегрельским *Napra* – названием божества и летнего праздника. Мегрельский теоним, по мнению В. И. Абаева, идет из осетинского (аланского) [Абаев ИЭС-II: 149], тогда как В. Чирикба считает мегрельский теоним, как и его вариант *Napurnaxe,* заимствованием из абхазского *Napra* // *Napər-nəxa* ‘имя божества’, где *a-nəxa* – это исконно абхазское слово со значением ‘икона, святилище’ [Чирикба 1998: 137]. На абхазской почве ср. еще *apapa-nada* ‘божество урожая’ [Бгажба 1988: 145].

[24] Вопрос о небесных дарах нарту Сослану рассматривается в другой работе автора.

помним, первые два поколения нартов рисуются рядовыми общинниками – скотоводами и земледельцами, в среде которых распространен крестьянский обычай раздела имущества (минорат), тогда как начиная с третьего поколения нартов общество стало социально дифференцированным, а в среде воинов утвердился аристократический обычай раздела имущества (майорат) [Дзиццойты 2005]. Как нам представляется, разница между небесными дарами нартов и скифов отражает эти представления: первый нарт получил только символ своей функции[25], так как он скотовод и земледелец, тогда как Колаксай – правитель и «аристократ» – получил символы всех трех функций, знаменующих его власть над тремя стратами скифского общества. В осетинском фольклоре «аристократический» набор даров находим в предании о родоначальниках осетинского народа [Абаев ИЭС-III: 103; Абаев ИТ-I: 425; Гаглойти 1989: 22]. «Крестьянский» вариант небесного дара (плуг или соха) находим в осетинских легендах, записанных у осетин Триалетского и Дигорского ущелий [Чибиров 1985: 244-245].

Приведенный материал о небесных дарах в мифологии иранских народов позволяет отвести популярные в грузинской историографии высказывания о кавказском происхождении скифского мифа о плуге, упавшем с неба и доставшемся первому человеку или одному из его потомков. Считается, что скифы в эпоху Геродота были кочевниками, поэтому в их мифологию пахотное орудие могло попасть только извне [Джавахишвили 1930: 263; Чиковани 1966: 59; Сургуладзе 1986: 154; Кантария 1989: 173]. Эти высказывания несостоятельны по ряду причин. Во-первых, авторы ссылаются исключительно на скифский миф в записи Геродота, не зная о параллелях к нему на сакской и авестийской почве. Во-вторых, как отметил Д. С. Раевский, возражая против аналогичных высказываний некоторых скифологов, если культурно-хозяйственные реалии «выступают в роли священного атрибута, соотнесенного с обширной системой символов, то (…) они могут сохраняться очень долго, переживая породившую их культурно-историческую ситуацию» [Раевский 1977: 29]. Следовательно, скифская легенда могла появиться, и действительно появилась, как это видно, из сакской и авестийской параллели, еще до перехода части скифов к кочевничеству, и является вариантом общеиранского мифа. Напротив, грузинская легенда о получении первого плуга с неба сама является заимствованной из скифской или сармато-аланской мифологии.

Подведем итог. Оценивая рассматриваемый фрагмент сказания о первом нарте, следует признать, что сведения, касающиеся рождения и деяний первого нарта, а также рождения у него потомства, изложены сказителем слишком кратко и в ряде случаев довольно туманны. Привлечение данных осетинской мифологии и этнографии, а также данных индоиранской мифологии позволяет восполнить утраченные фрагменты и мотивы сказания о первом нарте. Эти же сравнения позволяют возвести основу сказания о рождении и деяниях первого нарта (читай: первого человека) к общеиранской мифологии.

При этом обнаруживаются также поразительные черты сходства в «биографии» первого нарта и нарта Сослана, которые суть следующие: первый нарт, как и Сослан, родился из «лона природы», мыслящегося в одном случае землей(?), а в другом – камнем//скалой; оба героя участвуют в акте творения, сводящегося к выделению Космоса из Хаоса; оба героя получают небесные дары. Не означают ли эти совпадения, что в первоначальной редакции нартовского эпоса нарт Сослан мог рассматриваться в качестве родоначальника нартов? Ответы на этот и многие другие вопросы, остающиеся открытыми, еще предстоит дать исследователям осетинской мифологии.

[25] Любопытно отметить, что и в древнекитайской мифологии герой Шэнь-нун, являющийся преемником и потомком прародителей Фу-си и Нюй-ва, является божественным земледельцем, а на груди у него изображен плуг [Рифтин 1979: 79, 80-81].

ИСТОЧНИКИ

АВ – Атхарваведа (Шаунака). Книги I-VII / Пер. с ведийского языка, вступительная статья, комментарии и приложения Т. Я. Елизаренковой. М., 2005.

БрУ – Брихадараньяка упанишада / Пер. с санскрита А. Я. Сыркина // Упанишады. М., 2003.

ИАА-II – Ирон адæмон аргъæуттæ. Т. II. Цхинвал, 1960.

ИАА-III – Ирон адæмон аргъæуттæ. Т. III. Цхинвал, 1962.

ИАС-I – Ирон адæмы сфæлдыстад. Т. I, II. Дзæуджыхъæу, 1961.

КУ – Каушитаки упанишада / Пер. с санскрита А. Я. Сыркина // Упанишады. М., 2003.

МУ – Майтри упанишада / Пер. с санскрита А. Я. Сыркина // Упанишады. М., 2003.

НТХ – Нарты таурæгътæ æмæ хабæрттæ. Цхинвал, 1973.

ОРФ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Фонд «Фольклор».

ПрУ – Прашна упанишада / Пер. с санскрита А. Я. Сыркина // Упанишады. М., 2003.
РВ – Ригведа. Мандалы I-VIII / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М., 1999. Мандалы V-VIII.
ТУ – Тайттирия упанишада / Пер. с санскрита А. Я. Сыркина // Упанишады. М., 2003.
Ф – журнал «Фидиуæг». Цхинвал.
ЧУ – Чхандогья упанишада / Пер. с санскрита А. Я. Сыркина // Упанишады. М., 2003.
ШН – Фирдоуси. Шах-наме / Пер. с фарси С. Липкина, В. Державина. М., 1972.
ШН-I – Фирдоуси. Шахнаме. Т. I / Пер. с перс. Ц. Б. Бану под ред. А. Лахути. М., 1957.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев ИЭС-I – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М; Л., 1958.
Абаев ИЭС-II – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973.
Абаев ИЭС-III – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979.
Абаев ИЭС-IV – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
Абаев ИТ-I – Абаев В. И. Избранные труды. Т. I. Владикавказ, 1990.
Акишев 1984 – Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
Альбедиль 2002 – Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. СПб., 2002.
Бгажба 1988 – Бгажба Х. С. Труды. Книга вторая: исследования и очерки. Сухум, 1988.
Бойс 1987 – Бойс М. Зороастрийцы / Пер. с англ. М., 1987.
Вигасин 1990 – Вигасин А. А. Комментарии // Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1990. С. 219-290.
Гаглойти 1989 – Гаглойти Ю. С. Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 11-35.
Газданова 2003 – Газданова В. С. Традиционная осетинская свадьба: миф, ритуалы и символы. Владикавказ, 2003.
Гамкрелидзе, Иванов 1984-II – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.
Грантовский 1960 – Грантовский Э. А. Индоиранские касты у скифов. М. 1960 (отд. оттиск).
Джавахишвили 1930 – Джавахишвили И. Экономическая история Грузии. Т. I. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).
Дзиццойты 1998 – *Дзиццойты Ю. А*. Зæхгуысты традициты равзæрд ирон адæммæ // Мах дуг. 1998. № 2. С. 143-150.
Дзиццойты 2000 – Дзиццойты Ю. А. «Золотой век» в осетинской мифологии // Известия ЮОНИИ. Вып. XXXVI. Цхинвал, 2000. С. 139-159.
Дзиццойты 2005 – Дзиццойты Ю. А. Родословное древо нартов // Историко-филологический архив, 2005. Вып. 3. С. 4-15.
Дзиццойты, Кочиев 1990 – Дзиццойты Ю. А., Кочиев К. К. Новые этнографические материалы к осетинской космологии // Вопросы иранистики и алановедения (тезисы докладов). Владикавказ, 1990. С. 50-52.
Диоген 1986 – О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Т. VII. М., 1986.
Доватур и др. *1982* – Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарии. М., 1982.
Дюмезиль 1976 – Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Пер. с франц. М., 1976.
Дюмезиль 1986 – Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с франц. М., 1986.
Дюмезиль 1990 – Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / Пер. с франц. М., 1990.
Жебелев 1953 – Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.
Иванеско 1999 – Иванеско А. Е. Образ Мирового древа осетинских нартовских сказаний // Донская археология, 1999. № 3-4. Ростов-на-Дону. С. 65-67.
Калоев 1971 – Калоев Б. А. Осетины. М., 1971.
Кантария 1989 – Кантария М. В. Некоторые стороны традиционно-ритуальной религии осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 164-183.
Кузьмина 1994 – Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Лелеков 1980 – Лелеков Л. А. Вара // Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 215.
Лосев, Тахо-Годи 2002 – Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Боги и герои Древней Греции. М., 2002.
Маслова 2004 – Маслова В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие. Изд. 2-е. М., 2004.
Миллер 1887 – Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М., 1887.
Миллер ОРНС-II – Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. II. Л., 1929.
Пандей 1990 – Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды / Пер. с англ. М., 1990.
Раевский 1977 – Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
Расторгуева, Эдельман 2000 – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000.
Рифтин 1979 – Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979.
Сургуладзе 1986 – Сургуладзе И. К. Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
Тайлор 1989 – Тайлор Э. Б. Первобытная культура / Пер. с англ. М., 1989.
Темкин, Эрман 1985 – Темкин Э. А., Эрман В. Г. Мифы Древней Индии. М., 1985.
Трубецкой 1987 – Трубецкой Н. С. Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (земли) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 346-349.
Уарзиати 1987 – Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987.
Успенский 1982 – Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
Фрейденберг 1998 – Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998.
Фрэзер 1983 – Фрэзер Дж. Золотая ветвь / Пер. с англ. М., 1983.
Фрэзер 2003 – Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете / Пер. с англ. М., 2003.
Чибиров 1976 – Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал, 1976.
Чибиров 1985 – Чибиров Л. А. Об одном скифском реликте в религии осетин // Хелеули. Материалы по этнографии Грузии, XXII. Тбилиси, 1985. С. 90-91.
Чиковани 1966 – Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., 1966.
Чирикба 1998 – Чирикба В. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 128-142.
Чочиев 1985 – Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвал, 1985.

Bailey 1980 – Bailey H. W. Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1980. P. 236-267.
Bartholomae 1961 – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Berlin, 1961.
Cheung 2000 – Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. Leiden, 2000.
Littleton 1982 – Littleton C. S. The New Comparative Mythology. An Anthropological Assessment of the Theories of Georges Dumézil. Berkeley / Los Angeles / London, 1982.
Puhvel 1987 – Puhvel J. Comparative Mythology. Baltimore, London, 1987.
Zgusta 1953 – Zgusta L. Zwei skythische Götternamen // Archiv Orientalni, XXI, 1953. S. 270 ff.

Т. К. Салбиев

Об осетинском прилагательном *с'æх* *(языковые основы традиционного цветовосприятия)*

Интерес к цвету, как одному из компонентов традиционной культуры, всегда присутствовал в осетиноведении. В конце прошлого века видным осетинским этнографом В. С. Уарзиати, относившим национальную колористику к числу форм этнокультурного самоутверждения и самовыражения, был сделан ряд основополагающих наблюдений о цветовом восприятии осетин [Уарзиати 2006: 1, 3]. В литературе можно также встретить различные замечания об осетинском цветовосприятии более частного характера.

Как правило, изучение этого элемента народной культуры не обходится без привлечения наряду с этнографией также и языковых данных. При этом последние обычно служат хотя и важным, но все же дополнительным источником сведений о системе осетинского цветовосприятия. Между тем, будучи субстанцией нематериальной, язык оказывается не столь подвержен внешним воздействиям и обнаруживает даже большую историческую устойчивость, нежели те артефакты, с которыми имеет дело этнография. Тем самым в рамках языкознания было бы возможно не только достаточно надежно прослеживать историю каждого цветового обозначения со времен глубокой архаики, что является распространенной практикой, но также и впервые поставить задачу изучения осетинского цветовосприятия как целостной системы.

Подобная постановка предполагала бы, на наш взгляд, необходимость решения ряда следующих задач: определения типологических особенностей осетинской системы цветовосприятия, выявление исторических этапов ее развития и факторов ее эволюции, а также выяснение механизма цветового символизма, лежащего в основе традиционной картины мира осетинской культуры. При этом ключевое значение должно было бы, на наш взгляд, иметь прилагательное *с'æх*[1], которое занимает совершенно особое место в ряду осетинских цветовых обозначений. В свою очередь, лишь при подобном подходе к изучению цветовосприятия могли бы получить разъяснение те лексические особенности осетинской системы цветообозначения, которые пока еще ставят перед языковедами неразрешимые вопросы.

[1] Здесь и далее обращение к латинице при передаче осетинских лексем обусловлено таким способом их подачи в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», составленном В. И. Абаевым. Во всех остальных случаях для осетинских цитат используется общеупотребительная кириллица.

* * *

Неповторимое своеобразие осетинского прилагательного *с'æх*, которое выделяет его среди цветовых обозначений, заключается, с одной стороны, в его происхождении, с другой стороны – в его семантике. Именно с семантики и следует начать его рассмотрение. Его особенность заключается в нехарактерном для современных индоевропейских языков совмещении в одной лексеме значений нескольких самостоятельных цветов – серого, синего, голубого и зеленого. Эта его особенность не могла остаться незамеченной, и языковедами были предприняты попытки ее объяснения.

Особое положение прилагательного *с'æх* отмечает, например, известный осетиновед К. Е. Гагкаев, описывая его свойства в рамках стилистики и называя его «самым ходким из эпитетов в осетинском языке» [Гагкаев 1961: 26]. Для разрешения же самой проблемы многозначности он предполагает возможную омонимию, подразумевая, что изначально существовало несколько разных слов, близких друг другу по звучанию, которые в силу этого звукового сходства и стали восприниматься как одно. Однако привести какие-либо аргументы для обоснования подобного предположения ему так и не удается. В итоге он сам признает данное прилагательное лишь бесспорным случаем полисемии [Гагкаев 1961: 27], оставляя вопрос о причинах, приведших к многозначности прилагательного *цъæх*, по-прежнему открытым.

Более весомые аргументы для объяснения многозначности прилагательного *цъæх* как адыгского заимствования, испытавшего на себе последующее типологическое влияние тюркских языков, приводит французский исследователь А. Кристоль, посвятивший не так давно обстоятельную статью обобщающему описанию осетинской системы цветообозначения. Однако и он ограничивается трактовкой данного явления как случая полисемии [Christol 2003: 95]. Обстоятельства, на которые он справедливо указывает, бесспорно, важны, но сами по себе они не могут дать ответ на вопрос, почему, собственно, потребовалось сводить в одной лексеме обозначения стольких разных цветов.

Представляется весьма вероятным, что многозначность прилагательного *цъæх* потому не может

получить убедительного объяснения, что исследователи не решаются выходить за узкие рамки лингвистики. Между тем очевидно, что это – многозначность особого рода. Она принципиально отличается от других известных случаев полисемии осетинских цветовых обозначений. Таких, например, как ос. *урс*, которое означает 'белый' и 'седой' [ОРС: 304], ос. *бур* – 'желтый', 'бурый' [ОРС: 137] и 'сивый' [ОЭ: 578]; ос. *сырх* – 'красный', 'красновато-рыжий' и 'гнедой' (о масти лошади) [ОРС: 283], а также 'алый' [ИЭС III: 208] и т. д. В данном случае речь идет не об оттенках цвета, когда можно вести речь о развитии значения, то есть пользоваться языковыми процедурами описания, а о базовых цветах, входящих в перечень из семи основных цветов радуги (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый).

Этот особый характер полисемии в случае с прилагательным *c'æx* был в полной мере учтен лишь В. И. Абаевым. Еще в середине прошлого века он дал этой лексической многозначности культурную интерпретацию, в рамках которой им было предложено ее определение в качестве цветового «синкретизма». Так, сначала он справедливо указал на то, что данное прилагательное обозначает одновременно 'серый', 'синий', 'голубой' и 'зеленый' цвета, о чем было, конечно, известно и прежде и о чем убедительно свидетельствовали приводимые им языковые примеры:

– *c'æx bīræğ* 'серый волк', *mæ cūqqa – c'æx tynжj* «моя черкеска – из серого сукна», *komy c'æx mīğ nybbadt* «в ущелье засел серый туман»;

– *c'æx arv* 'синее (голубое) небо';

– *c'æx kærdæg* 'зеленая трава', *saw qædy astæw c'æx ærdūz* «посреди черного леса зеленая поляна».

Затем он предположил, что подобное совмещение в одной лексеме обозначений нескольких самостоятельных цветов проистекает из «хозяйственной неактуальности названных цветовых различий в условиях староосетинского быта» [ИЭС I: 333-334]. Иначе говоря, его идея состояла в том, что, обнаруживая себя в языке, само явление имеет культурный характер и обусловлено условиями хозяйства и быта осетин[2]. Признание этой связи между языковым явлением и культурными факторами означало новаторский для осетинского языкознания прошлого века подход.

Забегая вперед, отметим, что предложенная выше интерпретация, вне всяких сомнений, нуждается в кардинальном пересмотре. Существенно же то, что путь, предложенный В. И. Абаевым и ставящий во главу угла понятие цветового «синкретизма», вполне обоснован методологически и нисколько не устарел. Напротив, сегодня данный подход, ведущий от фактов языка к культурной антропологии, уже получил достаточно широкую поддержку и в лингвистике[3]. Более того, в данном случае он гораздо плодотворнее тех, на которые было указано выше.

Повторим, что относительно предполагаемой В. И. Абаевым неактуальности в староосетинском быту цветовых обозначений, сведенных вместе в прилагательном *c'æx*, возникают серьезные возражения: *волк*, *трава*, *поляна* непосредственно связаны с охотой и скотоводством, *сукно* – с ткачеством, *туман*, *небо* – с земледелием, то есть теми сферами хозяйственной жизни, которые имели для осетин первостепенное значение. По этой причине «хозяйственная» трактовка цветового «синкретизма» и самому В. И. Абаеву могла представляться излишне прямолинейной и потому не вполне убедительной.

Так или иначе, но в другой, более поздней, работе он сам возвращается к уже сделанному объяснению, дополняя его весьма существенным уточнением. Нам не обойтись без пространной цитаты: «Различные языки дают многочисленные примеры поразительной "слепоты" людей к некоторым явлениям и отношениям объективной действительности и столь же поразительной "зоркости" к другим. Простейший пример – обозначение цвета и красок. <…> В ряде языков (например, в осетинском) серый, синий, голубой и зеленый цвета обозначаются одним и тем же словом. Но в этих же и других языках могут различаться самые тонкие оттенки мастей животных и существовать даже особые слова для обозначения животных с пятном на лбу, с полосой на спине и т. п. В чем здесь дело? Неужели целые народы страдают дальтонизмом? Конечно, нет. Различие между, скажем, голубым и синим цветом отлично в о с п р и н и м а е т с я всеми. В этом отношении никакой разницы между народами нет. Разница между ними может быть только в том, что не для всех это различие одинаково актуально и поэтому не у всех оно подымается от ступени восприятия на ступень обозначения-наречения. Синий и голубой цвета не различаются потому, что это различие в данных условиях хозяйства и быта не является о б щ е с т в е н н о й н е о б х о д и м о с т ь ю. Наоборот, хозяйственно важные оттенки (масти домашних животных у скотоводов, тончайшие оттенки красок у ковровщиц и т. п.) получают точную дифференцированную терминологию» [Абаев 1995: 26-27].

Как видим, теперь В. И. Абаевым вводится еще один аспект – *мыслительный* (избирательность сознания), который служит связующим звеном между уже известным *языковым* (полисемией) и *общественным*

[2] Позднее им самим же была предложена развернутая интерпретация данного явления (см. ниже).

[3] Существуют многочисленные работы, посвященные отражению картины мира в языке, среди которых можно было бы указать, например, на монографию [Цивьян 2005].

(хозяйственной неактуальностью). Тем самым теперь речь идет не только об условиях хозяйства и быта, но также и, шире, об общественной необходимости, а сам цветовой «синкретизм» связывается с селективной особенностью человеческого сознания вообще и осетинского в частности. Предполагается, что селективная работа сознания протекает в зависимости от исходящего хозяйственного импульса, который и ведет либо к «зоркости», либо к «слепоте», а это, в конечном счете, находит воплощение в языке.

Для большей наглядности данную интерпретацию графически можно было бы изобразить следующим образом:

общественная	селективная		«слепота»
необходимость →	работа	↗ ↘	
(хозяйство и быт)	сознания		«зоркость»

Признаем, что приведенная трактовка, господствующая и в современной культурологии[4], внутренне противоречива. Селективная работа сознания, предполагая «зоркость» в одном случае и «слепоту» в другом, неоправданно сводит вместе то, что следует разделить, и настаивает на том, что вовсе не столь бесспорно. Там, где речь идет о разграничении тонких оттенков мастей животных и т. п., влияние условий жизнедеятельности вполне очевидно[5]. В случае же «слепоты» вопрос по-прежнему остается открытым. Дело не только в том, что приведенные выше примеры вынуждают усомниться в том, что рассматриваемые цветовые различия не были актуальны в хозяйственной деятельности осетин. Сам осетинский языковой материал содержит важное свидетельство, идущее вразрез с хозяйственным подходом и селективной работой сознания, которое приобретает ключевое значение при изучении осетинского цветового «синкретизма».

Дополнительным и окончательным аргументом против «утилитарного» подхода служит то обстоятельство, что для каждого из названных цветов прежде существовала своя отдельная лексема, оказавшаяся в современном осетинском языке либо малоупотребительной, либо лишенной ясной семантической мотивации. Старый, бесспорно иранский, корень для обозначения серого цвета находим в осетинском *xær-*, сохранившемся в *xæræg* ‘осел’, *xærīs* ‘ива’, (д.) *xæræ meǧæ* ‘серый туман’ [ИЭС I: 334]. Обозначение темно-серого или темно-синего цвета выражено малоупотребительным в современном осетинском языке прилагательным *æxsīn* ‘темно-серый’, которое также распознается в существительном *æxsīnæg* ‘дикий голубь’ [ИЭС I: 220-221]. Осетинское существительное (д.) *zældæ* ‘молодая трава’, ‘мурава’, ‘дерн’ восходит к иранской базе **zar-* ‘желтый’, ‘зеленый’[6], ‘зелень’, представленной также в таких лексемах, как (и.) *zæræston* ‘оставшееся незасеянным и заросшее травой поле’, *zæridaw* | *zæred(aw)* ‘луг, покос, оставшийся нескошенным’ [ИЭС IV: 295, 299-300, 303] и в названии съедобной травы *mæzæræw* [ИЭС II: 110].

Наличие в осетинской лексике, пусть даже и на ее периферии, слов для обозначения серого, синего и зеленого цветов свидетельствует о давней и безусловной хозяйственной актуальности названных цветов. Из чего с необходимостью следует принципиально иная постановка проблемы цветового «синкретизма». С учетом данного обстоятельства убедительное объяснение этого явления – инновационного по своему характеру – невозможно без выяснения смысла, природы и времени *перехода* от ясного разграничения названных цветов к их сведению в одной лексеме. В этом случае и станет возможным понимание отношений между языком, культурой и сознанием – между тремя главными аспектами рассматриваемого явления.

* * *

С точки зрения развития системы осетинского цветообозначения[7], переход от разграничения известных цветов к их сведению воедино посредством цветового «синкретизма» влечет за собой, по меньшей мере, два важных последствия, для которых в равной степени характерен общий объединительный пафос.

Одно из них заключается в объединении ахроматической (черно-белой) и хроматической (цветной) подсистем. Отличие черного и белого цветов, как известно, основано на степени освещенности объекта, а

[4] Так, при описании особенностей цветовосприятия, свойственных традиционным культурам, отмечается что «…наличие или отсутствие термина для какого-то цвета в этих культурах связано не с физиологическими особенностями зрения людей, а с реалиями быта, жизнедеятельности в целом, наличия или отсутствия в их окружении предметов соответствующих цветов» [Садохин 2002: 181-182].

[5] Заметим, что хозяйственной невостребованностью вполне убедительно может объясняться отсутствие в исконном осетинском спектре лексемы для обозначение фиолетового, для которого в современном языке используется недавнее русское заимствование – *фиолетон* [Christol 2003: 86].

[6] Примечательно, что усвоенное из аланского в венгерский язык прилагательное *zöld* обозначает именно ‘зеленый’ [ИЭС IV: 295].

[7] Очевидно, что она прошла свой особый путь развития. Она включает, как уже отмечалось, все цвета спектра, кроме фиолетового. При этом посредством морфологических показателей могут выражаться степени сравнения цветовых обозначений, а также интенсивность цвета. Если он насыщенный, то происходит удвоение плюс суффикс *-ид*, например: *сау-сау-ид* «интенсивно черный», *бур-бур-ид* «ярко-желтый» и т. д. Напротив, для слабого, светлого оттенка – суффикс *-бын*, обозначающий умеренную степень цвета, например: *сырх-бын* «красноватый», *бур-бын* «желтоватый» и т. д. [Абаев 1959: 120, 118].

собственно цвет зависит от способности преломлять/отражать белый, например, солнечные лучи. Когда прилагательное *с'æх* обозначает 'серый', то оно входит в ахроматическую подсистему, занимая промежуточное положение между ос. *урс* 'белый' и ос. *сау* 'черный', то есть между светлым и темным[8]. В том же случае, когда оно обозначает 'синий', 'голубой' и 'зеленый', оно входит в хроматическую подсистему наряду с остальными цветами радуги: ос. *сырх* 'красный', ос. *бур* 'желтый'. Тем самым, будучи полноправным элементом обеих подсистем и занимая в обеих центральное положение, прилагательное *с'æх* играет *интегрирующую* роль[9], объединяя их в плане парадигматики.

Другое не столь явное, но гораздо более весомое последствие, имеющее ключевое значение для всей системы цветообозначения, состоит в придании особого характера отношениям между определением и определяемым словом, что следует, по-видимому, относить к плану синтагматики[10]. Поясним на примере. В осетинских сказках встречаем хорошо известный постоянный эпитет волка: *цъæх бирæгъ* 'серый волк'. При этом важно не только то, что сам волк всегда описан именно как серый, существенно, что только при указании на волка само цветовое обозначение, то есть *цъæх*, наполняется конкретным смыслом и обозначает именно серый цвет и никакой другой.

Для того чтобы разобраться в характере этих отношений, следует принять во внимание два взаимосвязанных обстоятельства, в равной степени указывающих на значимость самого объекта для определения его цветовой характеристики. Выяснить то, о каком именно из четырех цветов, обозначаемых прилагательным *с'æх*, идет речь, возможно только в сочетании с конкретным объектом. К тому же в осетинской системе цветообозначения есть конструкция, обеспечивающая возможность непосредственного выражения любого цвета или оттенка посредством его соотнесения с неким объектом[11]. Именно на нее совершенно верно указывает А. Кристоль как на средство, позволяющее при необходимости компенсировать недостаточную цветовую дифференциацию: это конструкция – *имя* + *хуыз* («de la couleur de X» *«цвета X»*: bleu ciel, vert pomme, jaune citron, etc.). Так, в осетинском, например, для обозначения зеленого имеем *кæрдæгхуыз* «цвета травы», для голубого – *æрвхуыз* «цвета неба», для серого – *фæныкхуыз* «цвета пепла» и т. д. [Christol 2001: 6, 15]. Кстати, отнесение данной конструкции к словообразованию связано с тем, что в ней используется не управляющий родительным падежом послелог *хуызæн* 'подобный', 'похожий', 'как', например *мах хуызæн* 'подобно нам', 'как мы' или *сырды хуызæн* 'подобный зверю', а само осетинское название цвета *хуыз* | *хуз(æ)* [ИЭС IV: 273-274].

Указывая на особую связь между цветом и предметом, который он характеризует, необходимо также принять во внимание и то обстоятельство, что само осетинское название цвета *хуыз* | *хуз(æ)* имеет еще одно значение – 'вид', 'образ'[12], которое имеем, например, в ос. *фыдхуыз* 'худой', 'болезненного вида' или же, напротив, *хæрзхуыз* 'тот, кто хорошо выглядит', 'здорового вида' [ИЭС IV: 273; ОРС: 346]. В этой связи следует также вспомнить о существовании в осетинской мифологии особого персонажа *X°yzīsæg*| *Xuzesæg* 'отнимающий образ', в ритуальном тексте "Посвящения коня покойнику» («*Bæxfældīsyn*»): это зловещее существо, с которым встречается покойник в загробном мире. В примечаниях Вс. Миллера о колдунах, ведьмах и людях с дурным глазом об этом существе говорится, что ему подобные способны изменить вид человека к худшему, наслать на него болезнь и т. д. [ИЭС IV: 275].

Представляется, что данный характер отношений может быть определен как *диффузия*, то есть взаимопроникновение: в первом случае двух подсистем, во втором – объекта и его цветового признака. Именно диффузию объекта и его цветового признака принято

[8] В осетинской лексике сохранилось сложное образование, на которое нам было любезно указано Ю. Дзиццойты, сводящее вместе белый и серый цвета: *fælūrs* | *fælors* 'бледный', где во второй части безошибочно распознается живое осетинское слово *ūrs* | *ors* 'белый', а в первой, самостоятельно не сохранившейся, уверенно восстанавливается и.-е. основа **pal* 'бледный', 'серый' [ИЭС I: 441-442].

[9] А. Кристоль сообщает о том, что в средние века в европейской культуре зеленый цвет считался промежуточным цветом (médius color), будучи цветом повседневной одежды и простолюдинов [Christol 2003: 89].

[10] Знаменательно, что на это указывал и К. Е. Гагкаев, когда он отмечал, что значения осетинского прилагательного *цъæх* определяются в зависимости от «опорного слова» [Гагкаев 1961: 27], под которым он, по-видимому, подразумевал определяемое слово.

[11] Сошлемся также на хорошо известный культурологии прием, который компенсирует отсутствие лексической дифференциации с помощью конкретно-образных цветовых обозначений, например, «цвет спелой вишни», а не холодный «темно-красный».

[12] Для понимания исходной семантики этого существительного весьма плодотворным оказывается обращение к его этимологии: на общеиранском уровне оно сближается с согдийским *kršn* 'вид', 'внешность', 'облик', *kršn'w* 'красивый', *qršn'wty'* 'красота'; на индоевропейском же уровне его вряд ли стоить отделять от древнеиндийского *kr̥ʌna-* 'черный' (также наименование бога Кришны), литовское *kŭršas* 'черный с белыми пятнами'. Как считает В. И. Абаев, слова 'красный' и 'черный' вместе с древнеиндийским *kr̥šna* допускают общую индоевропейскую базу **ker(s)-* для обозначения цвета [ИЭС IV: 274].

считать основой механизма цветового символизма. Общепринятая трактовка последнего, как известно, исходит из того, что символическое значение цвета может быть обусловлено объектом, который он определяет и от которого может обособляться [Колосова 2004: 3]. Иначе об этом же самом[13] пишет Ю. С. Неклюдов: «*Неразделимость* (выделено мной. – *Т. С.*) в народной культуре символических значений признака, предмета и действия говорит о примате предмета, свойство которого в простейшем случае тавтологично ему самому (кровь кровава, воздух воздушен, пламя пламенно и т. д.), а действие столь же тавтологически обозначает проявление этого свойства (гром гремит, думу думают, шутки шутят и т. д.)» [Неклюдов 2005: 1]. В силу подобной неразделимости[14] цвет в целом и может трактоваться не как случайный признак, а как имманентное свойство, отражающее семиотический статус вещи/объекта[15].

Поскольку диффузность принято считать одной из характерных особенностей мифологического или, что то же самое, мифопоэтического сознания [Мелетинский 1995: 165], постольку можно допускать, что благодаря цветовому «синкретизму» лексическая система цветообозначения обретает средство для выражения помимо объективного, еще одного дополнительного измерения – мифологического. Возможность подобного сочетания двух различных смыслов безошибочно распознается в осетинском словосложении *sawvos* (*saw fos*) | *sawvons*, имеющем ясную морфологическую структуру и состоящем из ос. *saw* 'черный' и ос. *fos* | *fons* 'скот'. При этом оно имеет два значения: либо 'ценимая черношерстая порода овец', либо 'рабочий скот'. В первом случае цветовое обозначение – обыденное (прикладное), так как характеризует реальный цвет. Во втором случае оно носит мифопоэтический характер: уничижительная семантика самого объекта переносится на его цвет, так как само по себе ос. *fos* | *fons* 'скот' уже имеет негативный аспект, ясно выраженный в русском существительном *скотина*.

При этом важно понимать, что само мифопоэтическое измерение было, по-видимому, присуще осетинским цветам изначально и в культуре присутствовало всегда. Однако в ходе эволюции средства его языкового выражения стали ослабевать. Если вновь вернуться к приводившемуся выше списку прежних цветовых обозначений серого, синего и зеленого, то не составит труда заметить, что их характеризуют два разнонаправленных процесса различной степени силы.

С одной стороны, доминирующую роль играет субстантивизация признака, приводящая к его десемантизации. То, что изначально выступало в качестве постоянного эпитета и было семантически мотивировано, в ходе эволюции стало апеллятивом. В существительных *хæræг* 'осел' и *хæрīс* 'ива' серый цвет, представленный в корне, может быть вычленен только в результате сравнительно-исторического анализа. Темно-серый или темно-синий цвет субстантивизировался, чтобы стать обозначением дикого голубя – *æхсīнæг*. Зеленый цвет оказывается тавтологическим синонимом зелени – (д.) *зæлдæ* 'молодая трава', 'мурава', 'дерн', (и.) *зæræston* 'оставшееся незасеянным и заросшее травой поле' и *зæridaw* | *зæred(aw)* 'луг, покос, оставшийся нескошенным'. В итоге цветовой признак совпадает с определяемым им объектом и в синхронии может быть лишь условно вычленен из него[16].

С другой стороны, вопреки господствующей тенденции удается выстоять устойчивому сочетанию *хæræ meǧæ* 'серый туман' или же, хотя и малоупотребительному в современном осетинском языке, но отстоявшему свое право на существование , прилагательному *æхсīn* 'темно-серый'. Оба примера сохраняют свою внутреннюю семантику потому, что, по сути, не противоречат общему стремлению осетинской культурной традиции к мифологизации системы цветообозначения, хотя уже и не способной обеспечить ее в полной мере в лексической сфере.

В этих условиях переход к цветовому «синкретизму» мог означать обновление лексической системы с тем, чтобы сохранить базовые общекультурные структурно-семиотические принципы, затемненные вместе с утратой семантической мотивации исконных лексем. Иначе говоря, в результате инновации происходит пополнение лексической системы цветообозначения, обеспечивающее актуализацию *механизма* ее мифопоэтизации[17]. Для чего, по-видимому, и понадобилось заимствование, оказавшееся весьма кстати.

[13] Со ссылкой на С. М. Толстую.

[14] По сути, из этого же самого принципа исходит и современное деление цветов на теплые и холодные, которое можно встретить в любом пособии для начинающего художника. По сходству с цветом солнца, огня и т. д. к *теплым* цветам относят красный, оранжевый, желтый и желто-зеленый. Напротив, по сходству с лунным сиянием, льдом и т. д. к *холодным* относят голубовато-зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Цвет, как видим, вновь непосредственно соотнесен с объектом, который он определяет.

[15] Эта неразделимость распознается в основе осетинской идиомы *с'æхæj ræǧæd* 'преждевременно созревший' буквально означающей "зрелый зеленым", парадокс, противопоставляющий цвет внутреннему состоянию объекта.

[16] Поэтому в современном осетинском языке применительно к наглому, бессовестному человеку встречаем идиому *цъæх хæрæг* [Дзабиты 2003: 440], буквально означающую «серый осел», вновь воссоздающую цветовой признак объекта и усиливающую его: уж осел, так осел.

[17] Представляется возможным определить данный переход как еще одну «архаизирующую инновацию» и включить ее в один ряд с другим новообразованием, той же природы, но относящимся к системе счета – осетинским числительным *farast* 'девять' [см.: Салбиев 2004: 60-63]. Тем самым появляется косвенный аргумент в пользу предполагаемого перехода, как элемента масштабного процесса, не ограничивавшегося лишь одним единичным событием.

* * *

Следует вновь заметить, что по своему происхождению осетинское прилагательное *c'æx* стоит особняком в ряду других цветовых обозначений. Судя по всему, оно единственное из базовых – то есть семантически немотивированных в синхронии – обозначений цветов не является исконным [Christol 2003: 88, 95].

Сошлемся в этой связи на авторитетное мнение В. И. Абаева, подробно описавшего его историю. С одной стороны, хотя и намечаются связи на иранской почве: перс. *zaǧ* 'синий' (*zaǧ-časm* 'синеглазый'), лексема *c'æx* была, скорее всего, заимствована из кавказских языков. В пользу данной точки зрения свидетельствуют такие параллели, как авар. *c'c'ahil* 'серый', 'голубой', табас. *c'ux* 'серый', груз. *c'axi*, *c'aka* 'сыворотка' ("серая жидкость", ср. ос. *c'æx syly* 'сыворотка'), каб. *ś'exw* 'синий', 'голубой' *ś'xo* 'серый'. При этом подобный цветовой синкретизм встречается в абхазском *á-ec°'a* 'серый', 'синий', 'зеленый' [ИЭС I: 334]. В пользу кавказского происхождения, поддержанного также Р. Бильмайером, свидетельствует и начальный смычно-гортанный согласный *цъ* [Christol 2003: 95]. С другой стороны, сама семантическая модель известна и другим иранским языкам, и в этом смысле осетинский язык не является исключением. Используя другие лексемы, ряд иранских языков, например белуджский и пушту, также воспроизводит подобное деление цветового спектра [Christol 2003: 96]. Вместе с тем типологическое влияние могли оказать и тюркские языки, с которыми тесно контактировал осетинский и которые также «не различают» синего и зеленого цветов.

Поскольку заимствование не могло идти из нескольких различных источников одновременно, наиболее вероятным донором представляется абхазо-адыгская среда, в пользу которой свидетельствуют приведенные выше кабардинские и абхазские примеры. Для определения относительной хронологии данного перехода, возможно, решающее значение имеет то обстоятельство, что прилагательное *цъæх* является общеосетинским[18], что позволяет относить его ко времени наиболее ранних контактов осетин и адыгов. В этом случае его следует датировать началом нашей эры[19] и относить к аланской эпохе.

Сама же диффузия объекта и его цветового признака возникла в глубокой архаике. Применительно к рассмотренным нами примерам представляется возможным говорить, что истоки данного способа номинации следует, по-видимому, возводить к индоевропейской эпохе. Именно на этот период ясно указывают данные этимологического анализа. Так, в отношении осетинского существительного *xæræg* 'осел' убедительно установлены индоиранские связи, где его исходное значение также было "серый". Это же значение распознается и за пределами арийской группы языков, в так называемом тохарском B [ИЭС IV: 177]. Серый цвет мотивировал название ивы – *xærīs*, которое разлагается на *xær* + *wīs* | *wes* и буквально значит "серая лоза" – не только в осетинском языке. Латинское название ивы *salex* является производным от и.-е. **sal-* 'серый'. Следует указать также и на древнеиндийское название ивы – *palita* 'серый' [ИЭС IV: 180]. Серый цвет выступает, вероятно, не просто как цветовой, а как интегрирующий признак, поскольку объединяет объекты, относящиеся к различным классам: *xæræg* 'осел' – мир животных, *xærīs* 'ива' – мир растений, *xæræ meǧæ* 'серый туман' – метеорологическое явление. Посредством цвета могли выражаться представления об их внутреннем сходстве, которое следует искать в мифологии. Предположительно, всех трех могла объединять связь с небесными осадками и водной стихией: ива, как известно, «плачет», что легко может объединять ее с серыми тучами. Связь осла со стихией воды также вполне допустима. Альфред Брем приводит следующие наблюдения о привычках домашнего осла: «Замечательно то, что осел заранее чувствует изменение погоды: перед дурной погодой печально свешивает голову или же весело прыгает, если будет вёдро. <…> Осел довольствуется самой плохой пищей и самым скудным кормом. <…> Но он очень разборчив в питье: ни за что не станет пить мутной воды; она может быть солона, но непременно чиста» [Брем 2000: 212]. Может быть, в силу данного обстоятельства, будучи семантической доминантой, сочетание *xæræ meǧæ* 'серая туча' смогло сохранить свою семантическую мотивацию. Интегрирующее мифологическое начало ясно выражено и в семантике прилагательного *цъæх*, участвующего в пространственном разграничении трех уровней мироздания: верха (*цъæх арв* 'синее небо') – середины (*цъæх мигъ* 'серый туман') – земли (*цъæх кæрдæг* 'зеленая трава').

Таким образом, переход к цветовому «синкретизму» был осуществлен в силу действия внутренних факторов, требовавших сохранения исконных структурно-семиотических моделей, тогда как внешние условия предоставили в распоряжение языковой системы новую лексему, сделавшую возможной подобную инновацию.

[18] Как на один из адыгских элементов в осетинской лексике, не имеющий диалектных ограничений, указывает прилагательное *цъæх* [Балкаров 1994: 110].

[19] Именно этим периодом принято открывать историю этнокультурных контактов двух народов на Северо-Западном Кавказе [Уарзиати 1990: 45].

* * *

В осетиноведении всегда существовало понимание того, что свойства цветов выходят за рамки выражения лишь внешнего, объективного признака объекта. При этом наиболее очевидными оказываются эмоционально-психологические свойства цветов, прослеживаемые как в осетинской литературе, так и в традиционном фольклоре. Примечательно, что эти наблюдения были связаны в первую очередь с контрастной цветовой парой *урс* 'белый' / *сау* 'черный', имеющей не только наибольшее распространение, но и наиболее очевидную семантику. Описывая эмоциональную окраску данной пары в осетинской литературе, К. Е. Гагкаев справедливо отмечает, что первый эпитет передает жизнерадостное настроение, чувство веселья, красоты и свободы, тогда как второй используется применительно к «мучительной, неприглядной правде жизни», выражая «скорбное, враждебное, мрачное и т. д.» [Гагкаев 1961: 26]. Изучая афористические жанры осетинского традиционного фольклора, З. Б. Цаллагова также обратила внимание на контрастность образов проклятий и благопожеланий, которая прослеживается и на уровне эпитета. Она отмечает, что для первых характерны эпитеты *сау* – черный, *судзгæ* – горький, жгучий, а для вторых: *рухс* – светлый, *адджын* – сладкий [Цаллагова 1993: 190-191].

С названной выше цветовой парой, которую он считает первичной для цветового восприятия, связывает истоки цветового символизма и В. С. Уарзиати. Народная колористика интересовала его, прежде всего, в связи с цветами осетинских традиционных флагов. Исходным для него является известное положение о том, что противопоставление белого и черного цветов связано с ритмами естественной природы: «Дневной свет и ночная тьма составляли взаимосвязанную пару, которая связывалась в сознании человека с теплом, активной деятельностью и в то же время с темнотой, холодом. <…> Бинарная оппозиция светлого // темного нашла свое отражение в расцветке полотнищ осетинских флагов, хранящихся ныне в Музее этнографии России в Санкт-Петербурге, где нами обнаружены несколько экземпляров свадебных и траурных флагов. Дошедшие до нас полотнища двуцветны. Свадебный флаг: бело-розовый (красный?), а траурный – наоборот: бело-черный. Естественно, все это очень поздние образцы, приобретенные в Осетии в 30-е годы нашего века. Однако будем при этом помнить об устойчивой традиции всех предметов, связанных с семиотическим статусом. <…> Белое ассоциировалось с положительными данными, а темное – с явлениями со знаком минус. Однако это так лишь на первый, поверхностный, взгляд. В частности, в осетинском языке красота девушки определяется эпитетом "сау рæсугъд", что в дословном переводе означает "черная красавица". Нечто подобное мы находим в русском, где красавица бывает "красная // красна девица"» [Уарзиати 2006: 3].

Переходя к рассмотрению осетинского трехцветного знамени, он отмечает, что его цвета имели следующую символику: белый – набожность и духовную чистоту, красный – отвагу и мужество, желтый – благодать фарна и изобилие. При этом они соотносились с тремя историческими кастами общества, зафиксированными этногоническими преданиями осетин: жрецов, воинов и производителей материальных благ – земледельцев и скотоводов. Описывая семантику цветов флага, он указывает на известную связь красного и черного цвета, поскольку сами лексемы, их обозначающие, исторически представляются дериватами огня. О желтом цвете он замечает, что он тесно связан с религиозно-магическими представлениями о материальном изобилии. Желтый цвет также является составным элементом эпонима виднейшей нартовской фамилии *Boratæ* и присутствует в имени ее родоначальника *Buræfæmyg*'а. Далее он продолжает: «Это и понятно, ведь желтый цвет отражал реалии окружающего мира. Среди них такие, как: естественная среда обитания, природные объекты в виде света солнца, ряда цветных металлов и в первую очередь меди (бур) и золота (сыгъзæрин), некоторых культурных злаков (бурхор), домашних животных (бурæ нæл фыс) и продуктов питания (бурачъи фых). Нельзя не отметить тот факт, что очень часто понятие "желтый" тесно связано с понятием "золотой" или "красный". В качестве примера сошлюсь на такие устойчивые сочетания осетинского языка, как: "сыгъзæрин хур / золотое солнце", "сырх мæнæу / красная пшеница". <…> Подобная ситуация имеет универсальный характер. Достаточно хорошо известен семантический комплекс, состоящий из понятий: красный // тепло // огонь // солнце // день // жизнь // кровь. Указанное сочетание явилось устойчивой символикой у восточноиранских и, шире, индоевропейских народов» [Уарзиати 2006: 5].

Приведенные выше наблюдения подтверждают предложенную трактовку механизма мифопоэтизации осетинских цветовых обозначений, поскольку всякий раз цвет соотносится либо с объектом, либо с отвлеченным представлением, семантически от него производным[20]. Вместе с тем представляется, что определение общих

[20] Так же, кстати, поступает и А. Кристоль, задавая перечень тех объектов, определениями к которым выступают цвета в осетинской культуре. Для красного цвета – железо, ткань, глаза, человеческая кожа, солнце, зрелые ягоды, кровь и смерть. Для черного цвета – птицы, кони, минералы, зола, пиво, осадки, растения. Для белого – элементы ландшафта, животные, женская красота, молоко и снег [Christol 2001: 10-12]. Приведенные перечисления не только подробны, но и, безусловно, верны. Однако одной лишь констатации явно недостаточно, поскольку она оставляет ощущение недоговоренности, ограничиваясь лишь описанием лексической сочетаемости цветовых обозначений.

мифопоэтических свойств цветов в осетинской традиционной культуре, с точки зрения их пространственно-временных, интуитивно-чувственных и социальных качеств, наилучшим образом возможно при обращении к существующим в языке устойчивым цветовым сочетаниям, а также к загадкам, где наиболее зримо обнажается связь объекта с его цветовым признаком. При этом становится возможным выделение тех объектов, семантика которых становится исходной для последующей мифопоэтизации цвета.

Пара черного и белого может, по-видимому, стать наиболее яркой иллюстрацией той диффузии объекта и его цветового признака, которая была актуализирована в языке благодаря цветовому «синкретизму». К тому же эти два цвета более других тяготеют к образованию контрастных противопоставлений, прежде всего соотносимых с выражением временных циклов. Дело в том, что черное и темное во многом отождествлялось народной культурой. Так, народные представления знают некоего *Sawbaræg*'а – "дзуара" (божества-демона), семантика имени которого совершенно прозрачна, поскольку оно представляет собой словосложение из *saw* 'черный' и *baræg* 'всадник'. «Отправляясь на воровство и вообще на *ночные* (выделено мной. – *Т. С.*) разъезды, осетины призывают покровительство "святого Черного всадника", *Саубарæджы дзуар*. Они полагают, что этот *дзуар* едет в черной одежде, на вороном коне, впереди путника и направляет его к удачному предприятию". По другим сведениям, *Саубарæг* имеет власть над волками и, стало быть, является двойником Тутыра. В сказании об абреке Лоло антиподом и противником Саубарага выступает Уастырджи (св. Георгий) – всадник в белой одежде, на белом коне» [ИЭС III: 44].

Весьма показательна в этом отношении народная загадка о дне и ночи, представленная рядом вариантов. Общим для всех вариантов оказывается соотнесение суток с домашними животными: курицей, кошкой и быками. Выбор этих животных – в отличие, например, от животных диких – может быть связан с тем, что дети, для которых главным образом и предназначались загадки, могли иметь достаточно ясное представление об их привычках и особенностях поведения. Именно эти животные оказываются носителями цветовых признаков, на которые и переносятся характерные для животных особенности частного и общего свойства.

Вар. 1: (д.) Каркæн æ еу базур – *сау*,
иннæ ба *уорс*. (*Тв*.)
(Одно крыло у курицы черное,
а другое – белое.)

Очевидно, что названные в загадке два крыла – черное и белое – суть тьма и свет, то есть собственно ночь и день. Сам цветовой признак при этом в обоих случаях, безусловно, объективный. Его мифопоэтизация происходит в тот момент, когда он соотносится с определяемым им объектом. Во-первых, крылья представляют собой стороны одного целого. Будучи парным объектом, они не только задают симметрию, но также указывают на взаимодополняемость. Во-вторых, сам механизм смены ночи и дня благодаря его соотнесению с крыльями представляется как полет. Наконец, сама курица, как известно, существо дневное и с наступлением тьмы прекращает активность и устраивается на покой, четко следуя смене суточных ритмов.

Следующий вариант данной загадки также посвящен домашнему животному, которое, однако, ведет не дневной, а ночной образ жизни.

Вар. 2: Нæ хъулон гæдыйæн
йæ иу хъус *сау* у,
иннæ та – *урс*. (*Тм*.)
(У нашей пестрой кошки
одно ухо черное,
а другое – белое.)

Примечательно, что теперь в центре загадки не дневное, а ночное животное. Кошка, как известно, большую часть светлого времени спит, а ночью выходит на охоту. При этом сама кошка оказывается пестрого цвета, то есть сочетает разнообразные цветовые оттенки. Контрастные же цвета вновь привязаны к парным частям тела животного, но не к крыльям, как у курицы, а к ушам. В результате смена дня и ночи ясно соотносима со звуковым восприятием: ночной тишиной и дневным гомоном.

Знаменательно, что в двух приведенных загадках, так же как и в том варианте, который следует ниже, начальным неизменно выступает черный цвет – тьма. Такое следование частей суток не является случайным, а отражает принятое в осетинской традиционной культуре их взаимное расположение. Дело в том, что исходным для суток считается именно вечер. Эта установка находит ясное выражение в счете дней недели. Так, например, поминки на могиле недавно умершего, называемые *sabatizær*, то есть «вечер субботы», устраиваются, как известно, в пятницу вечером [ИЭС III: 6].

Последний из вариантов рассматриваемой загадки также представляет день и ночь как единое целое, но трактует их в связи с двумя хотя и парными, но противоборствующими началами.

Вар. 3: *Сау* гал бацæуы æмæ сæ амары,
урс гал бацæуы æмæ сæ райгас
кæны. (*Сл*.)
(Заходит черный бык и убивает их,
белый бык заходит и их воскрешает.)

Черный бык несет смерть (убивает), белый же несет жизнь (воскрешает). Отсюда связь черного цвета со смертью и трауром: *sawtæ+* 'траур' (лексикализованная

форма множественного числа); *saw daryn* ‘носить траур’, *saw isyn* ‘снимать траур’; *saw bon myl yskodta* «черный день для меня настал» (из женского причитания) [ИЭС III: 42]. Черный цвет последовательно указывает на связь с потусторонним миром. Эта же семантика может быть прослежена и в *sawdur* | *sawdor* ‘оселок’ (точильный камень в виде бруска), буквально «черный камень» – он служит для заточки острых предметов, выступающих орудием разрушения и смерти[21]. *Сау бæгæны* ‘черное пиво’ – опьянение как состояние временной смерти и последующего воскрешения. Сюда же можно отнести и *saw synt* «траурные (черные) носилки», где *synt* ‘носилки’ связано с *syntæg* ‘кровать’, и сон тем самым неотделим от смерти.

Можно предполагать, что данная семантика черного цвета сохраняется и тогда, когда он употребляется самостоятельно, то есть вне контрастных противопоставлений. Она позволяет объяснять его использование в качестве интенсификатора в ряде устойчивых сочетаний – *сау над*, *сау расыг, сау куырм* и т. д. Во всех примерах речь идет о состоянии, близком к смерти: *над*, *расыг* и *куырм* (избит до смерти, мертвецки пьяный и совершенно слепой). В этой связи также укажем на осетинскую идиому *дзыхъмард* ‘мгновенная смерть’, где в первой части – *дзыхъ* ‘яма’ – содержится указание на темноту.

Пространственное значение нахождения в темноте, то есть внутри, находим в осетинских загадках. Варианты загадки о рте и зубах (ос. *дзых æмæ дæндæгтæ*).

Вар. 1: *Сау* скъæты *урс* уæрыччытæ. (*Тм*.)
(В черном хлеву – белые барашки.)

Вар. 2: (д.) *Тар* адаги *уорс* уæлитæ. (*Тм*.)
(В темном овраге – белые ягнята.)

И хлев (ос. *скъæт*), и овраг (ос. *адаг*), а вслед за ними и рот (ос. *дзых*), заместителем которого они выступают в загадке, предстают как черные или темные в силу своей закрытости для внешнего источника света, без которого, по определению, царит тьма.

Вероятно, с нахождением в закрытом помещении, недоступном для светлого мира, связан и постоянный эпитет красавицы в осетинском фольклоре: *сауræсугъд,* буквально «черная красавица».

В загадках, посвященных овощам, часто встречаем различных красавиц, сидящих в темноте. Примером могут служить варианты загадки о свекле (ос. *цæхæра)*:

Вар. 1:Ræсугъд чызг, йæхæдæг *зæххы бын* ис,
йæ дзыкку та уынджы. (*Тм.*)
(Сидит красавица под землей,
а коса на улице.)

Вар. 2: Нæræсугъд чызг *ныккæнды* бады,
йæ дзыкку та уынджы ис. (*Тм.*)
(Наша красавица сама в погребе сидит,
а коса на улице.)

В первом варианте красавица сидит под землей, а во втором она уже более открыто связана с хозяйственной деятельностью человека. Однако в обоих случаях она сидит под землей. Сопутствующая подземелью темнота названа своим именем в вариантах загадки о моркови (ос. *уырыдзы*):

Вар. 1: (д.) Стуккин кизгæ *мæйдари* бадуй,
æ дзиккотæ ба æндæмæ даруй. (*Тм*.)
(Сидит кудрявая красавица во тьме,
а косы на улице.)

Вар. 2: (д.) Ханти ræсугъд *талинги* бадуй,
æ дзиккотæ ба гъæунги. (*Тм*.)
(Ханская красавица в темноте сидит,
а косы ее на улице.)

Теперь без обиняков указано на тьму: *мæйдари* (вар. 1) и *талинги* (вар. 2). Силы роста, конечно, находят выражение в косах красавицы, которым в отличие от нее самой доступен свет.

Сюда же, по-видимому, можно отнести и одобрительные выражения в адрес молодого человека или молодой девушки: *saw læppu* ‘смуглый парень’, *saw k’yzg* ‘смуглая девушка’ [ИЭС III: 43]. В этих выражениях черный цвет вновь выступает как начальный, предполагающий дальнейший рост и развитие.

Вряд ли следует обособлять ос. саулаг – человек *низшего* сословия (буквально черный), где *sawlæg* сложение из *saw* ‘черный’ и *læg* ‘человек’. Черный указывает не только на топографический, но и на социальный низ – основу для последующего общественного роста. С этим же связана и оценка тяжелого труда как *sawg°yst* ‘тяжкая (черная) работа’, представляющая собой сложение из *saw* ‘черный’ и *k°yst* ‘работа’, ‘труд’.

Весьма вероятно, что в осетинской культурной традиции главным объектом, определяющим мифопоэтические значения черного цвета, является *земля*. В языке находим ряд устойчивых сочетаний черного цвета именно с этим объектом:

– *sawzym* ‘черная (бесснежная) зима’;

– *sawmær* | *sawmæræ* ‘чернозем’, ‘черная земля’;

– *sawgænd* | *sawgændæ* ‘зяблевая вспашка’ (поле, вспаханное с осени для посева яровых), буквально «черная пахота».

И в осетинских загадках черный цвет, который, бесспорно, носит объективный характер, опосредованно оказывается связан с землей. В загадке о жуке

[21] Другие названия точильного камня в осетинском, непосредственно указывают на его функциональное предназначение – *ysson* | *insojnæ* и *cyrğgænæn*. Также известно, что древность самого слова подтверждается древностью реалий: в сарматских захоронениях VI-IV вв. до н. э. находят богатый набор точильных камней [ИЭС IV: 278].

(ос. *хъæндил*) цвет является первым признаком, о котором сообщается отгадывающему.

Вар. 1: *Сау* у сынты хуызæн,
зæхх къахы хуыйы хуызæн. (*Тм.*)
(Черен, как ворон,
землю роет, как свинья.)

Вар. 2: *Сау* у, æмæ сынт нæу,
тæхы, æмæ маргъ нæу,
сыкъатæ йын ис, æмæ гал нæу. (*Тм.*)
(Черен, да не ворон,
летает, да не птица,
рогат, да не бык.)

Хотя черный цвет здесь, бесспорно, объективный внешний признак, его устойчивая связь с вороном не случайна: цвет служит звеном для соединения его внутренних мифопоэтических свойств, общих с жуком. Ворон питается мертвечиной (тем, что подбирает с земли), а потому связан с загробным миром, что вообще характерно для черного цвета. Жук же представляется как навозник, то есть также имеет дело с перегноем, не только животным, но и растительным. Важно, что для развития его мифопоэтического значения основой служит объективное цветообозначение.

Для белого цвета в осетинской традиции определяющим объектом является *снег*. В загадках последовательно проводится именно это соотнесение белого цвета и определяемого им объекта. Один из вариантов загадки о молоке (ос. *æхсыр*):

(д.) *Тæнгъæд* у, фæлæ *дон* нæу,
урс у, фæлæ *мит* нæу. (*Тм.*)
(Жидкое, но не вода,
белое, но не снег.)

Для нас важно противопоставление цветового признака и объекта: *урс* 'белое' / *мит* 'снег'. Еще один вариант загадки о молоке:

Сыгъдæг у, æмæ *дон* нæу,
урс у, æмæ *мит* нæу,
хæрзад у, æмæ *мыд* нæу,
чысылтæн царды хос у. (*Тм.*)
(Чистое оно, да не вода,
белое, да не снег,
вкусное, да не мед,
малыши без него обходиться не могут.)

Вновь контрастная пара: *урс* 'белый' (признак) – *мит* 'снег' (объект). При этом загадки, конечно, также ясно указывают на еще один объект, соотносимый в народной культуре с белым цветом – *молоко*, что находит подтверждение и в осетинской лексике:

– *urs(s)ag* | *orssag* 'молочные продукты'; образовано из *urs* 'белый' и форманта *-ag* с закономерным удвоением *s*;

– *ursy k'°yri* 'неделя молочного ', 'масляница'.

Если черный цвет соотносим одновременно со смертью и с началом новой жизни, с пашней, то белый, напротив, с концом человеческой жизни, с зимой.

В загадке о старике (ос. *зæронд адæймаг*) через снег белый цвет соотносим с сединой и старостью:

(д.) Æ уæлиндзæбæл *мет* æруардта,
æ куройнæ ниббадтæй,
нур æ цæгиндзæ истæссонд æй. (*Тв.*)
(На крышу его выпал снег,
мельница его стала,
опорный столб шаткий.)

Крыша, покрытая снегом, – голова старого человека. Тем самым, в отличие от черного, белый цвет, с пространственной точки зрения, соотносим с верхом.

Белый цвет, а с ним и снег, вновь соотнесен со старостью уже в загадке о снеге (ос. *мит*):

Дада йæ *урс* куырæт кæрты райтыгъта. (*Тм.*)
(Дедушка расстелил во дворе свой белый бешмет.)

В загадке старость (дедушка) соотнесена не только с белым цветом снега, но и с холодом, потому что происходит раздевание, снятие одежд.

Вновь контрастная цветовая пара *урс* 'белый' / *сау* 'черный' сведена в загадке о лете и зиме (ос. *сæрд æмæ зымæг*):

Куы *урс*, куы *сау*. (*Тм.*)
(Когда бело, когда черно.)

Очевидно, что под белым цветом подразумевается снег, а под черным – земля. Стало быть, смена времен года косвенно связана не только с холодом и теплом, но и двумя компонентами мироздания – землей и снегом.

Таким образом, с временной точки зрения, пара соотносима с темным и светлым временем суток (ночью и днем), теплым и холодным временем года (летом и зимой). С пространственной точки зрения, темное соотносимо с тем, что находится внизу или внутри, а белое – с тем, что расположено сверху или снаружи. Интуитивно-чувственное восприятие трактует черное как теплое, а белое как холодное. Социальные аспекты данного противопоставления соотносят белое с верхом, а черное с низом общественной иерархии.

* * *

Подведем итог. Проведенное исследование истории и семантики прилагательного *с'æх* убеждает в том, что сегодня данные языка, который всегда был важнейшим и надежным источником сведений о традиционной культуре, могут быть по праву поставлены во главу угла при выяснении механизмов исторической устойчивости не только системы цветовосприятия, но и всей традиционной культуры. Главный же вывод может быть сведен к следующей формуле: лишь подвергаясь изменениям, культура остается самой собой.

Прилагательное *с'æх* было включено в систему осетинского цветообозначения для того, чтобы обеспечить сохранение тех особенностей цветовосприятия, которые сформировались еще в архаическую эпоху. Смысл этих особенностей заключается в особом характере связей между объектом и его цветовым признаком, когда цвет имеет по отношению к объекту не случайный характер, а выражает сущностные свойства последнего, определяющие его положение в мифопоэтической картине мира народной культуры. Этот особый характер отношений между объектом и его цветовым признаком и следует считать главной типологической особенностью осетинской системы традиционного цветовосприятия.

Эта особенность была унаследована осетинской системой цветовосприятия со времени индоевропейского культурно-исторического единства. Само ее сохранение стало возможным благодаря перестройке системы осетинского цветообозначения, произошедшей, по-видимому, в начале нашей эры. Именно в это время происходили контакты алан с предками адыгских народов, из языка которых и была позаимствована лексема *с'æх*, сыгравшая в этом процессе ключевую роль. Переход к цветовому «синкретизму» был осуществлен в силу действия внутренних факторов, требовавших сохранения исконных моделей, тогда как внешние условия предоставили в распоряжение языковой системы новую лексему, сделавшую возможной подобную инновацию. Объединяя значения четырех самостоятельных цветов, эта новая лексема обеспечила актуализацию языковыми средствами диффузии цветового признака и объекта, а в конечном счете – воспроизводство исконно существовавшей структурно-семиотической модели цветовосприятия, внутренняя семантика которой стала затемняться в результате языковой и культурной эволюции.

Список сокращений

д. – дигорский (диалект осетинского языка);
и. – иронский (диалект осетинского языка);
и.-е. – индоевропейский;
ос. – осетинский (язык).

Справочная литература

ОРС – Осетинско-русский словарь / Ред. А. М. Касаев. Изд. 4-е. Владикавказ, 1993.
Дзабиты 2003 – Дзабиты З. Т. Ирон æвзаджы фразеологион дзырдуат. Цхинвал, 2003.

Научная литература

Абаев 1959 – Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
Абаев 1995 – Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Избранные труды. Т. II: Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. С. 7-44
Балкаров 1994 – Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке // От скифов – до осетин. Материалы по осетиноведению. Вып. I. М., 1994. С. 109-118.
Брем 2000 – Брем А. Жизнь животных. Т. 2: Звери. М., 2000.
Гагкаев 1961 – Гагкаев К. Е. Из области стилистики и семантики осетинского языка // Известия СОНИИ. Т. XXI. Вып. I. 1961. С. 5-44.
ИЭС – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. М., 1996. Репринт.
Колосова 2004 – Колосова В. Б. Цвет как признак, формирующий семиотический статус растений (http: // www.ruthenia.ru/ folklore/Kolosova4.htm).
Мелетинский 1995 – Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1995.
Неклюдов 2005 – Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира (http: // www.ruthenia.ru/ folklore/nekludov3.htm).
ОЭ – Миллер В. Ф.Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
Садохин 2002 – Садохин А. П. Этнология: Учебник. М., 2002.
Салбиев 2004 – Салбиев Т. К. Об обозначении 'девяти' в осетинском языке // Историко-филологический архив. № 1. Владикавказ, 2004. С. 60-63.

Уарзиати 1990 – Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.
Уарзиати 2006 – Уарзиати В. С. Аланский триколор (http://www.anaharsis.ru/etno/Uarz_9.htm).
Цаллагова 1993 – Цаллагова З. Б. Афористические жанры осетинского фольклора. Владикавказ, 1993.
Цивьян 2005 – Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 2-е, доп. М., 2005.

Christol 2001 – Christol, Alain. Les couleurs dans l'epopee des Nartes // D'Ossètie et d'alentour (bulletin de l'association ossète en France), № 10, 2001. Pp. 6-15.
Christol 2003 – Christol Alain. Le lexique des couleurs en ossète – (pre)histoire d'un champ lexical // Nartamongæ (The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language), Vol. II, № 1-2, Dzæwdžyqæw/Vladikavkaz – Paris, 2001. P. 85-106.

Публикации фольклорных текстов

Сл. – Ирон адæмы сфæлдыстад / Сарæзта йæ Салæгаты Зойæ. Т. II. Орджоникидзе, 1961.
Тв. – Бацеу-бацеутæ / Æрæмбурд сæ кодта Тауасити Фæцбай // Ирæф, 1994, №1. С. 150-153.
Тм. – Осетинские народные загадки / Сост. Дз. Г. Тменова. Владикавказ, 2000.

Конференции. Семинары

Конференция памяти А. Й. Шегрена, прошедшая в Финляндии

С 14 по 17 июня 2006 г. в Финляндии (Kouvola, Kymenlaakso Summer University) прошла Вторая Конференция памяти А. Й. Шегрена «Исследование и самосознание нерусских народов в Российской империи. 1800-1855» («Research and identity non-russian peoples in the Russian Empire. 1800-1855»). Первая мемориальная конференция, приуроченная к 200-летию выдающегося финского ученого и проведенная в юбилейном 1994 году, была посвящена развитию исторических исследований и национального самосознания у народов Северо-Восточной Прибалтики в XIX-XX вв. Точно так же и новый научный форум имел своим предметом не только наследие А. Й. Шегрена и тот социокультурный контекст, в котором он жил и работал, но прежде всего современное состояние широкого круга научных, культурных, общественных проблем, к постановке и исследованию которых ученый имел непосредственное отношение.

В центре внимания Второй Конференции находились процессы формирования идентичности у тех народов огромной Российской империи, для которых русский язык не был родным. Организаторы конференции поставили целью собрать специалистов из разных областей гуманитарной науки, чтобы подойти к решению нескольких назревших задач. Предстоит, во-первых, создать типологию форм идентичности, наблюдаемых у народов России XIX в., поскольку очевидно, что народы эти находились на разных стадиях общественно-политического и культурного развития; при этом у одних уже существовали развитые национальные движения, другие переживали этап формирования национального самосознания, а третьи задержались на ступени общинной, сугубо этнической идентичности. Во-вторых, нужно выяснить степень связи между научными знаниями и патриотическими проектами, определить реальное соотношение уровня образованности и национального самоосознания в определенной этнокультурной и этносоциальной среде. И, наконец, третье – необходимо координировать исследования, которые последние два десятилетия ведутся в России и на Западе в едином направлении, но зачастую в прежнем отрыве друг от друга; объединить усилия полезно в том числе и для обмена материалами, рассеянными по архивам разных стран.

Оргкомитет, возглавляемый британским профессором Майклом Бранчем (Michael Branch), крупнейшим современным исследователем наследия и биографии А. Й. Шегрена, блестяще справился со своей задачей. Конференция оказалась не только представительной, но и на редкость интересной. Собравшиеся на четыре дня в небольшом финском городке историки, этнологи, фольклористы, лингвисты, культурологи, социологи из Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Латвии, Литвы, Польши, России, США, Финляндии, Чехии, Швейцарии, Эстонии заслушали и обсудили около пятидесяти докладов. Дискуссии не были формальными благодаря специально отведенному для них времени и хорошей организации. Они следовали после заседаний, на каждом из которых звучали три (реже два или четыре) доклада, сгруппированные по принципам тематического и регионального единства. Не вызывает сомнения важное теоретическое значение и методическая польза этих дискуссий, в которых приняли активное участие такие признанные авторитеты, как Мирослав Хрох (Miroslav Hroch, создатель научно-исторической теории национального движения), Андреас Каппелер (Andreas Kappeler, виднейший европейский историк полиэтнической государственности и межнациональных отношений в России), Джон Клиер (John Klier, автор известных работ по истории российского еврейства) и др.

Живое обсуждение, последовавшее после докладов по Кавказу, с которыми выступили молодые западные историки, ясно показало, что весьма приблизительные или туманные представления о социальных и культурных особенностях кавказских народов все еще господствуют, но доживают последние дни. Опираясь на традиционный кавказоведческий багаж, извлеченный из арсенала имперской науки и неумело очищенный от идеологической шелухи, невозможно ответить на основные вопросы, стоящие перед современной наукой, – эта неудовлетворенность хорошо заметна в профессиональной западной аудитории и уже вызвала к жизни совершенно новые, более адекватные

и потому более перспективные подходы к изучению истории народов Кавказа и их взаимоотношений с Россией.

Осетинский сюжет на этот раз с остальным Кавказом не объединяли, для доклада «Вклад А. Й. Шегрена в формирование осетинской идентичности (1836-1855)» выделили отдельное заседание и отвели удвоенную норму времени. Интересно, что сама тема («The contribution of A. J. Sjogren to the shaping of an Ossete identity, 1836-1855») была сформулирована и включена в программу задолго до того, как для нее нашли докладчика. Особое значение, придаваемое осетинским исследованиям А. Шегрена и осетинской линии в его биографии, выразилось и в подчеркнуто значимом месте, которое им определили в тщательно продуманной и пунктуально организованной программе, – доклад был сделан на специальном, завершающем, заседании четырехдневного форума. Все это, конечно, не случайно: естественная для Осетии благодарная память об основателе научного осетиноведения и реформаторе осетинской письменности, выдающееся место, которое отведено ему в истории национальной культуры, вызывают неподдельное восхищение. Показанную после доклада небольшую видеопрезентацию с пейзажами современной Осетии, портретами А. Шегрена, украшающими наши научные и образовательные учреждения, и видами улицы академика А. Шегрена во Владикавказе ученое собрание сопровождало аплодисментами.

Публикуемая ниже статья сохраняет структуру прочитанного на конференции доклада, начальные части которого оказались необходимы в силу не очень широкой известности главных этапов и важнейших обстоятельств осетинской истории. Сохранена и транслитерация осетинских имен, передающая их подлинное звучание и естественная для аудитории, которая незнакома с традициями нашей колониальной антропонимии, – это имеет значение при обсуждении истории национальной культуры. С материалами конференции, в том числе с полным английским текстом всех выступлений, можно познакомиться в Интернете (www.kymenlaakso.fi; www.kesayliopisto.fi).

Р. Б.

Оргкомитет конференции (третий справа Майкл Бранч)

Р. С. Бзаров

Андерс Йохан Шегрен в истории осетинской культуры

Два столетия назад романтическую Европу удивили первые рассказы об Осетии – небольшом островке индоевропейского мира, затерявшемся в теснинах Кавказа. Кто были предки осетин? Чем объяснить неожиданную сохранность их арийской культуры и иранской речи, чуждой кавказским соседям, зато родственной санскриту и латыни, германским и славянским языкам? Поиск ответов на эти вопросы не занял много времени. Оказалось, что в сердце Кавказа сохранился последний осколок некогда многочисленных племен, которые у Геродота, Страбона и Птолемея именуются скифами и сарматами.

В средневековых хрониках осетины фигурируют под названиями «аланы» или «асы» (в древнерусском варианте – «ясы», в грузинском – «оси»). Аланское царство, знакомое древним авторам с первых веков новой эры, было разрушено в ходе кровопролитных войн с монголами и Тимуром. Потеряв в конце XIV в. равнинные земли и отступив на юго-восточную окраину разоренной страны, выжившие аланские группы триста лет – с XV по XVII в. – жили замкнутыми общинами, обороняя от врагов свои высокогорные долины.

К XVIII в. Алания-Осетия превратилась в перенаселенную страну, и осетинские общества начали искать пути возвращения на равнину. Эти поиски совпали с продвижением на Кавказ великой северной империи. Связи между Аланией и Русью, прерванные после татаро-монгольского нашествия, были возобновлены во второй трети XVIII в., когда собравшаяся с силами конфедерация горных обществ установила дипломатические отношения с Российской империей. К этому времени русские успели забыть древнее славянское слово «ясы» и, осваивая Кавказ, заимствовали грузинский вариант названия Алании – «Осети». Из русского языка слова «Осетия» и «осетины» попали и в другие европейские языки. Сами осетины в обиходной речи называют себя областными самоназваниями, хорошо известными по раннесредневековым описаниям Алании – *«ир»* и *«дигор»* (в ед. ч. *«ирон»*, *«дигорон»*). Высокое же, фольклорно-эпическое самоназвание народа – его подлинное имя, не употребляемое всуе, – звучит так же, как и две тысячи лет назад: *«аллон»* – аланы.

Культурное состояние Алании-Осетии в эпоху присоединения к России

В Петербурге быстро поняли, что не удастся обойтись без военных баз в центре Кавказа, без осетинских дорог и серебросвинцовых месторождений, – словом, без лояльности небольшого народа, оседлавшего стратегические перевалы. Дальнейшие события развивались быстро и к обоюдному удовольствию. С 1749 по 1752 г. Осетия, наряду с крупнейшими державами, была представлена в Петербурге посольством. Россия взяла на себя обязательства переселить осетин на равнину, обеспечить им свободную торговлю с империей и внешнюю безопасность. В 1774 г. достигнутые договоренности получили международно-правовое оформление, и Осетия вошла в состав Российской империи.

Присоединение к России было результатом ответственного выбора, который осетинская элита того времени осуществила на основе народного волеизъявления. При этом речь шла как об определении оптимальных направлений политического и цивилизационного развития, так и (возможно, прежде всего) об эффективном разрешении стратегической для Алании-Осетии XVIII в. задачи – строительстве (восстановлении) государственности. Резкое обострение хозяйственных и социальных проблем, феодальные междоусобицы и внешнеполитические конфликты столетия послужили катализатором объединительного движения осетинских обществ и настоятельно требовали государственных форм самоорганизации, только и способных преодолеть политическую раздробленность и обеспечить будущее страны. В условиях перенаселения и горного малоземелья, развитой сословно-классовой иерархии, жесткого противостояния экспансии южных и северных соседей – именно таким было положение Осетии к середине XVIII в. – союзу с Россией не было альтернативы. В высокогорной зоне Центрального Кавказа отсутствуют ресурсы для сепаратного

строительства государственных институтов: в средневековье территория позднейшей Осетии являлась горной окраиной Аланского царства, а основной экономический потенциал Алании, составлявший необходимую базу ее государственности, был сосредоточен на плодородной предкавказской равнине. В новых условиях роль метрополии отводилась российскому центру.

Осетинская культура не была исключительно традиционной уже в силу необходимости обслуживать достаточно развитые формы феодальных отношений и религиозных институтов. Исторически в Алании-Осетии были распространены две мировые религии – христианство и ислам. С христианством алан познакомил святой апостол Андрей Первозванный. В начале X в. православие стало государственной религией Алании и с тех пор всегда осознавалось как вероисповедание абсолютного большинства народа. Аланская митрополия Константинопольской патриархии формально просуществовала до XVI в., однако после разрушения аланской государственности каноническое православие удерживало свое влияние только в южных районах Осетии, доступных для деятельности грузинских священников и миссионеров. Ислам получил некоторое распространение в среде торгово-ремесленной городской верхушки в конце XIII в. С разрушением городов и отступлением в горы мусульманство было сохранено феодальной элитой северных осетинских обществ.

Надежная информация о существовании аланского письма существует с VI в. Сохранившиеся памятники аланской письменности, использовавшей греческую графику, датируются X-XIV вв. Несмотря на перерыв в собственной письменной традиции, которую некому было поддерживать после событий конца XIV в., осетины продолжали пользоваться письмом – прежде всего грузинским и арабским. Представители высших сословий (у некоторых территориальных групп – и средних слоев) имели возможность учиться грамоте, в том числе за пределами Осетии. Потомки средневековой аристократии из Центральной и Южной Осетии, например, получали образование при дворе картлийских царей. Эпиграфика XVI-XVIII вв. из Северной Осетии не оставляет сомнений в наличии знатоков арабского письма.

Интенсивность, с которой в Осетии первой половины и середины XVIII в. вырабатывались культурно-образовательные инициативы, вполне соответствовала актуальному политическому контексту. Предлагались различные формы и не всегда совпадавшие направления идейного движения – от возвращения к мифологическим истокам этногонического предания до своеобразной «апостольской» школы христианских подвижников, созданной ученым монахом Петром-Парфением. Важнейшим фактором, убедившим осетинское общество в прагматической ценности православного (читай: пророссийского) образовательного направления, была просветительская деятельность Осетинской духовной комиссии, начатая в 40-е гг. XVIII в.: священники-члены комиссии переводили на осетинский язык богослужебную литературу и обучали желающих грамоте.

Поэтому провозглашенная осетинским посольством в Петербурге цель – создание государственной системы образования [21: с. 341-347] – не кажется ни случайной, ни тем более утопической. За ней стояла объективная оценка культурного состояния и политических перспектив Осетии, а также существовавший к тому времени практический опыт образовательной деятельности.

Письменность, книгоиздание и школы Осетии в XVIII – первой трети XIX в.

История народного образования в Осетии нового времени начинается с Моздокской осетинской школы, учрежденной по императорскому указу от 27 сентября 1764 г. Занятия в Моздокской школе открылись в 1766 г., она просуществовала до 1790-х гг. [15: с. 34]. Начальный курс обучения проходил на родном языке. В инструкции Святейшего Синода специально подчеркивалось: нужно «стараться, чтобы ученики этой школы никогда не забывали своего природного языка» [24: с. 157]. По утвердившейся в литературе оценке, Моздокская школа сыграла значительную роль в культурной жизни Осетии, «дав толчок дальнейшему развитию национального просвещения», в том числе – восстановлению письменности [13: с. 208].

Необходимость преподавания осетинского языка уже в конце XVIII в. привела к созданию осетинской азбуки. При поддержке моздокского епископа Гая священник-осетин Пауле Кесати (Генцауров) разработал систему осетинского письма на основе церковнославянской графики. Первопечатная осетинская книга – краткий катехизис – вышла в Москве в 1798 г. [6].

Альтернативой «моздокско-московскому» стал «тифлисский» культурный проект. В первой четверти XIX в. осетинский язык преподавался в Тифлисской духовной семинарии, где готовили священников и для осетинских приходов. Семинарский преподаватель осетинского языка Иуане Габарати (Ялгузидзе) еще в 1802 г. разработал осетинскую азбуку на основе грузинской графики. Составленный им осетинский букварь был издан в Тифлисе в 1821 г. и, на первый взгляд, отвечал практическим нуждам образования. В самом

деле, были учтены как интересы большинства учащихся семинарии – этнических грузин, так и возможности семинаристов-осетин, вместе со всеми изучавших грузинский язык и потому хорошо знакомых с грузинским письмом. За отсутствием иной учебной литературы, по этому букварю начали учить детей и в первых приходских школах, созданных в Осетии в 1820-е гг. [13: с. 262], – благо и там преподавали подготовленные Тифлисской семинарией священники.

Автором букваря были переведены на осетинский язык и изданы грузинским церковным шрифтом еще три книги [23: с. 126]: 1. Утренние молитвы, вечерние молитвы, катехизис, краткое наставление в христианском законе, краткий молитвенник (Тифлис, 1820); 2. Богослужение (Москва, 1821); 3. Обряд крещения, обряд бракосочетания, обряд по усопшим (Тифлис, 1824).

Представление о том, что грузинскую церковную культуру можно сделать посредницей в строительстве осетинской системы образования или возвращении осетин в лоно канонического православия, характерно лишь для первых десятилетий деятельности в Осетии российских синодальных учреждений. Тогда из-за недостатка образованных священнослужителей из осетин и языковой некомпетентности русских священников в большинстве осетинских приходов служили грузинские духовные лица. Дело в том, что в составе России грузинская церковь получила статус экзархата, глава которого назначался Синодом, и немногочисленные православные приходы всего российского Кавказа для удобства управления были переданы в подчинение экзарху Грузии. Вскоре, однако, выяснилось, что грузинское православие, хорошо знакомое лишь жителям пограничных с грузинскими землями южных окраин Осетии, не имеет традиций перевода богослужения на осетинский язык, а знание священниками-грузинами осетинского языка и народной культуры оставляет желать лучшего. Впрочем, важнейшими причинами неэффективности «тифлисского» проекта оказались его социокультурная тенденциозность и лингвистический дилетантизм. Осетия присоединилась к Российской империи в том числе для того, чтобы оградить себя от военно-политической и культурной экспансии со стороны грузинских княжеств, а набранные там духовные лица строили свою деятельность, не всегда учитывая это обстоятельство. В то же время непредвзятая (осуществлявшаяся просвещенными и самоотверженными грузинскими священниками) попытка в общеосетинских масштабах использовать письмо и книги грузинской графики натолкнулась на трудноразрешимые орфоэпические проблемы и прежде всего – неприспособленность избранной орфографии к узусу различных осетинских диалектов и говоров. Эксперимент по внедрению грузинской графики продолжался 15 лет и завершился в 1836 г. с отрицательным результатом.

Окончательный выбор в пользу кириллической системы осетинского письма – выбор, предопределенный важнейшими социально-политическими и культурными сдвигами в жизни Осетии XVIII-XIX вв., был сделан с активным участием Андерса Йохана (Андрея Михайловича) Шегрена на основе предложенного им алфавита и научной грамматики.

Дошегреновский этап в истории осетиноведения

Историю накопления письменных известий об Осетии и осетинах в ведомственных архивах и географических публикациях следует начинать с XVII в., когда вышли в свет описание путешествия голландца Н. Витсена, побывавшего на Кавказе, и русский атлас «Книга Большому Чертежу». Однако лишь во второй половине XVIII – начале XIX в. европейской науке стали доступны историко-этнографические сведения об осетинах и языковые материалы из Осетии, представленные в трудах ученых и путешественников, побывавших на Кавказе, – И. Гюльденштедта, П. Палласа, Я. Рейнеггса, Л. Штедера, Я. Потоцкого [28; 30; 31; 32; 33].

Осетинский лексический материал (обычно в виде словников) представлен в публикациях Н. Витсена, И. Гюльденштедта, Я. Рейнеггса. Наиболее обширный глоссарий И. Гюльденштедта содержит около 320 осетинских слов, при этом эквиваленты определенному немецкому слову приводятся на двух диалектах осетинского языка – иронском и дигорском, а в приложении к глоссарию даны образцы спряжения.

Независимо друг от друга академик Г. Миллер, изучавший античные и средневековые тексты [19], и Я. Потоцкий, совершивший путешествие по Кавказу, сделали предварительный вывод об идентичности осетин с народом аланов, хорошо известным в древности и средневековье.

Итоговым и самым значительным достижением дошегреновского этапа в истории научного осетиноведения явилось исследование Ю. Клапрота, побывавшего на Кавказе в 1807-1808 гг. [29]. Отправляясь в свое путешествие, Ю. Клапрот получил от Я. Потоцкого подробные инструкции, включавшие перечень важнейших вопросов о языке и культуре осетин, на которые желательно было получить точные ответы. Хорошо знакомый с трудами предшественников,

Ю. Клапрот обобщил, исправил и углубил сведения о хозяйственной и социальной жизни, религиозных воззрениях, обрядности и фольклоре осетин. Главной заслугой Ю. Клапрота в области осетиноведения считается вывод о прямой этногенетической и культурно-языковой связи осетин нового времени со средневековыми аланами. Это заключение, подтвержденное последующим развитием науки, было сделано на основе комплексного изучения письменных, этнографических и лингвистических источников. Как специалист по восточным языкам, Ю. Клапрот стал первым профессиональным экспертом, определившим происхождение осетинского языка и его место в лингвистической классификации. Во второй том сочинения о своем путешествии по Кавказу Ю. Клапрот включил «Опыт осетинской граматики», словарь и образцы осетинских текстов. Его краткая грамматика является первой попыткой описать строй осетинского языка, но исчерпывается в основном сведениями о склонении и спряжении. Ценность словаря, в который включено около двухсот слов, заключается в сопоставлении осетинской лексики со словами некоторых иранских и ряда других индоевропейских языков.

Детальное знакомство с трудами предшественников, прежде всего с результатами деятельности Ю. Клапрота, и послужило отправной точкой интереса А. Шегрена к Осетии. Предлагая программу дальнейших исследований на Кавказе, он писал в Академию Наук: «Мы имеем много более или менее обширных, также более или менее точных собраний слов, изданных Гюльденштедтом и в особенности Клапротом; но о грамматических особенностях тамошних языков, исключая Грузинский, нет ничего, кроме отрывистых замечаний или, как например, об Осетинском, бедных эскизов, рассеянных в некоторых журналах» [4: с. 110]. Именно с упоминания Ю. Клапрота начинает А. Шегрен предисловие к «Осетинской грамматике»: «С тех пор, как известный германский ученый Клапрот издал описание путешествия своего на Кавказ и в Грузию, <…> по поручению нашей Академии Наук, и в нем сообщил ученому совету несколько обстоятельнее известия о горном кавказском народе осетинов, а особливо их языке, сии предметы обратили на себя особое внимание историков и филологов» [1: с. VII-VIII]. Между тем установленная Ю. Клапротом этноязыковая (индоевропейская и иранская) принадлежность осетин требовала тщательной проверки и глубокого изучения. «Как известно, – пишет А. Шегрен, – Клапрот при исследовании сродства народов и языков мало смотрел на самое грамматическое устройство последних, довольствуясь по большей части старинным, конечно легким, но в наше время уже недостаточным и справедливо оставленным способом, состоящим в наружном лексикальном сравнении языков между собой. <…> Из всего сказанного явствует, сколь необходимо было подробное исследование осетинского языка во всех его грамматических свойствах на месте у самих осетинов» [1: с. VIII-IX].

Поездка А. Й. Шегрена в Осетию: изучение языка и культуры

Отправляясь на Кавказ в сентябре 1835 г., экстраординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук А. Шегрен планировал совместить лечение минеральными водами, которое настоятельно рекомендовали ему врачи, с изучением языков и культур кавказских стран, входивших в состав Российской империи. Кавказ представлялся ему южным пределом древнего финно-угорского ареала, научное обследование которого А. Шегрен последовательно проводил с начала 1820-х гг. Поездка «в Юго-Восточный край до Кавказа» первоначально планировалась на 1827-1828 гг., но тогда на это не хватило времени [4: с. 114]. Обосновывая необходимость нового путешествия, А. Шегрен пишет в поданной Академии записке:

«Что касается Кавказа, то по плану прежнего моего ученого путешествия я должен был окончить свои исследования тем краем, который, как кажется, составляет границу на Юге для Чудских племен и следов их. Объять теперь надлежащим образом все языки народов Кавказа было бы дерзкое, самонадеянное предприятие, и по моему мнению, не в том еще настоит теперь нужда. <…> Кроме татарского и грузинского языков, составляющих для меня и цель и средство, я займусь еще в особенности Осетинским, который, имея общую важность, для меня еще любопытен по отношению, какое имеет он к прежним моим занятиям. Клапрот <…> представляет его отдельною ветвью Индо-Германского корня в Азии и <…> замечает, что в Осетинском находятся многие слова, встречаемые в Латышском, а преимущественно в Вотякском, Зырянском и Пермском языках. <…> Тот же самый ученый основательно доказывает, что нынешние Осетинцы суть не что иное, как Асы (As) и Аланы средних веков, вместе с тем он находит в названии сходство с именем народа Асов (Asen), из первобытного жилища коих вышел Один с колониею Асов и поселился в Древней Скандинавии. <…> Этого намека весьма достаточно для поощрения к точнейшим исследованиям Осетинских нравов и обычаев, а в особенности свойств и конструкции языка Осетинского, равно как и преданий,

религиозных мнений, и народных песен, если только они имеют их. Сказанное мною достаточно объясняет пользу и важность моего предприятия» [4: с. 110].

Император утвердил предложение президента Академии графа С. Уварова о двухгодичном путешествии академика А. Шегрена. Занятия ученого осетинским языком начались осенью 1835 г. в Тифлисе, где от экзарха Грузии Евгения он получил полный набор «редких книг, совершенно неизвестных в ученом мире, касающихся литературы Осетии» [4: с. 15]. Наряду с первопечатным осетинским катехизисом 1798 г., а также упомянутыми выше букварем и духовными текстами, изданными грузинским шрифтом, А. Шегрену оказалась доступна и рукопись перевода четырех Евангелий, также осуществленного И. Габарати. Высоко оценивая его труды, А. Шегрен пишет в одном из писем, что «они имеют тем больше значения, что эти работы, собранные их автором с достойным уважения усердием, являются первыми, из которых можно черпать детальные знания о языке осетин, или, по крайней мере, о южном диалекте, который граничит с Грузией» [4: с. 16].

Перезимовав в Тифлисе, в марте 1836 г. А. Шегрен отправился в Осетию. «Согласно с прежде начертанным для учебных занятий моих планом, – писал он позже, – я с самого начала принял намерение прилагать всевозможное старание о самом точнейшем и подробнейшем узнании внутреннего духа и устройства языка во всем его грамматическом составе и объеме, с самых первых звучных элементов до высшего настоящего развития в синтаксическом употреблении» [1: с. X]. В крепости Владикавказ он нашел и помощников-переводчиков, и языковую среду, необходимую для быстрого овладения осетинской речью. Первым учителем, с которым А. Шегрен приступил к практическому курсу осетинского языка, был житель Владикавказа, окончивший Тифлисскую семинарию и служивший «переводчиком осетинского языка и помощником осетинского пристава», – прапорщик Петр (Тасо) Жукати. Позже к нему присоединился протоиерей Шио Двалишвили, служивший в Осетинской духовной комиссии. «Я снова пересмотрел с ними словари Клапрота, а также пометки, которыми я их снабдил в Тифлисе, – пишет А. Шегрен. – Мы проверили их слово за словом, потом выделили и определили как можно тщательнее все особые грамматические формы <…> Таким образом, у меня наконец есть солидная база для осетинского языка, на которой я смогу построить что-то правильное, когда скоро, даст Бог, вернусь во Владикавказ в лучшем состоянии здоровья. А пока мои два помощника обещают мне подготовить в свободное время новые материалы как для моего личного, так и для общего пользования, чтобы помочь в будущих исследованиях осетинского языка. Для этого, по их пожеланию и для использования ими, я, со своей стороны, разработал предварительную модель осетинского алфавита на основе русского» [4: с. 17-18].

В июле 1836 г. А. Шегрен покинул Владикавказ и вернулся в Осетию весной 1837 г. Продолжив занятия иронским (он именует его «тагаурским») диалектом, А. Шегрен готовился к самой сложной части своего путешествия – поездке через равнинные дигорские селения в Дигорское ущелье, а оттуда по перевальной дороге через Главный Кавказский хребет – в грузинские области Рачу и Имеретию. Совершив этот переход, сопровождавшийся значительными бытовыми и организационными трудностями, в начале лета он был уже в Тифлисе, откуда писал президенту Академии:

«Во Владикавказе я посвятил весну продолжению изучения осетинского языка, вне всякого сомнения, самого важного из языков Кавказа из-за его связей с основными языками Европы и Азии большой индоевропейской группы. И я детально собрал точные сведения о всех его особенностях на основе тагаурского диалекта, на котором говорят в окрестностях Владикавказа, самого богатого и правильного диалекта. По южно-осетинскому языку я уже собрал различные материалы, печатные и рукописные. <…> Оставалось, таким образом, исследовать только западный диалект дигорцев, который далек от двух других и именно из-за этого наименее известен: из этого диалекта имелось только несколько сомнительных слов, данных Клапротом. Впрочем, представлялось абсолютно необходимым, чтобы я сам поехал к дигорцам не только для того, чтобы там изучить их язык, но также, чтобы увидеть собственными глазами и изучить на месте повседневный быт осетин именно в самой отдаленной части края и проверить, таким образом, информацию, которую, как утверждает Клапрот, он там собрал» [4: с. 19].

Не вполне довольный результатами своей дигорской экспедиции, А. Шегрен просил графа С. Уварова продлить ему срок научной командировки: «Как я узнал от самих дигорцев, большая часть осетинского населения Моздока состоит из дигорцев, переехавших в разное время из своих долин, чтобы устроиться на линии. Там можно будет намного легче и удобнее, чем в самой Дигории, получить фундаментальные знания об их языке». Кроме того, ученый надеялся обнаружить следы деятельности Осетинской комиссии XVIII в. или другие документы, подобные полученным из Моздока бумагам, виденным в Тифлисе (скорее всего, в канцелярии командира Отдельного Кавказского Корпуса барона Г. Розена): «Первая осетинская миссия находилась там долгое время и напечатала там осетинский Катехизис. Возможно, там можно будет также найти старинные письменные памятники, способные осветить в определенной степени историю жителей Осетии и

других, окружающих их, горцев, так же, как в начале моего пребывания в Тифлисе я держал в руках и смог использовать массу старых бумаг, которые были получены оттуда» [4: с. 21]. Разрешение, необходимое для посещения Моздока, было получено.

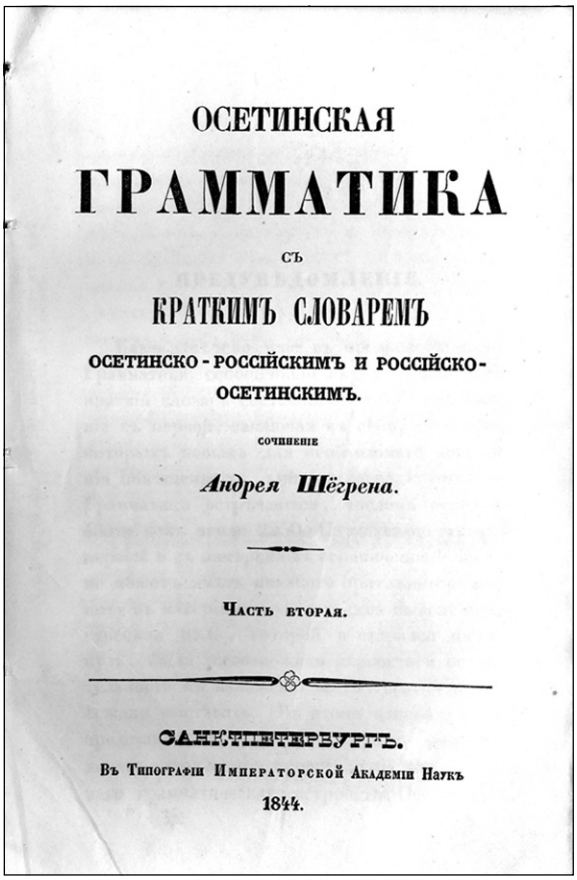
Трехнедельная поездка в Дигорию состоялась в мае 1837 г., а осенью языковые материалы были пополнены в одном из дигорских селений под Моздоком. Поиски «письменных памятников», насколько можно судить, не увенчались успехом. В начале декабря 1837 г. А. Шегрен отправился в обратный путь и прибыл в Петербург незадолго до Нового 1838 года.

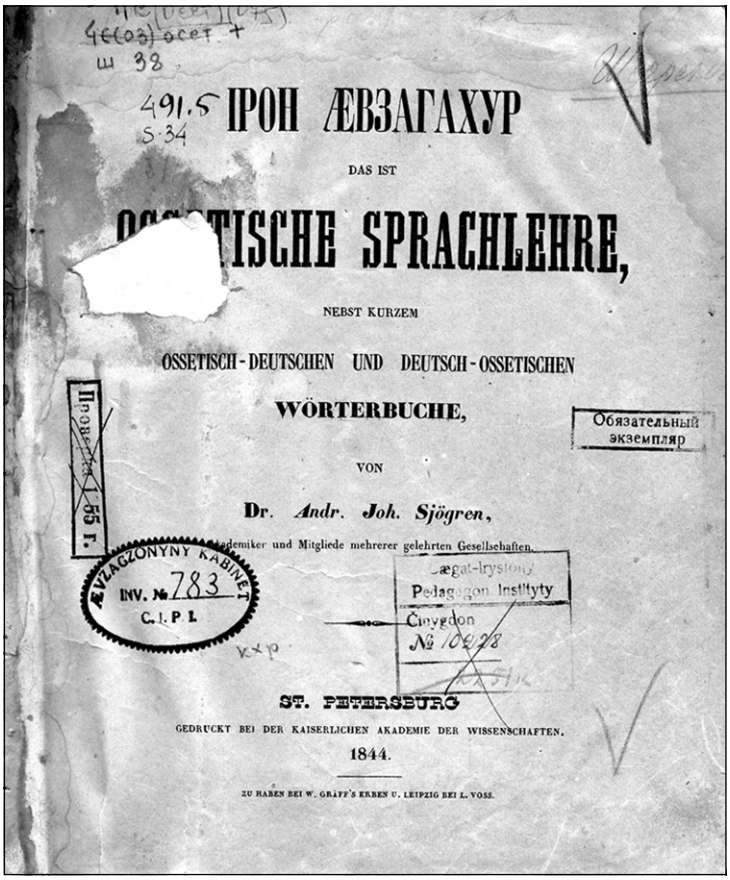
Осетиноведческие исследования А. Й. Шегрена

«Я имел удовольствие оставить Кавказ с тем внутренним убеждением, что успел сделать все, что было мне только возможно, и в исходе 1837 года возвратился в Петербург, совершенно лишенный зрения на поврежденном уже прежде глазе, и почти с отмороженными от жестокой зимы на возвратном пути членами, но обогащенный изобильными и по возможности достоверными материалами к пространному грамматическому изложению осетинского языка, по двум главным наречиям, тагаурскому и дигорскому, – пишет А. Шегрен, подводя итоги своей поездки в Осетию и определяя главную цель своих занятий. – Мне предстоял новый труд: приведение в порядок и обрабатывание всех собранных материалов, чтобы из них составить подробную и полную грамматику, которая могла бы служить руководством всем желающим познакомиться с осетинским языком» [1: с. XIII-XIV].

Работа продолжалась несколько лет. «Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским» вышла в свет в Петербурге в 1844 г. [1]. Параллельно была издана подготовленная самим автором немецкая версия «Осетинской грамматики», соответственно с осетинско-немецким и немецко-осетинским словарем [2]. Грамматика на немецком языке была предназначена прежде всего специалистам-языковедам, тогда как русскую книгу с нетерпением ждали в учебных заведениях, где преподавался осетинский язык.

Предлагая новый алфавит, А. Шегрен пользовался возможностью обозначить все звуки языка отдельными буквами, «чтобы они были, без изъятия, тем, чем они должны быть, *знаки простых* (единственных или слитных) *звуков*, и удержали бы *постоянно* и во *всех* случаях *одну и ту же* силу, между тем как в разных


ОСЕТИНСКАЯ
ГРАММАТИКА
съ
КРАТКИМЪ СЛОВАРЕМЪ
ОСЕТИНСКО-РОССІЙСКИМЪ И РОССІЙСКО-ОСЕТИНСКИМЪ.
сочиненіе
Андрея Шёгрена.
Часть вторая.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ
1844.


ІРОН ÆВЗАГАХУР
DAS IST
OSSETISCHE SPRACHLEHRE,
NEBST KURZEM
OSSETISCH-DEUTSCHEN UND DEUTSCH-OSSETISCHEN
WÖRTERBUCHE,
VON
Dr. Andr. Joh. Sjögren,
Akademiker und Mitgliede mehrerer gelehrten Gesellschaften.
ST. PETERSBURG
GEDRUCKT BEI DER KAISERLICHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN.
1844.
ZU HABEN BEI W. GRAFF'S ERBEN U. LEIPZIG BEI L. VOSS.

Титульный лист «Осетинской грамматики» А. Шегрена в русской (слева) и немецкой (справа) версиях

других алфавитах, и не редко также в русском, *один и тот же знак* в разных случаях имеет *различные значения*, или же, наоборот, *один и тот же звук* пишется *разными знаками*, так что требуется знание множества особых правил и большой навык, чтобы узнать, где как надобно произносить и писать» [1: с. XXX]. Стараясь использовать достоинства и преодолеть недостатки русского алфавита, А. Шегрен удалил «гласных, полугласных и двугласных букв всего 9, а именно: И, Й, Ь, Ѣ, Ю, Я, Ъ, Ы и Э», а недостающие буквы заимствовал из греческого, французского, немецко-шведского алфавитов или изобрел сам [1: с. XX-XXIX].

«Осетинская грамматика» А. Шегрена представляет фонетику, морфологию, синтаксис в порядке, соответствующем традициям своего времени. Основная часть книги состоит из двух разделов: «Этимология» и «Синтаксис».

В разделе «Этимология» – два отделения. В первом описана фонетика осетинского языка. В иронском («тагаурском») диалекте А. Шегрен насчитывает 35-36 звуков, в дигорском – 43, в югоосетинских говорах – 37. Буквы своей азбуки он делит на гласные (короткие и долгие), полугласные и согласные (придувательные, гортанные, шипящие, язычные, губные, плавные). В первом же отделении обозначены междиалектные фонетические соответствия, предложены объяснения для ударения и изменяемости звуков. Во втором отделении раздела «Этимология» описаны части речи. Их восемь: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, глагол, наречие, предлоги и прилоги, союзы, междометия. Одновременно А. Шегрен решает терминологическую задачу, устанавливая названия для частей речи и других грамматических категорий и понятий.

Раздел «Синтаксис» состоит из трех глав. В первой, посвященной составу предложения, рассматриваются вопросы согласования и управления членов предложения, описываются синтаксические связи косвенных падежей и синтаксические функции отдельных частей речи. А. Шегрен устанавливает восемь падежей: именительный, звательный, винительный, дательный, родительный, внутренне-местный, внешне-местный, отводительный. Вторая глава, трактующая «о формах или видах предложения», содержит необходимые сведения об осетинском предложении вообще, о сложных предложениях, а также о периодах – так автор называет сложные предложения с несколькими главными или придаточными частями. В третьей главе говорится о порядке слов в предложении.

Особую ценность придает грамматике целостное представление автора об осетинском языке. «Два главных наречия осетинского языка, тагаурское и дигорское, составляют тот предмет, который я постараюсь сколько возможно подробнее изложить в своей грамматике», – пишет А. Шегрен в предисловии [1: с. XXXI]. На протяжении всего изложения он оперирует материалом обоих основных диалектов. Точно так же и грамматическая терминология вводится одновременно на двух диалектах. В приложенном к грамматике словаре в алфавитном порядке представлена лексика всех вариантов осетинской речи. При этом слова иронского (по терминологии автора – тагаурского) диалекта, отсутствующие в дигорском, отмечены знаком «Т», а слова дигорского, которых нет в иронском, – знаком «Д». Нелишне отметить, что шегреновская грамматика – самый представительный памятник осетинского языка середины XIX в., что делает ее бесценным источником для исторического изучения языка.

Выход в свет «Осетинской грамматики» явился крупным событием в языкознании. Наука получила ясное представление о лексическом составе и грамматическом строе осетинского языка. Тем самым была создана надежная основа для его дальнейшего изучения, в ходе которого – по мере развития науки – изменялись методы описания, уточнялись выводы, корректировалась терминология, предложенная А. Шегреном.

Место осетиноведения в индоевропейском языкознании было определено самим А. Шегреном в специальной работе, опубликованной в 1848 г. [3]. Важность осетинского языкового материала для сравнительно-исторических исследований он вполне оценил еще в апреле 1837 г. и тут же сообщил о своем открытии академику Х. Френу: «Уже сейчас многие вещи в древних классических языках мне представляются более ясными или даже совсем другими, чем я их представлял до сих пор» [4: с. 18].

Значение шегреновской грамматики, подтвержденное впоследствии развитием иранского языкознания в целом и научного осетиноведения в частности, было вполне очевидно для современников. Труд А. Шегрена удостоился высокой оценки незамедлительно. Основоположник славянского сравнительно-исторического языкознания академик А. Востоков, рецензируя рукопись, называет ее «превосходно изложенной Грамматикой Осетинской» [4: с. 160]. В год выхода книги, в октябре 1844 г., ее автор был избран ординарным академиком, в январе 1845 г. назначен директором Этнографического музея Академии, в феврале 1845 г. произведен в чин статского советника. В 1846 г. во Франции А. Шегрену была присуждена академическая премия Вольнея с золотой медалью в 1200 франков, а король Дании наградил его орденом Данеборга 3-й степени [4: с. 108].

В истории лингвистической науки А. Шегрену отведено почетное место основоположника осетинского языкознания. В истории изучения осетинского языка прочно утвердилась традиция выделять «шегреновский

этап», именуемый «началом научного осетиноведения» в противоположность предшествующему «донаучному этапу осетиноведения», который сводился к сбору сведений об осетинах и их языке путешественниками XVII – начала XIX в. [12: с. 11-20].

Роль А. Шегрена как в истории осетинской культуры, так и в осетиноведческой науке не ограничивается лингвистическими достижениями, его деятельность и наследие явно выходят за пределы языковых исследований. Широкий гуманитарный подход вообще характерен для историко-филологических изысканий эпохи, тем более он был неизбежен в финно-угроведении и осетиноведении – дисциплинах, лишь формировавшихся в первой половине XIX в. Изначально планируя изучение народной культуры осетин, А. Шегрен собирал этнографический материал, который представлен в его опубликованных кавказских письмах, а возможно, и в дневнике, который пока недоступен специалистам. «В этом уникальном научном и личном документе, – по свидетельству А. Йоки, – содержатся между прочим такие подробности о поездке на Кавказ, каких не найти в печатных источниках» [14: с. 139]. Археографическим разысканиям А. Шегрена мы обязаны сохранностью ценных исторических документов XVIII-XIX вв. [4: с. 150].

Особое место занимают в наследии А. Шегрена две недавно опубликованные рукописи, хранящиеся в Санкт-Петербургском отделении архива Российской Академии Наук: «Осетинские имена» и «Описание дугорского народа» [4: с. 32-40, 86-100].

Осетинский именник включает более 1200 мужских и женских имен и является первым известным опытом подобного рода. Имена собраны А. Шегреном в нескольких ущельях Восточной Осетии, расположенных вблизи Военно-Грузинской дороги, по которой он за время пребывания на Кавказе проезжал несколько раз. Ономастический материал записан латинской графикой (с признаками немецкой орфоэпии), сгруппирован по ущельям, а внутри «географических» блоков расположен по алфавиту. К сожалению, даже будучи опубликован, шегреновский именник пока остается неизученным, хотя серьезное значение этого собрания для этнолингвистических и историко-культурных исследований не вызывает сомнения у специалистов.

«Описание дугорского народа» является наброском очерка о Дигории – той области Западной Осетии, которая населена субэтнической и диалектной группой осетин-дигорцев. В достаточно краткой, можно сказать концентрированной, форме представлена географическая, хозяйственно-экономическая, демографическая информация, данные о культуре жизнеобеспечения, религии, социальном строе, политических связях. Окончательный вывод об авторстве этой рукописи, приписываемой А. Шегрену, делать рано – сомнения вызывает и название в целом (А. Шегрен нигде не использовал слово «народ» в подобном смысле, хорошо понимая, что дигорцы – часть осетинского народа), и форма имени субэтнического подразделения (А. Шегрен везде пишет «дигорцы», «дигорский», а не «дугорцы»).

Поиск осетинских материалов из наследия А. Шегрена продолжается, параллельно происходит и выявление ошибочно приписанных ему текстов: так, издателем владикавказского сборника [4] успешно оспорено некритическое включение в шегреновское наследие дилетантской статьи из журнала «Маяк».

А. Й. Шегрен – реформатор осетинской письменности

Приехав в Осетию в марте 1836 г. и только начав занятия осетинским языком, в апреле А. Шегрен уже «разработал предварительную модель осетинского алфавита на основе русского», о чем он сам сообщает в письме академику Х. Френу [4: с. 18]. Интересно, что этот первоначальный вариант алфавита был создан для удобства Петра Жукати и Шио Двалишвили, учителей и помощников А. Шегрена, хорошо знакомых с опытом применения грузинской графики – «по их пожеланию и для использования ими» при подготовке языковых материалов. Подобное пожелание, высказанное осетином-чиновником и грузином-священником, не могло быть случайным. В устах двух знатоков осетинского языка, занимавших заметные служебные места в культурной столице Осетии, этот выбор должен был отражать мнение, сложившееся в образованных кругах Владикавказа.

Объясняя собственный подход к выбору графической основы для осетинского алфавита, А. Шегрен вполне осознавал и ответственность, и многосложность своей задачи, но избежать ее решения, принимаясь за полноценное описание языка и создание научной грамматики, было невозможно. «Величайшее затруднение при самом начале представляло необходимое установление приличной и особенному характеру языка свойственной азбуки, – признается ученый. – В изданных прежде сего пяти осетинских книжках были употреблены азбуки словенская и грузинская <…> Мне надобно было также избрать алфавит или русский или грузинский. Соображая как будущую судьбу самих осетинов, так и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму, которые знали то и другое, я решился в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит» [1: с. XV-XVI].

Насколько можно судить, «предпочтительная склонность» – это именно то, что П. Жукати и Ш. Двалишвили выразили в своем пожелании пользоваться русским алфавитом.

К чести А. Шегрена, он не скрывал, что сделал свой выбор «несмотря на то, что грузинский (алфавит. – *Р. Б.*), кроме общего внутреннего достоинства, несравненно способнее к выражению звуков, осетинскому языку свойственных, почему и Ялгузидзе не находил нужным придумать более трех новых букв для того южно-осетинского наречия, на котором он писал. Немного больше букв надобно было бы придумать для тех наречий, тагаурского и дигорского, которые составляют предмет моей грамматики; а напротив, более нежели тройное число при выборе русского алфавита, не считая других отступлений и изменений» [1: с. XVI-XVII]. Иными словами, нет сомнения, что филолог такого класса, как А. Шегрен, мог исправить и усовершенствовать предложенную для осетинского письма грузинскую графику, – мог, если бы в том была нужда.

Для правильного понимания обстоятельств, в которых протекала деятельность ученого, вспомним об историческом контексте. Приоритет кириллицы был предопределен политическим и цивилизационным выбором, который уже состоялся в Осетии и оказался понятым и принятым на уровне целей социального и культурного развития. Именно этими целями руководствовалась осетинская элита и присоединившийся к ее мнению А. Шегрен. Не случайно даже выбор русского языка изложения в «Осетинской грамматике» («несмотря на малый навык мой писать по-русски») он связывал не только с интересами самих осетин, но и с полезностью книги для русских чиновников и учителей, работающих в Осетии.

Подтверждением сказанного является скорость, с которой окончательный выбор кириллицы был закреплен организационно – в ходе создания Владикавказского духовного училища. Решение об открытии училища и предварительном подборе учащихся было принято за год до начала учебных занятий и основывалось на повелении императора. В сентябре 1835 г. экзарх Грузии Евгений направил благочинному Осетинской духовной комиссии Ш. Двалишвили предписание «открыть во Владикавказе, в виде опыта, училище из детей от 8-ми до 12-ти лет осетинских владельцев и старшин и некоторых сирот». Главной целью учебного заведения была объявлена подготовка священнослужителей для осетинских приходов, происходившая за государственный счет, а «на своем коште» могли учиться и те, кто отказывался от духовной карьеры [15: с. 72]. В августе 1836 г. экзарх определил штаты и смету училища, набор учебной литературы и даже сценарий торжественного открытия. Смотрителем училища и учителем осетинского языка и Закона Божия назначался Ш. Двалишвили, инспектором и учителем русского языка и арифметики – Григорий Мжедлов [15: с. 74-76].

Возможно ли сомневаться в том, что весной 1836 г. организатор и будущий смотритель духовного училища для осетинских детей, высказывая заинтересованность в создании удобной гражданской версии осетинской кириллицы, имел в виду в том числе образовательные цели? А. Шегрен сообщает в своем апрельском письме, что «два помощника обещают мне подготовить в свободное время новые материалы как для моего личного, так и для общего пользования» [4: с. 18]. Впрочем, будущий создатель нового алфавита вполне мог узнать об организации Владикавказского училища еще в Тифлисе – из бесед с экзархом, который снабдил его осетинской литературой и рекомендовал для помощи в освоении языка хорошего учителя – благочинного Ш. Двалишвили.

Через несколько дней после официального открытия духовного училища его смотритель Ш. Двалишвили обратился в правление Тифлисской духовной семинарии (училище находилось в административном подчинении правления) с ходатайством о разрешении переводить катехизис, используя шегреновский алфавит. Вот текст этого документа:

«В распоряжении учебных часов и предметов для Владикавказского духовного училища сказано: “Как скоро ученики выучат осетинскую азбуку, напечатанную грузинскими буквами, преподавать им Закон Божий”, для чего и прислано несколько экземпляров переведенного катехизиса г. Ялгузидзева, но как наречие, на котором переведен оный катехизис, мало понятно для детей здешних горцев и даже некоторые слова смешны для них, то не благоугодно ли будет оному семинарскому правлению дозволить мне переводить оный же катехизис на здешнем языке, для классического занятия учеников, а писать русскими буквами, составленными г. Шогреном. При сем препровождается и азбука Шогрена» [15: с. 79-80].

Таким образом, приступая к занятиям во вновь открытом училище, его организаторы уже располагали «азбукой Шегрена». Была ли это уже упомянутая «предварительная модель осетинского алфавита» или, возможно, первый вариант будущей грамматики? Ответ неизвестен. Через несколько месяцев, в апреле 1837 г., А. Шегрен пишет Х. Френу, что «уже очень близок к тому, чтобы закончить свой первоначальный набросок, из которого можно будет сделать осетинскую грамматику, как можно более полную и точную» [4: с. 18].

В то же время нет сомнения, что «азбукой, напечатанной грузинскими буквами» назван букварь 1821 г. Его судьба была окончательно решена

12 октября 1836 г. – так датировано предписание, которое правление Тифлисской семинарии адресовало смотрителю Владикавказского духовного училища. В трех первых пунктах этого документа правление запрашивает, готово ли училище вести преподавание осетинского языка, используя русские буквы, и нельзя ли катехизис изучать сразу на русском языке. В четвертом пункте предписания дан ответ на вопрос о новом переводе катехизиса: «Правление полагает достаточным позволить только вам переписывать сей катехизис русскими буквами, поправляя или заменяя новыми те слова из прежнего перевода, которые кажутся тамошним жителям неточными или даже смешными». Итоговый пятый пункт стал вердиктом, завершившим неудачный эксперимент: «Обучение детей горцев грузинским буквам, как вовсе ненужное, совершенно отменить» [15: с. 80].

Показательно, что просвещенные представители грузинского духовенства, непосредственно связанные с Осетией или хорошо осведомленные о преподавании осетинского языка в духовных учебных заведениях, с искренним расположением встретили предложенный А. Шегреном алфавит. Инспектор Г. Мжедлов (Мчедлишвили), который в самом раннем историческом описании Владикавказского училища назван «душой его» [16: с. 8], был первым благодарным последователем академика – «стал изображать осетинские слова русским алфавитом» (16: с. 18). Именно ему принадлежала инициатива нового перевода катехизиса, и даже не получив полного одобрения тифлисского начальства, он приступил к осуществлению своего плана. В апреле 1838 г. Г. Мжедлов представил экзарху Грузии Евгению переведенную «на осетино-тагаурское наречие краткую священную историю с кратким катехизисом» и вместе с благословением получил предложение перевести пространный православный катехизис, изданный для преподавания в училищах [15: с. 80]. В 1841 г. Г. Мжедлов, к тому времени сменивший Ш. Двалишвили в должности смотрителя, завершил перевод Псалтыря. История подготовки этих переводов к печати – отдельная тема, заметим лишь, что бессменным многолетним рецензентом этих текстов был А. Шегрен, и часть рецензий уже обнаружена и опубликована [4: с. 81-86, 166-168]. Как объяснял Синоду экзарх Грузии Евгений, «смотритель Мжедлов в рапорте своем объяснил, что оценку относительно правильности и чистоты языка, на который переложен им Псалтырь, он полагает лучшим поручить г. академику Шегрену» [4: с. 166]. В ожидании шегреновской грамматики Г. Мжедлов попытался даже составить собственное учебное пособие для практических нужд преподавания. А. Шегрен был знаком с этой рукописью, что явствует из письма, которое он получил в ноябре 1841 г. от преподавателя Тифлисской семинарии П. Иоселиани. «Что Ваша грамматика? – заинтересованно спрашивает академика грузинский корреспондент. – Семинария наша нуждается в ней. Мчедлов оставил нашу по училищу службу и поступил в гражданскую. Составленная им грамматика и Вами разобранная оставлена в углу, а мы дожидаемся видеть у себя Вашу. Поспешите» [20: с. 194].

Нетрудно представить, с каким нетерпением ожидали родную грамматику осетины, настолько поразившие главноначальствующего на Кавказе генерала Е. Головина своей тягой к образованию, что в том же 1841 г. он в отчете императору не забыл упомянуть: желание их «помещать детей своих в училища настолько сильно», что даже горцы из самых отдаленных районов «неотступно просят о том начальство», а потому «мы приняли меры к помещению детей их в приходские училища» [15: с. 81].

Труды А. Й. Шегрена в осетинском культурно-историческом контексте

То, что академик А. Шегрен стал основоположником двух не самых близких филологических дисциплин – финно-угроведения и осетиноведения – может показаться счастливой случайностью. Его появление в Осетии и в самом деле следует называть «историческим счастьем», однако ни интерес выдающегося финско-российского ученого к осетинскому языку, ни результаты его деятельности случаем объяснить невозможно. И дело даже не в том, что изначальное побуждение А. Шегрена отправиться на Кавказ было связано с поисками языковых следов и этнокультурных связей предков финно-угорских народов. Куда важнее финская идентичность автора «Осетинской грамматики», позволившая ему понять политическое положение и прозреть социокультурные перспективы другого народа – еще одного народа Российской империи. Прежние путешествия, познакомившие молодого лингвиста с жизнью финно-угорских народов России, его научные сочинения об их языках и судьбах в истории, доскональное знание первых образцов их литературы (зырянская грамматика и евангелие даже упомянуты в предисловии к «Осетинской грамматике») – все это подготовило А. Шегрена к той миссии, о которой он, скорее всего, и не помышлял, собираясь изучать осетинский язык.

Изучение «свойств и конструкции языка осетинского», «всевозможное старание о самом точнейшем и подробнейшем узнании внутреннего духа и устройства

языка во всем его грамматическом составе и объеме» – вот главная цель первоначального плана, который сводился к экспертизе заключений Клапрота и пополнению научных знаний о единственном на Центральном Кавказе индоевропейском языке.

Программа действий остается прежней и все пять месяцев жизни в Тифлисе, она начинает меняться лишь с приездом в Осетию. Через несколько недель пребывания во Владикавказе появляется предварительная модель осетинского алфавита, но ее автор, по-видимому, и себе еще не признается в своих намерениях, объясняя это изобретение прикладным удобством и просьбой помощников.

Осенью 1836 г., при открытии Владикавказского духовного училища, А. Шегрена в Осетии не было, однако в том, что официальное применение новой кириллической азбуки в образовательном процессе было санкционировано ее автором, не приходится сомневаться. Вернувшись во Владикавказ весной 1837 г., он в письме сообщает о продолжении работы и скором завершении «первоначального наброска» осетинской грамматики, о желании сделать ее «как можно более полной и точной». Новой целью уже изменившегося плана объясняется настойчивое и сопряженное со многими трудностями стремление изучить второй, дигорский, диалект осетинского языка.

Покидая Кавказ, А. Шегрен, по его собственному признанию, хорошо осознавал, что «предстоит новый труд», и был тверд в своем желании «составить подробную и полную грамматику, которая могла бы служить руководством всем желающим познакомиться с осетинским языком». Он задумывается о «будущей судьбе осетинов» и предполагает найти пользователей грамматики «между природными русскими, занимающими на Кавказе разные должности». Он хочет принести пользу учителям «в таких кавказских учебных заведениях, в которые стали вступать и осетинские дети, которых число со временем еще более умножится». Он надеется, что осетинский язык «сделается, как и должно быть, особенным предметом учения» [1: с. XIV-XVI].

Между прочим, и сам жанр грамматики, удобной в изучении языка, избран в соответствии с прикладными, а не академическими задачами, – как и русский язык изложения, и разделение на два тома (чтобы словарь мог быть отдельной книжкой), и даже удобный «учебный» формат in-octavo основного издания грамматики. Для узко научных целей предназначалось параллельное немецкое издание – в одном томе in-quarto.

Естественным и необходимым продолжением этой экстралингвистической миссии А. Шегрена были, конечно, и роль безотказного и самого авторитетного рецензента-редактора осетинских текстов, и поддержка осетинского юношества в стремлении получить университетское образование [7: с. 9-11].

Возвращаясь к теме «исторического счастья» осетин, трудно не заметить, что приезд А. Шегрена в Осетию состоялся в период сложных политических процессов, интенсивного хозяйственного роста и глубинных изменений в социальной жизни, которые привели к смене сущностных характеристик осетинской культуры.

Девятнадцатый век – время становления современной осетинской нации и формирования осетинской национальной культуры. На вторую треть XIX в. пришлось начало культурного переворота – перехода от средневековой культуры традиционного типа к национальной культуре Нового времени. Переход в государственное состояние и возвращение на равнинные земли, расширение возможностей личного выбора и распространение образования, появление профессиональных видов культурной деятельности – все это происходило на фоне преодоления регионализма и ускорения национальной консолидации. Политические и социальные сдвиги, готовившие скорое крушение феодализма и обеспечившие вовлечение Осетии в систему рыночных связей, разрушали патриархальный уклад жизни, повышали мобильность населения, расширяли горизонты культурного взаимодействия.

Период «культурного переворота», освященный идеями просветительства, – начало эпохи Национального возрождения, продлившейся до первой четверти XX в. и искусственно прерванной на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Осетинское Национальное возрождение, тем не менее, успело выполнить свое фундаментальное историческое предназначение, сформировав многочисленную интеллигенцию, сформулировав программу культурно-патриотической деятельности, отстояв право национальной культуры на суверенитет и свободное развитие. Азбуке и грамматике А. Шегрена суждено было стать краеугольным камнем этого фундамента.

Следующие поколения образованных осетин, выучившихся по «Осетинской грамматике», сумели преодолеть сословные предрассудки и, выражая общенародные интересы, принялись изменять культурный облик своей родины.

Письменная традиция, восстановленная после четырехвекового перерыва, стала важнейшей основой самосознания, подкрепляемого бережно хранимой фольклорной памятью о древних книгах. Структурная неполнота осетинской культуры первой половины XIX в. (отсутствие в ней профессиональных светских слоев) выдвинула на первый план церковные тексты (подготовленные новой генерацией переводчиков), вслед за ними шли учебные (первым стал букварь, составленный в 1859 г. по шегреновской грамматике), затем публикации фольклора и первые художественные переводы (Елдзарико Цорати, Аксо Колити и др.).

Превалирование духовной литературы, характерное для первых десятилетий Национального возрождения, удачно дополнило этнодифференцирующие функции

православия. Окруженные на Северном Кавказе соседями-мусульманами, в Закавказье осетины обособились от грузин-христиан, создавая собственную книжную культуру, которая к тому же позволила перевести на родной язык богослужение, – это произошло в 1861 г. [9: с. 289].

При отсутствии самостоятельных форм политической и экономической жизни, в условиях разделения Осетии между несколькими административными формированиями, письменная культура превратилась в важнейший фактор консолидации, помогая сохранить этническую идентичность и способствуя вызреванию национального самосознания.

Центральное место в культурной деятельности, формировавшей осетинское самосознание новой эпохи, на всех этапах Национального возрождения занимали языковые проблемы. Родной язык был осмыслен как душа культуры, связующая нить времен, гарантия национальной идентичности. В этом контексте «Осетинская грамматика» А. Шегрена стала фактом осетинской культуры и мощной прелюдией «гуманитарной революции», породившей не только профессиональную литературу и искусство, но и широкий интерес к истории и филологии во всех слоях общества.

Обсуждая проблемы орфоэпической и орфографической нормы, определяя правила грамматики и подходы к редактированию осетинских текстов, продемонстрировав (на примере лингвистических терминов) возможности создания целостной национальной системы научной терминологии, А. Шегрен положил основание целенаправленной деятельности по формированию и кодификации осетинского литературного языка.

Лишь глубиной проникновения в языковой материал и поразительным умением в лексико-грамматическом потенциале усмотреть перспективу культурного развития общества можно объяснить паритетно-двухдиалектный подход А. Шегрена к осетинскому языку. Считая, что представленный небольшим числом носителей (до 15 % населения) дигорский диалект, пусть «менее культивированный и более бедный», имеет «много особенностей не только в словах, но и в грамматических формах» и, главное, «обладает самыми тесными связями с другими индоевропейскими языками» [4: с. 21], А. Шегрен последовательно описывает осетинский язык в двух его диалектных формах – от создания двух вариантов азбуки до параллельных терминологических систем. Несмотря на противоречивую историю языковой политики XX в. и господствовавшую с конца 1920-х гг. теорию «единого литературного языка» с иронской основой, социокультурные процессы и языковая ситуация двух последних десятилетий вновь вернули Осетию к шегреновской модели двух вариантов (с иронской и дигорской основами) нормированного языка.

Продолжатели и исследователи А. Й. Шегрена в Осетии

Опираясь на первое поколение деятелей Национального возрождения, Управляющий осетинскими приходами архимандрит Иосиф (Чепиговский) в 1860 г. предложил властям широкий план распространения осетинской грамоты, вполне исполнимый «потому, что грамматика осетинского языка уже готова – составлена академиком Шегреном» [15: с. 85]. Букварь, изданный самим Иосифом, предусматривал возможность взаимного обучения и был рассчитан на людей разного возраста [11].

Следующий – «постшегреновский» – этап научного изучения осетинского языка связан с исследованиями академика В. Миллера. «Познакомившись теоретически с осетинским языком по грамматике академика Шегрена», В. Миллер, по собственному признанию, «поставил себе задачей – изучить на месте диалекты осетинского языка и записать в текстах произведения народной словесности» [17: с. 45]. Используя новые достижения языкознания, ему удалось развить и углубить выводы А. Шегрена, уточнить и исправить некоторые фонетические положения «Осетинской грамматики». В специальной главе своих «Осетинских этюдов» В. Миллер скорректировал и упростил азбуку А. Шегрена [18: с. 1-29]. Первые учебные книги на основе шегреновско-миллеровской азбуки были написаны Георгием Цоцити и Алмахсидом Канукуати [25; 27].

История осетинского письма в XX в. полна чудес и приключений, в числе которых большевистская латинизация 1923-1938 гг. и ассимиляторская грузинизация 1938-1954 гг. в Южной Осетии. Пережив все политические катаклизмы и культурные революции ушедшего столетия, современная осетинская письменность продолжает шегреновскую традицию.

Благодарные отзывы и оценки роли А. Шегрена в истории и культуре Осетии слишком многочисленны – от газетной рецензии 1845 г., где сказано, что ученый «воздвиг себе памятник на все времена существования языка», до заключения крупнейшего осетиноведа XX в. В. Абаева о том, что труды А. Шегрена «разбудили дремавшие силы одаренного народа». Здесь необходимо упомянуть специальные исследования последних десятилетий. Во введении к академическому изданию грамматики осетинского языка В. Абаев определил научное значение грамматики А. Шегрена с точки зрения современной лингвистики [5: с. 23-27]. В. Абаев отмечает «поразительный штрих» – создание осетинской лингвистической терминологии, невозможное без веры в «большое культурное будущее осетинского народа», без уверенности в том, «что осетинский язык станет со временем не только предметом изучения, но и языком преподавания в осетинских школах» [5: с. 25].

Месту А. Шегрена в истории изучения осетинского языка посвящена глава в книге М. Исаева [12: с. 15-21]. В монографии Г. Цибирова труды А. Шегрена рассматриваются в контексте историографии первой половины XIX в. [26: с. 64-68]. Самой значительной работой, наиболее полно представляющей осетиноведческие исследования и само пребывание А. Шегрена в Осетии, явилась статья В. Уарзиати, в которой впервые были учтены практически все доступные издания и рукописи ученого [23: с. 119-159]. Сообщения В. Уарзиати, Б. Калоева и Т. Камболова, посвященные Шегрену-осетиноведу, были включены в программу Третьих Российско-Финляндских гуманитарных чтений, посвященных 200-летию со дня рождения А. Шегрена [10]. В 1994 г. юбилейная научная конференция прошла также во Владикавказе [22].

Осетинские фрагменты из кавказских писем А. Шегрена в русском переводе и вновь обнаруженные рукописные тексты изданы Т. Камболовым вместе с некоторыми биобиблиографическими материалами [4]. В это издание вошли тексты, извлеченные из Петербургского отделения Архива РАН: «Описание дугорского народа» (dubia, обнаружено Г. Цибировым), осетинский именник и рецензия на осетинский перевод священной истории и катехизиса (обнаружены Т. Камболовым). Краткую рецензию на перевод Псалтыря [4: с. 166-167] вместе с относящейся к ней перепиской, а также рекомендательное письмо, написанное А. Шегреном для Е. Цорати [7: с. 9-10], посчастливилось найти в Российском государственном историческом архиве автору этих строк.

В Осетии не принято задаваться вопросом *о вкладе* А. Шегрена *в нашу* культуру – для осетинского уха такой вопрос звучит надуманно и парадоксально. Рефлексия и терминологические споры и здесь, конечно, уместны, но они давно не выходят за стены ученых кабинетов. Для школьного класса и университетской аудитории А. Шегрен – сокровенная и неотделимая часть самой национальной культуры и национального самосознания.

Почему это так? – вот вопрос, на который должно иметь ответ.

Думаю, не в последнюю очередь потому, что А. Шегрен, в отличие от абсолютного большинства своих коллег (в том числе – последователей в осетиноведении), целенаправленно и осознанно работал не только для чистой науки, но непосредственно для человечества, которое всегда и во всем представлено, как известно, конкретными культурами и реальными народами. Высота его духа вовсе не в том, что на Кавказе он предпочел медицинским процедурам усиленные лингвистические занятия: это личный выбор и система ценностей – их можно разделять или уважать, но достоинства ученого далеко не всегда совпадают с качествами личности. Величие этого человека – в способности понять иную культуру как настоящую и грядущую жизнь, его заслуга – в готовности служить людям в полном соответствии с изначальным и, наверное, единственным предназначением подлинной Науки.

Библиография

1. Шегрен А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским. СПб., 1844.
2. Sjogren A. J. Iрон Æвзагаxур das ist Ossetische Sprachlehre, nebst kurzem Ossetisch-Deutschen und Deutsch-Ossetischen Wörterbuche. St. Petersburg, 1844.
3. Sjogren A. J. Ossetische Studien mit besonderer rucksichtauf die indo-europieschen Sprachen // Memoires des Sciences de St.-Petersb. VI Serie. T. VIII. SPb., 1848.
4. Шегрен А. М. Осетинские исследования / Сост. Т. Т. Камболов. Владикавказ, 1998.
5. Абаев В. И. Введение // Грамматика осетинского языка. Т. I. Орджоникидзе, 1963.
6. Алборов Б. А. Новое в истории изучения первой печатной осетинской книги 1798 г. // Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.
7. Бзаров Р. С. Пионер осетинской фольклористики. Материалы к биографии Василия Цораева // Осетинская филология: история и современность. Владикавказ, 1995.
8. Блиев М. М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970.
9. Гатуев А. Христианство в Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 3. Цхинвал, 1987.
10. Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения. «Шегрен – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения». Тезисы докладов. СПб., 1993.
11. Иосеб. Ирон æвзаджы дамгъуат. Тифлис, 1862.

12. Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе: Ир, 1974.
13. История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. Орджоникидзе, 1987.
14. Йоки А. Осетинский язык и финно-угроведение // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.
15. Материалы по истории осетинского народа. Т. 5 : Сборник по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942.
16. Мельников-Разведенков С. Первое двадцатипятилетие в истории просвещения города Владикавказа (1836-1861 годы). Тифлис, 1900.
17. Миллер В. Ф. В горах Осетии (Из дневника) // Русская мысль, 1881, кн. IX.
18. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 2. М., 1882.
19. Миллер Г. Ф. О народах, издревле в России обитавших. СПб., 1788.
20. Поцхишвили А. «Свидетельствую сердечное мое уважение…». Письма П. Иоселиани акад. Шегрену // Литературная Грузия, 1983, № 11.
21. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Т. 1. Орджоникидзе, 1976.
22. Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. Шегрена. Владикавказ, 1994.
23. Уарзиати В. С. Осетиноведческие штудии академика А. И. Шегрена // Шегрен А. М. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998. С. 119-158.
24. Хицунов П. О духовной осетинской школе в Моздоке // Сборник газеты «Кавказ». Ч. 1. Тифлис, 1846.
25. Хъаныхъуаты А. Райдайæн чиныг. Фыццаг азы ахуырæн. Дзæуджыхъæу, 1890.
26. Цибиров Г. И. Осетия в русской науке (XVIII – первая половина XIX в.). Орджоникидзе, 1981.
27. Цоциты Г. Ирон дамгъуат хъæууон скъолатæн. Тифлис, 1888.
28. Guldenstadt J.-A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Geburge. Bd. I-II. SPb., 1787-1791.
29. Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807-1808. Bd. I-II. Halle und Berlin, 1812-1814.
30. Pallas P.-S. Bemerkungen aus einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. I. Leipzig, 1803.
31. Potocky J. Voyage dans les ateps d'Astrakhan et du Caucase. T. I-II. Paris, 1829.
32. Reineggs J. Algemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Bd. I. Gotha und SPb., 1796.
33. [Steder] Tagebuch einer Reise, die im Jahren 1781 von der Gränzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen Worden // Neue Nordische Beyträge. VII. 1796.

Литература свидетельства

Темирболат Кубатиев

Воспоминания[1]

По возвращении в свое подразделение мы узнали, что несколько дней назад половина нашего полка под командованием полковника Хаджимурзы Шанаева, двигаясь в авангарде, в 200 километрах от Левокумского[2] вступила в бой с большевиками, которые, понеся большие потери, обратились в бегство, бросив на поле сражения тела своих убитых товарищей. Однако, понимая, что большевики отступили лишь для того, чтобы соединиться со своими более крупными силами, Хаджимурза Шанаев вызвал на подкрепление остальную часть полка, к которой принадлежали и мы. Таким образом, уже на следующий день после возвращения из усадьбы нам предстояло отправиться в поход. В нашем распоряжении оставалось еще полдня, и мы с товарищем-куртатинцем решили прогуляться по главной улице Левокумского, протянувшейся через весь поселок почти на 5 километров. По дороге нам встретился адъютант командира полка поручик Казихан (Володя) Бесолов. Обрадовавшись встрече со мной, он сказал: «Это наша последняя ночь в Левокумском, и мы решили по этому случаю устроить вечеринку. Но в этом городишке совсем нет выпивки, так что живо найди выход из положения». Сунув мне в руку 50 рублей, он быстро удалился, не слушая моих отговорок о том, что я только что приехал и не знаю здешних мест. Мой товарищ, однако, успокоил меня, шепнув, что ему известно одно место на противоположном конце поселка, где продается спиртное. Мы вернулись в подразделение, взяли бурдюк емкостью в 10-12 литров, именуемый купри[3], и, сев на лошадей, отправились к дому, где торговали вином. Там посреди комнаты стояла бочка вместимостью не менее 200 литров, возле которой сидел человек с желтоватой бородой. В руке у него был шланг, который он использовал в качестве сифона. Поскольку при наполнении каждого очередного сосуда ему поневоле приходилось делать глоток из шланга, в момент нашего появления он сидел, уставившись в потолок слегка окосевшими от выпитого глазами. Я протянул ему купри, но он вдруг заявил заплетающимся языком, что не возьмет желтых денег, подразумевая банкноты, напечатанные большевиками. «Ты наполняй, а уж мы заплатим тебе красными деньгами», – ответил я. Когда же наш бурдюк был наполнен, я вручил ему желтые деньги. Он попытался было протестовать, но я огрел его разок нагайкой и сказал: «Как это не возьмешь?! Ведь это ваши большевистские деньги!» Мы вышли на улицу, не обращая внимания на его бормотание, и с вечерними сумерками вернулись в подразделение.

Увидев вино, офицеры очень обрадовались и, так как еда была давно готова, немедленно сели за стол. Меня тоже посадили рядом, сказав, что я должен обязательно спеть и мне от них никуда не деться. Я попробовал возразить, сославшись на больное горло, но на это они ответили: «Выпей пару глотков вина, и все пройдет». На мое заявление, что вино я вообще не пью, они лишь рассмеялись. (Дело в том, что наши муллы при каждом удобном случае твердили нам, что пить спиртное, в особенности вино, запрещено. Поэтому вплоть до того дня я действительно не пил ни капли вина и, более того, даже ни разу не притрагивался к бутылке с вином.) Они наполнили бокал, и, чтобы я не мог удрать, один из офицеров схватил меня сзади за руки, а остальные силой открыли мне рот и стали вливать в меня вино. Хотя мне удалось частично его выплюнуть, что-то я все-таки проглотил. «Теперь уж что сделано, того не изменишь. Хоть один глоток, хоть тысяча – все равно грех», – сказали они и сунули бокал мне в руку. После нескольких выпитых бокалов мы запели песни, и веселье разгорелось.

Между тем все это время мои друзья дожидались меня на улице. Наконец они решились попросить адъютанта Казихана войти в комнату и уговорить командиров отпустить меня. Когда я вышел, товарищи, словно изнывая от невыносимой жажды, потребовали немедленно вести их туда, где продается вино. По ночным пустынным улицам мы мигом съездили туда и обратно и еще какое-то время повеселились в своем кругу. Зато утром мы едва нашли в себе силы подняться. Во рту пересохло, и ужасно болела голова. Но взяв себя в руки и собравшись, мы отправились в путь по бескрайней калмыцкой степи.

---

[1] Продолжение. Начало см. в № 4 за 2005 год.
[2] Левокумское – ныне райцентр в Ставропольском крае.
[3] *Къупыри* (осет.) – бурдюк.

Как я уже говорил, калмыки очень грязные люди. Они живут в юртах и ведут кочевой образ жизни. Земледелие отсутствует, но скотоводство весьма развито. Должно быть, растущая в степи редкая, странного вида трава очень питательна, ибо скот здесь довольно упитанный. Вытекающая из скважин вода соленая и мутная, и из-за ее скудости калмыки почти не моют даже руки и лицо. Своими раскосыми глазами и широкими скулами они напоминают китайцев. Женщин очень трудно отличить от мужчин по той причине, что последние не имеют растительности на лице и к тому же, подобно женщинам, носят длинные волосы, которые кто знает, как давно были заплетены в косы, и теперь из-за отсутствия всякого ухода спутались и дурно пахли. У калмыков было очень много лошадей, в большинстве своем цвета золота 18-й пробы. Изредка попадались гнедые и светло-серые лошади, но белых и вороных я не встречал ни разу. Ростом их кони ниже венгерских, но выше киргизских, то есть они средних размеров. Мы слышали, что табуны некоторых калмыков насчитывали более тысячи лошадей. Верблюды двугорбые. Иногда калмыки запрягали их в немногочисленные, плохо скроенные четырехколесные повозки. Коровы коричневые, белые или пестрые с растущими в стороны рогами, концы которых слегка загнуты назад. Почти у всех коров рога были совершенно одинаковы, словно изготовлены на одной фабрике. Это были очень красивые животные. Овцы – лилово-красные, похожие на анатолийских, но более крупные.

Вот по этой степи мы ехали в мае 1919 года. Самой большой проблемой для нас была нехватка воды. Стояла довольно жаркая погода, расстояния же между колодцами были значительны. Пожалуй, больше людей страдали лошади. Колодезную воду мы пили сами и поили ею лошадей, но часто ее оказывалось недостаточно, чтобы удовлетворить потребности огромного полка. В таких случаях мы обвязывали веревками своих товарищей и опускали их в колодец, где они черпали флягами соленую и от грязи густую, как айран, воду до тех пор, пока она сочилась со дна. Иногда, когда мы вглядывались вдаль, нам казалось, что к вечеру мы доберемся до зеленого леса, но всякий раз выяснялось, что это был всего лишь мираж.

Ввиду того, что наш полк был добровольческим и не имел четкого руководства, в нем ощущался недостаток дисциплины и порядка. Отсутствие единства проистекало и из того, что каждый вступил в полк со своим оружием, амуницией и конем. Лишь в Левокумском нам впервые раздали новое однотипное вооружение. Оно было прислано нам в качестве помощи англичанами в соответствии с соглашением, заключенным ими со сторонниками царской власти. В этом соглашении говорилось также о помощи обмундированием и деньгами, но до нас она так и не дошла. Не имел наш полк и транспортных средств, поэтому в Левокумском мы конфисковали 20 четырехколесных повозок вместе с волами, на которых и перевозили боеприпасы и провиант.

Когда мы добрались до середины степи, у нас оставалось хлеба всего на пару дней. Вскоре закончился и этот запас. В имевшемся у нас походном котле варить было нечего. Мы выходили из положения следующим образом: поджаривали ячмень, пока он не становился темным, затем растирали его в порошок и варили в котле. Полученное варево разливали во фляги и пили на завтрак вместо кофе без хлеба. Вскоре нам стало известно, что вслед нам направлены две полные съестных припасов повозки. Эта весть нас несказанно обрадовала, однако прибывший провиант состоял из пролежавших не менее десяти лет на складе ржаных сухарей, в которых высохли даже черви. Но мы ели, не обращая внимания ни на черствость, ни на червей. Зато вокруг паслось много овец, и хотя наш командир запретил нам отбирать безвозмездно скот у населения, никто его не слушался. Несколько бойцов вылавливали из стада самого крупного ягненка и быстренько резали его. Другие тем временем разводили костер из досок сломанных телег, брошенных бежавшими от нас большевиками. Затем мы нанизывали мясо на ружейные штыки, жарили его и ели. Однако из-за отсутствия хлеба и соли такая еда не доставляла удовольствия. Во рту оставался неприятный привкус, и, не доев мясо, мы закапывали его в песок.

Однажды на марше мы увидели вдалеке большое красивое здание. Поскольку посреди степи это одинокое строение выглядело весьма странно, пять всадников, в том числе и я, направились к нему, чтобы разузнать подробности. Из окон дома за нами наблюдало множество подростков в возрасте 15-20 лет с длинными, заплетенными в косы волосами. Почти все они были одеты в красные сатиновые штаны и длинные рубахи. Вид у всех был очень опрятный. Мы спросили по-русски, кто они такие, но ответа не последовало. Тогда я знаком руки подозвал одного из них. Он вышел, а с ним еще пятеро или шестеро. На мой вопрос, мальчики они или девочки, один из них ответил: «Толмач нету»[4]. Так калмыцкие дети пытались объяснить нам, что не знают по-русски. После моих повторных расспросов они наконец поняли, о чем я их спрашиваю, и, расхохотавшись, убежали. Мы так и не выяснили, что это было за здание, но скорее всего – школа-интернат для девочек или монастырь.

Мы продолжили путь. Наши лошади были очень слабы. Через некоторое время я заметил, что с

[4] В оригинале по-русски.

моей лошадью происходит что-то неладное: она раскачивала головой не так, как обычно, и шаг ее стал странным. Я незаметно отделился от эскадрона, слез с лошади и медленно повел ее под уздцы. Никто не обратил внимания на то, что я отстал, потому что так делали все, чтобы справить нужду. Я же шел не спеша, надеясь, что если лошадь немного отдохнет, то вновь придет в себя. За это время полк ушел довольно далеко. Лошадь же стала тереться носом о землю, спотыкаться и неожиданно упала на колени. Я ударил ее разок кнутом, но напрасно. Она лежала на земле и терла нос о землю – вот-вот околеет. Я огляделся по сторонам. Вокруг не было ни души. Меня охватил страх, когда я подумал о том, что я буду делать один в этой степи, если лошадь моя сдохнет. Даже если я встречу калмыков, неизвестно, как они себя поведут по отношению ко мне. Я посмотрел на лошадь – бедняга корчилась в конвульсиях. Внезапно мне вспомнился один случай из детства. Когда мне было лет двенадцать, такое же произошло с одной из наших лошадей. Отец тогда сказал, что у нее что-то с тогувза[5], и спас бедное животное, быстро сделав ей операцию на носу. Видимо, я тогда очень внимательно следил за действиями отца, коль скоро сумел теперь в точности повторить их. Достав из кармана маленький ножик и шило, которые всегда носил с собой для починки седельной сбруи, я засунул палец в ноздрю животного и нащупал там частички удлиненного, как рог, хряща, конец которого был загнут. Потом я разрезал хрящ ножом, проткнул его шилом, вывел окончание наружу и срезал под самое основание. То же самое я проделал и с другой ноздрей. Началось кровотечение. Лошадь фыркнула и, встрепенувшись, подняла голову. Какое-то время она посидела и, фыркнув еще несколько раз, поднялась. Я выпустил еще немного крови, затем присыпал надрезы землей, и кровотечение прекратилось. Лошадь непрерывно фыркала и вздрагивала. Я подождал еще некоторое время, потом взял ее под уздцы и медленно пошел. Вскоре моя лошадь оправилась, я сел на нее и не спеша поехал. Когда же она вновь обрела былую прыть, я подстегнул ее и к вечеру догнал полк, уже расположившийся на ночлег. Мои товарищи были обеспокоены моим отсутствием, но когда я рассказал, что произошло, они поздравили меня с успешной операцией возгласами «Браво!».

Весь следующий день мы вновь провели в пути, а когда вечером расположились на ночлег, командир полка сообщил нам, что завтра мы прибудем в местечко Уртура[6], где соединимся с другой половиной полка, сражающейся с коммунистами под предводительством полковника Хаджи Шанаева, а через два дня и сами вступим в бой. Он также сказал, что нам необходимо поменять сильно истощившихся за время пути лошадей и в соответствии с договором, достигнутым нашим правительством с калмыками, мы можем приобрести у них лошадей, плата за которых будет внесена позднее.

Прослышавшие об этом калмыки отогнали свои табуны как можно дальше от дороги. Поэтому, разбившись на группы по три-пять человек, мы разъехались в разных направлениях, разыскивая лошадей за образуемыми ветром и оттого постоянно меняющими свое местоположение барханами. За одним из таких барханов наша группа из трех человек обнаружила несколько юрт, перед одной из которых к колышку были привязаны две великолепные лошади. Когда мы подъехали ближе, навстречу нам вышли три калмыка, отвечавшие на все наши вопросы классическим «Толмач нету». Мы начали было сами отвязывать лошадей, но тогда они позвали из юрты ребенка лет 13-14, который, как можно было понять по его чистой красивой одежде и ученической фуражке, был школьником. На хорошем русском языке он подтвердил, что ходит в школу в Святом Кресте и может послужить нам переводчиком. «Старшие просят, чтобы вы не забирали этих лошадей, потому что они принадлежат военным, прибывшим сюда из Ставрополя по служебным делам. Но мы поможем вам в ваших поисках. Вон там имеются гораздо лучшие лошади», – сказал он. Мы собрались уже двинуться в указанном ими направлении, но один из них опять что-то произнес. Ребенок перевел его слова, и оказалось, что они хотят выразить нам признательность за то, что мы не тронули лошадей их гостей, и угостить нас своей водкой. Я поинтересовался, откуда в степи, где не растут фрукты и отсутствует земледелие, может взяться водка. «Мы делаем ее из молока», – ответил ребенок. Никогда раньше я не видел и не слышал ничего подобного. Мои товарищи спешились, но я посоветовал им не входить в юрту, поскольку всякое могло случиться. Тогда калмыки вынесли нам свою водку в вырезанном из дерева графине и разлили ее в такие же деревянные пиалы. Я знаком предложил им выпить сначала самим. Поняв, в чем я их подозреваю, они рассмеялись и отпили первыми. После этого и я попробовал прозрачную, очень крепкую жидкость, пахнувшую молоком. Опрокинув по пиале и сразу от этого захмелев, мы поблагодарили калмыков и отправились в сторону юрт, о которых они нам рассказали.

До места мы добрались уже в сумерках и действительно увидели там несколько прекрасных лошадей, среди которых выделялась одна, чуть выше других ростом. Я подбежал к ней, сунул руку ей в рот и к своему удивлению обнаружил, что у нее нет коренных зубов. «Это жеребенок, у него еще даже не выросли

[5] Осет. (диг.) *тогъувзæ* – ‘храп, храпки’ (нижняя и средняя часть переносья у животных).

[6] Возможно, городок Утта в Калмыкии.

коренные зубы», – подумал я. Тут же сняв седло со своей прежней лошади, я оседлал жеребенка и сел на него верхом. Мне понравилось, как он гарцевал. Тем временем и мои друзья выбрали себе по лошади. Мы не очень сильно удалились от места, где расположился полк, и я предложил товарищам заночевать здесь, поскольку в темноте мы не разглядели хорошо всех лошадей и, чтобы не ошибиться в выборе, утром не мешало еще раз взглянуть на них. Кроме того, наши старые лошади могли здесь вдоволь попастись. Товарищи приняли предложение. Проснувшись ни свет ни заря, я с нетерпением направился к своему жеребенку и что же я увидел?! Лошадь, которую я принял в темноте за жеребенка, оказалась старой кобылой. Между тем поднялись и мои товарищи, одному из которых тоже не понравилась выбранная накануне лошадь. «Я не могу показаться в полку с такой лошадью, засмеют», – сказал я, и после короткого совещания мы решили, что довольный своим новым конем товарищ вернется в полк, ведя на поводу и наших старых лошадей, а мы с другим товарищем отправимся дальше искать себе хороших скакунов.

Вскоре после того, как мы расстались с товарищем, нам среди песчаных холмов встретился какой-то калмык на лошади. Увидев нас, он в страхе остановился. Я знаком подозвал его и велел спешиться. Он слез и что-то сказал, показав туда, откуда ехал. Вскоре за барханом с указанной им стороны показался еще один всадник, однако, завидев нас, он сразу же исчез. Я свистнул, но он не появлялся. Тогда я выстрелил в воздух, и, видимо, испугавшись, он снова показался на вершине бархана. Я сказал товарищу: «Если лошадь человека на холме окажется лучше лошади этого человека, то она будет моей, а ты возьмешь себе эту. В противном же случае я возьму себе лошадь этого калмыка, а для тебя мы найдем другую». Товарищ согласился. Конь первого встреченного нами человека был неплох, около четырех лет от роду, буланый, с круглыми боками. Но лошадь приблизившегося к нам второго калмыка просто поразила меня. Это была трехгодовалая кобыла цвета золота с широкой грудью. Ее круп был совершенно круглым, а верхняя часть хвоста словно уложена в специальную выемку. Она была отлично сложена, имела прямые стоячие уши и необычайно красивую форму головы. Пожалуй, это прекрасное животное заслуживало кисти самого выдающегося художника. В глазах калмыков читались страх и растерянность. Я знаками отдавал им команды, которые они выполняли настолько четко, насколько могли меня понять. Когда на лошадях поменяли седла, я сказал второму калмыку, что он может садиться на мою старую лошадь и ехать. Но он, дрожа, вновь повторил привычное «Толмач нету». Скорее всего, он боялся, что мы заберем его в солдаты. Лишь когда я жестами показал ему, что он волен отправляться на все четыре стороны, он повеселел и, забыв от радости об отобранной у него лошади, отдал мне честь, вскочил на мою старую кобылу и ускакал прочь. Затем мы посадили на лошадь и отпустили восвояси и другого калмыка, который так же быстро исчез из виду.

По возвращении в лагерь все, словно на конском рынке, стали сравнивать своих лошадей с другими. Увидевший меня первым адъютант командира полка поручик Казихан сразу же одобрил мой выбор и громко произнес: «Все привели лошадей, но, ей-богу, ни одна из них не сравнится с лошадью Темирболата!» Это привлекло всеобщее внимание, и остальные офицеры также стали подходить и рассматривать мою кобылу золотистого цвета, не скрывая своего восхищения. В полку у нас, правда, была еще одна великолепная лошадь, но к ней никто не мог приблизиться. Это был конь 14 лет, тоже цвета золота, но несколько крупнее моей кобылы, с длинным хвостом и иссиня-черной гривой. Это дикое животное никогда не знало узды, и его держали лишь как самца-производителя. Ни один человек не осмеливался подойти к нему ближе чем на 30 метров. Попал же он к нам следующим образом. Одному калмыку – опытному и искусному наезднику, пасшему табун лошадей, – заплатили немного денег, и он, набросив на шею этому жеребцу метров с 20-25 аркан из конского волоса, притащил его в полк. Но и сам табунщик не рисковал близко подходить к своему подопечному, который иногда бросался и на него. В таких случаях калмык ловко ударял хлыстом о землю, и под воздействием этого звука животное на какое-то время успокаивалось. В конце концов пастуху велели забрать коня, что он и сделал.

Между тем наш полковник сел в фаэтон, на котором прибыли в наш полк три хорошо одетых калмыцких господина, и они вместе проехались по лагерю, чтобы осмотреть взятых нами у калмыков лошадей и установить их стоимость. Все трое гостей очень хорошо говорили по-русски. Я заметил, что, указывая на мою лошадь, они обменялись друг с другом какими-то фразами. Как я потом узнал, один из калмыков, имея в виду мою кобылу, заявил: «Мы не можем отдать этого жеребенка и других подобных. Ему всего два с половиной года, и он не пригодится вам в военных действиях. К тому же будет жаль, если такое животное погибнет». Вскоре по эскадронам был оглашен приказ: всем бойцам продемонстрировать комиссии обеих своих лошадей – старую и новую. Мы с товарищами отправились выполнять приказ, но в строю меня разыскал наш полковник Ахтемир Гутиев и, показывая на моего красавца-скакуна, сказал: «Парень, этот жеребенок еще не стал лошадью и поэтому не подойдет нам на войне». «Еще как подойдет! – возразил я.

– Я уже испытал его, и оказалось, что он очень хорошо выдрессирован». Тогда полковник спросил: «Сколько, по-твоему, ему лет?» «Три», – ответил я. «Ошибаешься, ему только два с половиной, и нам придется его вернуть». С этими словами он протянул руку, чтобы взять мою лошадь за поводья, однако, видя, что я не собираюсь их отдавать, он резким движением выхватил их у меня. Кровь хлынула мне в голову. Не сознавая, что творю, я сорвал с головы моей старой измученной лошади с раной на спине удила, которые я держал другой рукой, и ими хлестнул бедное животное, попав ему прямо по больному месту[7]. Лошадь взметнулась и шарахнулась в сторону полковника, слегка задев его. Полковник рассердился не на шутку. С кнутом в руке он двинулся на меня, и тут же моя рука непроизвольно скользнула к рукоятке оружия, висевшего у меня на поясе. Не знаю, что тогда подумал полковник о моих намерениях, но, остановившись, он сказал стоявшим рядом с ним офицерам: «Не поступи так этот юнец, не прояви невоспитанность, я отдал бы ему самую лучшую из новых лошадей». В ответ я бросил: «Не нужна мне ваша лошадь, оставьте ее себе! Я не простой солдат, а доброволец. Завтра меня здесь больше не будет. Я возвращаюсь, чтобы вступить в другой полк». После этого я вышел из строя, собрал седельную сбрую своего коня и сел в стороне.

Я был очень расстроен. Лошадей тем временем по очереди проводили перед комиссией, определяя их стоимость. Примерно через час полковник прислал мне довольно неплохую лошадь, но я отказался ее взять и вновь заявил, что завтра уезжаю и убью любого, кто помешает мне это сделать, даже если это будет мой отец, и что, пока я жив, никто не сможет отобрать у меня мое оружие. Товарищи по одному подходили ко мне, пытаясь успокоить. Спустя некоторое время адъютант Казихан привел еще одну лошадь, и снова я не принял ее. Наконец, меня окружили мой родственник ротмистр Асланбек Кубатиев и его друзья и стали, стараясь поднять мое настроение, рассказывать разные истории. В заключение Аслан обратился ко мне с такими словами: «Стыдно так упрямиться из-за какого-то жеребенка. Или ты ищешь предлог для того, чтобы не воевать? Тогда знай, что ничего у тебя не получится. И так уже вчера наш двоюродный брат корнет Махамат Кубатиев[8] уехал в Святой Крест, якобы за одеждой. Если и ты теперь сбежишь, что люди скажут о нашей фамилии? Или тебе все равно? И ты считаешь, что домашние примут тебя после этого?» В результате он убедил меня отказаться от моего намерения. Я согласился взять вторую лошадь, но затаил в душе ненависть к командиру полка. Размышляя о предстоявшем назавтра бое, я даже задумал при удобном случае убить его, подстроив все так, чтобы никто не усомнился в том, что он погиб от вражеской пули. Сейчас я думаю: неужели я в самом деле смог бы так поступить? Однако, вспоминая обуревавшую меня тогда злость к полковнику Гутиеву и свое восхищение тем жеребенком, прихожу к выводу, что все-таки смог бы. Хотя с тех пор и минуло 55 лет, я по сей день не могу забыть то необыкновенное животное, подобного которому я больше не встречал в своей жизни.

Между тем оценочная комиссия завершила работу. Мы отдали калмыкам своих старых лошадей и стали считать, что выплатили им часть долга. Когда и кто заплатит оставшуюся часть, ведал один аллах, но калмыки демонстрировали понимание ситуации.

На следующий день мы оседлали своих новых лошадей и продолжили поход. Теперь мы проезжали места наиболее ожесточенных боев, ведшихся с большевиками нашим полком и 1-м Сунженским казачьим полком. Большевики бросили на поле сражения множество трупов своих товарищей. Повсюду в степи и на обочинах дорог валялись обобранные мародерами совершенно нагие тела, вздувшиеся под воздействием солнца и ставшие оттого похожими на бурдюки. К вечеру мы соединились с нашим полком, который цепью растянулся по степи непосредственно напротив вражеских позиций. Правее занимал позиции 1-й Сунженский казачий полк. Когда мы подъехали к штабу, навстречу нам вышли полковник Шанаев и его подчиненные. Мы крепко обнялись и расспросили друг друга о жизни. После этого они описали нам ход сражения. Согласно этому рассказу, большевики отступали, ежедневно оставляя за собой горы трупов, что мы и сами видели по пути. Затем, собравшись с силами, они вновь предпринимали наступление, но опять несли потери и отходили назад. Наши же вплоть до того дня не потеряли ни одного человека; более того, не было даже раненых. В день нашего приезда также произошло яростное сражение, в результате которого большевики в очередной раз были вынуждены отступить. В данный момент обе стороны отошли на свои позиции для восстановления сил, но сражение могло возобновиться в любую секунду, так как противники находились довольно близко друг от друга и вполне могли предпринять внезапную атаку или ночной налет. Поэтому все оставались в окопах. Мы же, вновь прибывшие, отпустили лошадей попастись и немного отдохнули.

Когда стемнело, прозвучала команда собраться. Нам было приказано сменить посты на позициях и во время дежурства громко не разговаривать, не спать и

[7] Выше автор отмечал, что отдал свою старую лошадь встреченному в песках калмыку взамен отобранного у него жеребенка.

[8] В оригинале – Мухаммед Кубат (Muhammed Kubat).

не курить. Указав на находившиеся перед нами искусственные холмы из песка и земли, командиры сказали нам, что враг расположился за этими барханами и нам надо быть максимально осторожными. Разделившись на группы по 2-3 человека, мы сменили посты на позициях. В течение всего дня стояла изумительная погода. На небе не было ни облачка. Дождя же после отбытия из Левокумского мы вообще не видели. Но примерно в полночь погода неожиданно испортилась. Наступила кромешная тьма, поднялся буран, а следом как из ведра полил дождь. От этого ливня нас не спасали даже бурки. Мы промокли до нитки и едва стояли на ногах, тесно прижавшись друг к другу и дрожа от холода. К утру дождь прекратился, и, когда взошло солнце, мы сняли одежду, отжали ее, встряхнули и снова одели. Пока мы пытались обсохнуть и согреться на солнце, справа от нас завязалась перестрелка между большевиками и передовым отрядом казачьего полка. По приказу полковника нас вызвали в штаб. Вернувшись, мы застали наш полк готовым к выступлению. Мы тоже оседлали лошадей, и полк двинулся вперед.

Вода после ночного ливня спала. Наш путь к линии фронта пролегал теперь по зеленой долине. Издалека доносились звуки выстрелов. Вдруг совсем близко раздались пулеметные очереди, заставившие нас вздрогнуть. Полк остановился, и наш командир эскадрона, обернувшись, отдал приказ: «Кубатиев! Есиев! Вдвоем вперед на разведку марш!» Я тут же подстегнул коня, но он и ухом не повел. Есиев уже скакал во весь опор далеко впереди меня, а я все еще хлестал кнутом своего коня, безуспешно пытаясь заставить его сдвинуться с места. Видя это, ротмистр с досадой сказал: «Да оставайся ты! Твоя лошадь не стоит и ломаного гроша. Пусть едет кто-нибудь другой!» Но я не желал сдаваться и попросил находившегося рядом товарища потянуть мою лошадь за поводья и вывести ее за пределы строя. К счастью, товарищу это удалось, и после этого лошадь довольно резво поскакала. Я догнал Есиева, и, преодолев возвышавшийся перед нами холм, мы увидели вражеские линии. Большевики и дислоцировавшийся правее нас 1-й Сунженский полк находились лицом к лицу, внимательно следя из своих окопов друг за другом. Я отправил товарища обратно в полк доложить обстановку, а сам снова отъехал за холм. Должно быть, разведке большевиков удалось определить местонахождение нашего полка и направление его движения, так как они заняли позицию прямо напротив, явно ожидая нашего появления.

Вскоре весь полк подошел к тому месту, где находился я. Наш командир, изучив положение и установив ширину образованного большевиками фронта, сказал, что сейчас самое подходящее время для перехода в наступление. По его приказу три из наших эскадронов спешились и рассыпались стрелковой цепью, а четвертый, скрываясь за холмами, двинулся в левую сторону. Пока наши всадники обходили врага справа, заходя ему в тыл, мы, пешие, должны были напасть на него спереди и тем самым отвлечь на себя внимание. Затем предполагалось атаковать противника с обеих сторон и таким образом разбить его.

У нас имелось новое вооружение, которое, как я уже сказал, поступило из Англии и было роздано нам в Левокумском. Хотя за нами следовали фургоны, груженные боеприпасами, наш командир почему-то жадничал и разрешил выдать лишь по 60 патронов на бойца. Как бы там ни было, сразу по завершении раздачи мы перешли в наступление. Разойдясь по равнине, мы залегли в зеленой траве напротив противника и открыли огонь. Командир полка наблюдал за нами, стоя метрах в десяти сзади и отдавая команды. Наш эскадрон расположился на крайнем правом фланге. Правее меня находились еще шесть-семь бойцов, а левее, в двух-трех шагах впереди, – командир нашего взвода корнет Мурза Дзаболов[9]. Командир полка регулярно повторял приказ: «По правому краю по одному вперед марш!» Мы вставали, пробегали несколько шагов, снова падали на землю и продолжали стрелять. Противник, однако, отвечал таким огнем, что казалось, будто мы находимся посреди пчелиного роя. Вражеские пули с издевательским свистом и жужжанием проносились над нашими головами, сбривая поверх их траву, которая сыпалась прямо на нас. Не знаю, как другие, но я в какой-то момент вдруг вообразил себя героем. Чувство страха напрочь исчезло, а в голове засела шальная мысль: «Видать, пока мне не суждено умереть, я не умру! Иначе отчего эти пули не попадают в меня?» За счет такой храбрости мы изрядно продвинулись вперед, но большевики при этом не отступили ни на шаг, словно решили умереть там все до последнего человека. Их пулеметы не умолкали ни на секунду. Между тем у некоторых из наших бойцов закончились патроны, и они стали кричать остальным, что им нечем стрелять. Я тоже крикнул, что я без патронов, и Туган Туганов[10], стрелявший из легкого ручного пулемета правее меня, сразу же бросил мне 15 штук. (Туган Туганов впоследствии вышел в отставку из турецкой армии в звании полковника кавалерии. Сейчас он живет в Анкаре, в квартале Бахчелиэвлер. Он мой друг и в то же время кузен по материнской линии.)

Тем временем наш полковник вновь отдал команду «Справа по одному вперед марш!», но никто не сдвинулся с места. Я крикнул товарищам: «Почему вы не встаете?!», на что крайний справа боец (не могу сейчас вспомнить его имени, но он был сыном Касболата Тезиева[11]

[9] В оригинале – Мирза Дзанболат (Mirza Dzanbolat).
[10] В оригинале – Доган Тугантай (Doğan Tuğantay).
[11] В оригинале – Тези (Tezi).

из Ногкау, и мы были приятелями) ответил: «Ты что, не видишь, что творится? Пули жужжат, как пчелы». Тут же, однако, находившийся недалеко от меня корнет Мурза поднялся и побежал вперед. Увидев это, я крикнул в ответ крайнему справа: «Эй ты, сукин сын! Видал? Думаешь, пули летят только в тебя?» – и тоже бросился вперед, хотя очередь до меня еще не дошла. Когда я был в двух шагах от корнета и уже пригнулся, чтобы упасть на землю, я вдруг услышал резкий щелчок, и в это же мгновение мне показалось, будто кто-то стегнул меня кнутом по левому плечу. Мне сразу вспомнилось, что за нами находится командир полка, который с позавчерашнего дня был зол на меня, и я подумал, что это он догнал меня и ударил за то, что я поднялся раньше времени. Я решил проучить этого человека, но когда обернулся, чтобы выстрелить в него, увидел, что он стоит далеко от меня. Только тогда я понял, что ранен. Ощупав правой рукой плечо, я крикнул, что меня ранили. Услышавший это корнет обернулся, собираясь бежать ко мне. Я крикнул: «Не вставай, ничего страшного», но он не послушался и в считанные секунды оказался возле меня. Вражеские пули сыпались на нас градом. Кровь, сочившаяся из раны, выступила на плече моей шерстяной гимнастерки, и я чувствовал, что рука понемногу немеет. Между тем подоспели и товарищи из задней линии, намереваясь поднять меня и вынести из-под пуль. Хотя я и просил их не вставать, чтобы в них не попали из-за меня, они все равно подняли меня на ноги. «Тогда возьмите мое оружие, а я побегу сам», – сказал я. Но и это было невозможно: мы находились под шквальным огнем и к тому же порядком удалились от своих позиций. Когда наконец мелкими перебежками нам удалось отойти немного назад, товарищи отвязали с моего пояса каску, а руку подвязали к шее. Затем они позвали наших, и те привели лошадей, на которых меня доставили туда, где находились кучера. Там же были и два врача. Указав на меня, товарищи сказали им, что привезли раненого. Однако врачи, бросив на меня взгляд, заявили, что ничем не могут помочь, поскольку у них нет ни ваты, ни бинтов. Я не выдержал и закричал: «Тогда что вы здесь делаете?! Зачем вы сюда приехали?!» После этого они сняли с меня гимнастерку и, увидев на плече немного засохшей крови, сказали: «Ничего страшного. Похоже, пуля лишь оцарапала плечо. Не стоит преувеличивать». «Что же это за царапина, если я не могу пошевелить рукой?» – возмутился я. В ответ они признались, что и сами ничего не понимают. Тем временем привезли еще 10-15 раненых. Среди них был и мой корнет, немногим раньше сам прибежавший ко мне на помощь. Его рана была весьма серьезной.

Как затем я узнал, вскоре после моего ранения 4-й эскадрон нашего полка, обойдя противника, открыл по нему огонь с тыла. Враги впали в панику и уже подняли белый флаг, но среди коммунистов, находившихся вблизи наших окопов, оказались знавшие наш язык. Из наших криков они поняли, что у нас заканчиваются боеприпасы, и, естественно, доложили об этом своему командованию. В результате готовый капитулировать враг вновь осмелел и возобновил ураганный огонь. Так из-за ошибочного решения и неверной политики нашего недалекого и скупого командира мы покинули поле боя побежденными. Нас, раненых, разместили в запряженных волами повозках, принадлежавших транспортному подразделению и предназначавшихся на самом деле для перевозки боеприпасов. Оказывается, в тот день много раненых было и в казачьем полку, сражавшемся справа от нас. Встретившись с ним в условленном месте, мы совместно продолжили путь по степной дороге.

Относительно моего ранения толком ничего не было ясно. Единственное, что я знал точно, это то, что моя левая рука и часть тела совершенно онемели. Я не чувствовал боли и не мог пошевелить рукой, но ходить мне это не мешало. Вместе с другими бойцами, получившими похожие раны, я шагал пешком рядом с повозками. Как среди наших, так и среди казаков было немало шутников, и мы шли по степи, весело смеясь и разговаривая. Через два дня мы добрались до медицинского пункта. Здесь имелись пара строений и несколько палаток, а персонал состоял из фельдшера, медсестры и их помощника, делавшего перевязки. Нас по очереди осмотрели и оказали первую помощь, кому-то наложив повязки на раны, кому-то смазав их йодом. У меня под левой лопаткой обнаружили припухлость, причину возникновения которой, впрочем, определить не смогли. После этого нам предложили ехать дальше.

Еще через 5-6 дней ночью мы прибыли в Левокумское. Переночевав там, добыли хлеба и других продуктов и наконец наелись досыта. Усадьбу, где раньше располагался наш почтовый пост, мы миновали без остановки, иначе я обязательно заглянул бы туда повидать своих подруг.

К вечеру не помню уже какого дня пути мы добрались до Святого Креста и направились прямо к больнице, персонал которой встретил нас весьма радушно. Однако нас было так много, что они растерялись, не зная, куда и как нас всех уложить, потому что свободных кроватей было недостаточно. Тяжелораненых кое-как разместили, а нам сказали: «Извините, но для остальных мест нет. Правда, в офицерской палате есть еще одна койка, но ведь у вас же… вши, не так ли?» «Как же без них? С фронта идем», – смеясь, ответил на это один из казачьих унтер-офицеров. Другие предпочли промолчать. Тогда я вышел вперед и сказал:

«У меня нет вшей. Если хотите, можете проверить». Попросив прощения у остальных раненых, доктора провели меня в палату и уложили на отличную чистую кровать, а уж как устроились прочие товарищи, не могу знать. («Ну и хвастун! – может подумать читатель этого рассказа. – У стольких людей имеются вши, а у тебя нет. Все грязные, а ты один чистый, что ли?» Нет, я вовсе не был чистым, просто мое тело не берет вошь. Раньше, когда мы проводили целые дни в лесу, мои товарищи снимали одежду у огня и вытряхивали в него вшей. У меня же их никогда не бывало.)

На следующий день после завтрака меня осмотрели. Шишка под лопаткой сильно вздулась. Доктор сказал, что там застряла пуля и мне предстоит ехать во Владикавказ на поезде, отправляющемся после обеда. И действительно, как только мы пообедали, санитары разместили тяжелораненых на имевшихся в ограниченном количестве повозках, а мы сложили свои вещи в одну повозку и пешком двинулись на станцию. Поезд прибыл вовремя. В толпе на станции мне встретился кучер из той самой усадьбы, где когда-то был наш пост. Он расспросил меня о житье-бытье, и я рассказал ему все как есть, а затем поинтересовался, что он здесь делает. Кучер ответил, что привез Веру с матерью погостить к родственникам. «Так, значит, Вера здесь?» – спросил я. Почувствовав мое волнение, кучер сказал: «Вера очень огорчится. Их дом далеко, а до отправления поезда осталось совсем немного времени. Боюсь, что не успею, а то бы съездил и привез ее. Да она бы сама прибежала, если бы знала, что вы здесь». Я попросил передать ей, что обязательно навещу их на обратном пути. «Когда она узнает, с ума сойдет», – сказал кучер. «Почему?» – спросил я. «Да разве вы не знаете? Она же вас очень любит. Нам всем об этом известно». Я сделал вид, что не верю, и стал опровергать его слова, но, когда он начал клясться и божиться, стараясь убедить меня в своей правоте, это мне пришлось по душе.

Время пролетело незаметно. Наступил момент отправления поезда, и мы расстались. А через два дня, после полудня, мы уже были во Владикавказе. Побродив до вечера по городу, мы явились в больницу и сдались на милость врачей. Утром после осмотра доктора сказали, что обнаружили у меня в спине под лопаткой большевистскую пулю, которую собираются извлечь хирургическим путем. По всей видимости, пуля была выпущена с дальнего расстояния и, когда попала в меня, уже потеряла скорость. Пройдя через плечо и не задев других костей, она уперлась в лопатку, где и застряла. За последние дни рана снаружи затянулась, хотя сильно распухла. Но на тот момент она не слишком беспокоила меня. Поэтому доктора решили провести сначала все неотложные операции, а мою перенесли на три дня, временно подвязав мне руку бинтом к шее.

По утрам я выходил из больницы и до самого вечера гулял по городу. Здесь у меня было немало родственников, и многих из них я встречал на улицах. Вскоре о моем ранении уже знали не только в городе, но и в нашем селе. Десятки людей приходили проведать меня, но, не найдя меня в больнице, уходили. Некоторых из них я встречал по дороге. Через три дня в операционной хирург спросил меня: «Ты, что ли, Кубатиев? Знаешь ли ты Гулчуко Кубатиева?» Я ответил, что это мой дядя, и он продолжил: «Гулчуко один из моих лучших друзей. Похоже, что ты тоже не из трусливых. Молодец. Но смелость бывает разная». После этих слов он улыбнулся. Мы с находившейся там медсестрой тоже заулыбались. Затем он поинтересовался, нужен ли мне морфийный наркоз. Услышав отрицательный ответ, он выразил свое одобрение, сказав, что смелость должна быть именно такой, и добавил, что, поскольку я отказываюсь от наркоза, во время операции мы будем беседовать. На самом деле я отказался от морфия не из-за смелости, а совсем по другой причине. В первое же утро моего пребывания в больнице на соседнюю койку уложили только что прооперированного больного. Это был крупный человек с приятной внешностью. Полежав некоторое время, он, будучи еще спящим, неожиданно попытался встать на ноги. Четыре здоровенных санитара старались удержать его, но он увлекал за собой и их, и они еле сдерживали его. Эта борьба длилась до полудня, затем человек обессилел и вскоре, захрапев, забылся во сне. После увиденного я решил не соглашаться на морфий, боясь больше не проснуться.

Меня положили на операционный стол лицом вниз, и медсестра села мне на спину. Хирург смазал опухоль каким-то средством, которое, вероятно, частично обезболило участок тела вокруг раны. Затем тупым ножом он рассек опухоль и, должно быть, сразу увидел пулю, потому что тут же потянулся за пинцетом. Когда он резал, я почти не чувствовал боли. Зато потом мне пришлось натерпеться. Остроконечным пинцетом хирург захватывал пулю, но как только начинал извлекать ее, она соскальзывала обратно в рану. После четырех или пяти попыток он наконец вытащил ее и вложил мне в руку. «На, спрячь и не теряй. Это подарок коммунистов. Сохрани, чтобы показать внукам», – сказал он. Острый конец белой никелевой пули слегка загнулся в сторону, остальная же ее часть была блестящей. Я действительно продырявил конец пули, продел в него цепочку и какое-то время хранил, но потом потерял.

Пару дней я пролежал на больничной койке, а потом по утрам после перевязки опять стал выходить в город и бродить там до вечера, пока не подходило время сна. Рана затянулась лишь через месяц.

После выписки мне дали десятидневный отпуск, и я уехал в родное село.

Одновременно с моим приездом в село нашей семье из Нальчика поступило извещение с вызовом по поводу передачи вещей моего погибшего брата Умара. Как я уже рассказывал, Умару было поручено установить связь с Серебряковым, находившимся тогда в Нальчике. На обратном пути он попал в засаду, устроенную балкарскими большевиками, и был убит. Теперь же Серебряков отправил своих жандармов за личными вещами, оружием и седлом Умара, предупредив жителей балкарского села, что в случае отказа они будут наказаны и принуждены заплатить компенсацию в гораздо большем размере. В извещении говорилось, что желательно, чтобы в качестве истца при этом присутствовал и наш представитель. Мой отец был уже стар, к тому же тогда ему нездоровилось (у него была грыжа, и он не мог ездить верхом). Кроме меня ехать было некому. Пробыв, таким образом, в селе лишь 2-3 дня, я с извещением и кое-какими другими документами вернулся во Владикавказ. Уладив необходимые формальности в больнице, я отправился в центральную комендатуру, где получил разрешение на поездку в Нальчик с условием, что вернусь в свое подразделение в течение недели.

После окончания в 1908 году нальчикской начальной школы мне не приходилось там бывать. За минувшие с тех пор 11 лет город несколько изменился, развился. К примеру, была проложена железная дорога, открыта гимназия. Появился также довольно большой осетинский квартал. Хотя город разросся, его улицы сохранили свой прежний вид, и мне нетрудно было в нем ориентироваться. Устроившись в гостинице, я вышел побродить по городу и освежить свои детские воспоминания. Подобно тому, как во Владикавказе была учреждена Осетинская автономная республика под председательством полковника Хабаева, в Нальчике была создана Кабардино-Балкарская автономная республика[12] во главе с генералом князем Темботом Бековичем-Черкасским. Для борьбы с коммунистами была сформирована Кабардинская дивизия, в составе которой находилось шесть кавалерийских полков. Как и у нас, безземельный народ здесь поддерживал коммунистов. В упомянутые же кавалерийские полки вступили князья, уорки[13] и зажиточные люди из простонародья. Командиром дивизии являлся генерал Мудар Анзоров. Он был женат на Фузе Кубатиевой и таким образом приходился нам зятем.

И вот во время прогулки по улице мне пришло в голову, что следовало бы навестить Фузу. Она очень обрадовалась моему визиту, стала расспрашивать о родственниках, односельчанах, и я подробно рассказал ей обо всем, что знал. Наш зять со своей дивизией находился тогда на фронте в районе Царицына, будущего Сталинграда. Перед прощанием Фуза сказала, что ждет меня в гости в любое время, и посоветовала, если я хочу встретить кого-либо из знакомых, заглянуть вечером в расположенный в парке клуб. И действительно, придя туда вечером, я встретил сыновей моих теток со стороны отца – подполковника Хаджиумара Мистулова[14] и ротмистра Саладина Туганова[15], служивших вместе в 5-м Кабардинском полку. Увидев меня у дверей клуба, они переглянулись и почти в один голос произнесли: «Мы вроде слышали, что этот человек ранен и лежит в больнице. Что же он здесь делает?» Они провели меня к своему столику и, усадив, засыпали вопросами: действительно ли я был ранен, как сейчас себя чувствую, зачем приехал сюда и тому подобное. Получив ответы, они поинтересовались, где я остановился. Когда я назвал гостиницу, они сказали: «Сейчас же сходи и забери оттуда свои вещи. Мы остановились в «Чашке чая» и попросили поставить нам в номер третью кровать для таких гостей, как ты, а деньги, которые гость должен был бы платить за проживание, тратим на выпивку. Так что не выбрасывай на ветер свои деньги». Они засмеялись, и я принял их предложение.

Завтрак в гостинице нам приносили прямо в постель. После этого мои кузены уходили на службу, а я занимался своими делами, которые, однако, все никак не заканчивались. Село убийц моего брата находилось в балкарских горах. Жандармы уже отбыли к старейшине той местности, вместе с которым они должны были отправиться в село, взыскать с него установленную компенсацию, а затем передать ее мне. Мои первоначальные планы несколько нарушались.

Днем я один гулял по городу, иногда заглядывая к Фузе, а вечера проводил в компании друзей по комнате. Ужинать мы ходили в клуб, где собирались представители кабардинской, балкарской и русской знати и офицеры с семьями. По воскресеньям в клубе устраивались развлечения. Оркестр, состоявший из военных музыкантов, играл танцевальную музыку, желающие танцевали. Одним словом, прекрасное местечко. Вообще-то я не имел права находиться там и тем более сидеть за столом без особого разрешения. По законам того времени рядовым солдатам запрещалось заходить в заведения, которые посещали офицеры

[12] Автономными республиками автор называет созданные деникинской администрацией самоуправляемые национальные области Северного Кавказа во главе с правителями, избранными на народных съездах.

[13] Уорки – традиционное дворянское сословие в Кабарде.

[14] В оригинале – Хаджи Омер Мистулов (Hacı Цmer Mistulov).

[15] В оригинале – Селяхаттин Тугантай (Selahattin Tuğantay).

или где они обедали. Если это все-таки необходимо было сделать, какой-нибудь офицер должен был попросить разрешения у самого старшего по званию офицера в зале, который, впрочем, не всегда давал добро и даже мог указать пришедшему за разрешением на дверь. Поэтому офицеры, имевшие невысокий чин, редко осмеливались на такого рода просьбы. Но я был спокоен, потому что сидел за столом подполковника Хаджиумара Мистулова, и наслаждался жизнью, которая после фронта казалась мне еще более красочной.

Вокруг меня было много моих бывших школьных друзей. Каждый день я встречал кого-нибудь из однокашников. Кто-то стал офицером, кто-то чиновником, а кто-то, как я, остался никем. Все они шикарно одевались на отцовские деньги, праздно проводили время и именовались князьями и господами, будучи на самом деле обыкновенными бездельниками и дармоедами. Едва завидев, я сразу же их узнавал, но они почему-то затруднялись признать меня, и когда я обращался к ним по имени или прозвищу, удивленно смотрели на меня. «Ну что? – говорил я наконец. – Не вспомнил осетинскую свинью?» И только после этих слов они меня узнавали и радостно кидались на шею. Да, в школьные годы я был полным ребенком с румяным и круглым лицом. Половину учеников в школе составляли дети из русских, а половину – из кабардинских и балкарских знатных семей. Я был единственным осетином, здоровым и сильным, и колотил всякого, кто попадался мне под руку.

Однажды вечером, когда мы, как обычно, сидели в клубе, в зал вошел поручик, которого я сразу же узнал. Проходя мимо нашего стола, он приветствовал моих товарищей, и те пригласили его сесть с нами. Когда он сел, Хаджиумар сказал: «Познакомьтесь, это мой двоюродный брат Кубатиев». Мы встали и пожали друг другу руки. Он представился как Абезиванов. Я подмигнул Саладину и обратился к поручику: «Уважаемый Исмаил Абезиванов, вы действительно меня не узнали или только делаете вид, что не знаете, потому что старше меня по званию?» Исмаил растерянно посмотрел на меня, а другие удивленно и даже с некоторой тревогой наблюдали за нами обоими, не понимая причину моего фамильярного тона. Исмаил клялся, что не помнит меня. Тогда я улыбнулся и сказал: «Господин поручик, в 1905 или 1906 году вы учились в школе напротив, находясь на полном платном пансионе. Я же жил в доме своего зятя. В том году выпало очень много снега. В одно холодное зимнее утро, после завтрака, вы стояли в дверях школы и грызли кусок выданного вам черного хлеба. Когда я с холода собирался войти в здание, вы начали меня дразнить: «Хук-хук, осетинская свинья идет, хук-хук!» Сделав вид, что не замечаю вас, я наклонил голову и направился к двери. Проходя мимо вас, я заехал кулаком прямо вам в нос. Кровь брызнула фонтаном и окрасила снег в ярко-красный цвет. Ну что, вспомнили?» «Ей-богу, все так и было!» – воскликнул он и, поднявшись, крепко меня обнял. Остальные друзья весело засмеялись. «Ты, однако, сильно изменился, у тебя уже нет того выражения лица», – заметил поручик. «То есть ты хочешь сказать, что он лишился своего свинства?» – пошутил Саладин, а подполковник Хаджиумар пожелал узнать, что произошло дальше. И я продолжил: «Исмаила отвели к школьному врачу, который наложил ему повязку. Ему также дали один выходной, и, таким образом, он оказался в выигрыше. Меня же отвели в учительскую и заставили давать объяснения. Плача, я рассказал, каким оскорблениям и обидам ежедневно подвергался, но, несмотря на это, меня признали виновным и в качестве наказания велели до вечера стоять в углу учительской комнаты без еды и питья. В полдень прозвенел звонок на обед и все, кроме меня и дежурного учителя, ушли. Ноги мои затекли, колени дрожали, и я продолжал плакать. Но учитель был чем-то занят и, если даже слышал, как я шмыгал носом, делал вид, что ничего не замечает. Я проплакал до двух часов дня, пока это не надоело учителю. Он повернулся ко мне и сказал: «Ладно, ступай, только выходи через заднюю дверь и иди окольным путем, чтобы тебя никто не увидел». Услышав это, я пулей вылетел через заднюю дверь, словно боялся, что учитель погонится за мной. Чтобы никому не попасться на глаза, я пошел через ту часть заднего сада, куда зимой никто не заглядывал. Снег доходил мне до пояса и забился в сапоги, но я не возвращался, следуя указанию учителя идти окольным путем. Когда я наконец выбрался оттуда, пот катился с меня градом, но теперь возникла другая проблема: как показаться дома? Ведь я почти весь промок, и кто знает, как рассердится тетя, увидев меня! С низко опущенной головой я вошел в дом. Услышав скрип двери, тетя крикнула из комнаты: «Темушка (так меня называли домашние), ты где был, почему так поздно?» Я не смог издать ни звука. Тетя вышла в прихожую и, увидев меня в таком виде, отвесила звонкую оплеуху, решив, что я промок, катаясь на санках с друзьями. Я заплакал, но не осмелился сказать, что был наказан. Муж тети преподавал религию в нашей школе. Оказывается, когда я не вернулся вовремя, он пошел в школу и, естественно, все выяснил. Когда через некоторое время он вернулся, я получил несколько оплеух и от него. Затем они переодели меня, накормили, и на этом вся история закончилась». Пока я рассказывал, мои друзья весело смеялись. В ту ночь было рассказано много подобных историй. В следующие дни я встретил еще

немало друзей детства, и мы освежили в памяти события прошлых лет.

Между тем срок моего отпуска истек, а дело попрежнему оставалось нерешенным. Отправившись в центральную комендатуру, я объяснил ситуацию, и разрешение продлили еще на неделю. Вечером, когда я встретился со своими кузенами, они сообщили, что оставляют меня одного, так как их 5-й полк получил приказ о выдвижении на фронт. В тот же вечер они забрали вещи из гостиницы и отбыли в свое подразделение. Теперь в Нальчике оставался только 6-й полк, и после ухода друзей я подумал: а что, если и мне попроситься в этот полк? Служба есть служба – какая разница, где ее нести? К тому же после инцидента с лошадью у меня сложились неважные отношения с командиром нашего полка, и, если теперь он придерется к моему опозданию, я опять могу не сдержаться.

Следующим вечером я повстречался с поручиком Ибрагимом Келеметовым, балкарцем, и рассказал ему о своем намерении. Он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Я это устрою. Есть тут у нас один солдат поневоле. Я так его называю, потому что он был призван на военную службу насильно. Он мой односельчанин, довольно богатый человек, а призвали его потому, что у него нет взрослого сына. Каждый день он приходит ко мне, плачет и жалуется: «Я стар, к тому же плохо вижу. Сделай для меня доброе дело. Иначе кто присмотрит за моей семьей?» Пожалуй, завтра я обо всем расскажу командиру полка, и вместо того человека мы возьмем тебя. У него есть отличная лошадь, седло и кабардинская бурка. Я поставлю ему условие, чтобы все это он отдал тебе, а также немного денег в придачу, на которые ты угостишь нас в “Чашке чая” коньяком». Я согласился, и на следующий день Ибрагим повел меня к командиру. Узнав суть дела, полковник сказал: «В таком случае мы демобилизуем того человека, признав его инвалидом. Пусть получит свой увольнительный билет и уходит». Затем он повернулся ко мне и спросил, умею ли я читать и писать. Я ответил утвердительно, и он продиктовал мне текст записки, предназначавшейся командиру 2-го эскадрона ротмистру Жидаеву. В ней говорилось: «Вместо находящегося в вашем подчинении пожилого и слепого рядового направляю ефрейтора, который и доставит вам это письмо. Прошу повысить его в звании до унтер-офицера».

Ибрагим взял записку, мы вышли и отправились к ротмистру домой. Он вместе с женой сидел за столиком в саду. Увидев нас, они оба поднялись. Ибрагим протянул записку ротмистру, и он, предложив нам сесть, принялся ее читать. Между тем его жена смотрела на меня так, словно кого-то во мне узнала. Дочитав записку, ротмистр сказал: «Так, значит, вы дигорец и Кубатиев». Я подтвердил, и его жена тут же поинтересовалась, не знаю ли я Диссагет Кубатиеву. Когда я ответил, что это родная сестра моего отца, она заметила, что я очень похож на сына Диссагет – Тулата[16]. Действительно, мне не раз говорили о нашем сходстве. Моя тетя была замужем за полковником Асланбеком Мистуловым. У них было шесть сыновей и одна дочь. Все сыновья стали офицерами. Самым старшим из них был прославившийся своей храбростью генерал Эльмурза[17]. Затем следовали полковник Асламурза[18], подполковник Хаджиумар (о нем я уже рассказывал), майор Дзан[19], поручик Тулат и, наконец, самый младший – мой ровесник корнет Гина (его фотография до сих пор хранится в нашем альбоме). Оказывается, ротмистр и его жена были, как и Асланбек Мистулов, родом из села Дзарасте. Более того, семья жены ротмистра проживала по соседству с Мистуловыми. Хозяева угостили нас чаем, сказав много лестных слов. Затем мы с Ибрагимом попрощались с ними и вернулись в подразделение. Узнавший о своем увольнении слепой бедолага, не раздумывая, отправился домой вне себя от счастья. Нам же достались его конь, седло, бурка и около 3 тысяч деникинских рублей, и вечером мы вчетвером с друзьями посетили «Чашку чая». Не помню, писал ли я о том, что это было великолепное место, где прислуживали красивейшие девушки. Мы пробыли там до полуночи, разговаривая и не спеша попивая коньяк (я говорю «не спеша», потому что у нас считалось постыдным проявлять жадность к выпивке).

Утром я явился в свой новый эскадрон, где кроме меня был еще один унтер-офицер, кабардинец. Подозвав его, ротмистр сказал мне на нашем языке: «Ты пока так управляйся, а потом мы что-нибудь придумаем». Затем он по-русски обратился к унтер-офицеру: «Вот тебе помощник, с ним вы вместе будете руководить эскадроном. Смотрите, работайте хорошо». Мне было понятно, что командир не хочет обижать своего подчиненного.

Унтер-офицер построил эскадрон, чтобы вести его на учения. Когда он уже собрался дать команду «Марш!», я напомнил о необходимости сделать перекличку, но он ответил, что в том нет нужды, так как он всех солдат знает в лицо. День мы провели на учениях. Улучив момент, он подошел ко мне и признался, что не умеет читать и писать. По возвращении я взял лист бумаги и, собрав эскадрон, составил список бойцов. На следующее утро я выстроил эскадрон по росту, сделал перекличку и мы снова отправились на учения,

[16] В оригинале – Девлет (Devlet).
[17] В оригинале – Эмирза (Emirza).
[18] В оригинале – Асланмирза (Aslanmirza).
[19] В оригинале – Джан (Can).

но уже боевым строем. Вскоре там появился и ротмистр Жидаев и какое-то время наблюдал за нами. А вечером после учений мой товарищ по работе подошел к ротмистру и попросил его назначить недавно прибывшего осетина, то есть меня, настоящим унтер-офицером, а его самого – моим помощником. Ротмистр пытался его переубедить, говоря, что он своей работой заслужил свою должность, но кабардинец настаивал на своем, и ротмистр в конце концов уступил. Как потом он мне рассказал, этот человек вообще не имел звания унтер-офицера, но до революции служил в Кабардинском полку рядовым и благодаря этому знал хотя бы команды «Налево!» и «Направо!». Остальные же были спустившимися с гор пастухами. Поэтому за неимением лучших его и назначили на эту должность.

Так я стал унтер-офицером. Одновременно я занимался и собственным делом. Примерно через неделю меня наконец вызвали и передали личные вещи брата и деньги. С разрешения ротмистра я отвез все это домой. Когда же спустя несколько дней я вернулся обратно, в расположении полка было пусто. Через некоторое время из своего кабинета вышел командир полка. Увидев меня, он сказал: «А-а, Кубатиев? Приехал? Ты, наверное, ничего не знаешь. Полковник Серебряков погиб в бою. Сейчас сюда везут его тело. Все подразделения направляются на станцию для участия в траурной церемонии. Наш полк только что отбыл. Так что садись быстрее на коня и возглавь свой эскадрон. Я подъеду позже». На этом мы расстались.

Я уже рассказывал о полковнике Серебрякове. Он создал первую в Кабарде военную организацию для борьбы с коммунистами. Именно с ним отправился налаживать связь мой брат, когда был убит. И тогда, и сейчас имя этого полковника вызывает у меня любопытство. Он был кабардинцем, а его настоящие имя и фамилия были Заурбек Даутоков. Незадолго до отправления на фронт он женился на Люсе, дочери балкарского князя Хаджимирзы Мисакова. Впоследствии, когда наша армия была вынуждена отступить, Люся вместе с отцом уехала в Стамбул, где вышла замуж за бывшего президента Кавказской Республики[20] Пшимахо Косока[21]. Здесь она изменила свое имя, и стала называться Нефисет. В 1954 году я побывал у них в гостях в Стамбуле, и мы долго беседовали. Не так давно мне стало известно, что несколько лет назад скончался Пшимахо Косок, а два года назад умерла и госпожа Нефисет. Да упокоит аллах их души! Они были замечательными людьми.

Вернемся, однако, к похоронам Серебрякова. Прибыв на станцию, я увидел, что там собралась большая часть жителей Нальчика, а также все военные подразделения, которые только были в округе. Раньше мне никогда не приходилось видеть столь многолюдных похорон. Вскоре прибыл поезд. После того как гроб с покойным был извлечен из вагона, его некоторое время несли на плечах, а потом поставили на лафет. Народ скорбел. Сквозь толпы плачущих людей, стоявших по обеим сторонам главной улицы, мы вместе с кортежем добрались до моста через речку Нальчик. Затем, перейдя мост, мы прибыли на кладбище кабардинского села Брамта[22]. Здесь был совершен религиозный обряд, военные подразделения сделали три залпа в воздух, и тело предали земле. Я испытывал чувство удовлетворения от того, что успел на похороны этого мужественного человека и отдал ему последний долг. Упокой аллах его душу!

Наступил август 1919 года. Наш полк получил приказ отбыть в город Кизляр, расположенный на равнине недалеко от Каспийского моря. Окрестности его покрыты зарослями вереска, именуемого «деревом боли». Эти растения со стволами высотой в 2,5-3 метра и толщиной не более 10 сантиметров образуют здесь целый лес. Земля в этих краях очень плодородна, и по пути мы встречали множество виноградников. Большинство населения города составляли армяне. Евреи и русские были в меньшинстве. Обилие винограда способствовало развитию виноделия. В виноградниках виднелись большие погреба с уложенными рядами бочками вместимостью по полтонны. Производимое вино на поездах отправлялось во всех направлениях, благодаря чему здешний народ процветал. Вересковые леса сменялись бескрайними тростниковыми зарослями, простиравшимися до самого Каспийского моря.

В сельской местности вокруг города проживали в основном казаки, поддерживавшие царя. Здесь же в тростниковых зарослях скрывались банды коммунистов, часто совершавшие нападения на казачьи станицы. Для борьбы с ними мы и прибыли сюда. После двух проведенных в кизлярской казарме дней эскадроны нашего полка были отправлены в различные места. Нашему эскадрону было приказано направиться в большую станицу, расположенную недалеко от тех самых зарослей. Тогда же меня произвели из унтер-офицеров в вахмистры, вследствие чего в полку

[20] Имеется в виду Северо-Кавказская (или Горская) Республика (официальное название – Республика Союза Горцев Кавказа) – государственное образование, декларировавшее свою независимость в мае 1918 года и просуществовавшее в том или ином виде вплоть до установления советской власти в регионе.

[21] Пшимахо Косок (Коцев) (1887–1962) – представитель кабардинской знати, известный на Северном Кавказе адвокат. В 1918–1919 годах занимал посты министра внутренних дел, премьер-министра и президента Северо-Кавказской Республики. После ее падения эмигрировал в Турцию.

[22] Брамта – ныне поселок Вольный Аул, пригород Нальчика.

еще больше усилился дефицит унтер-офицеров. Перед нашим отправлением в путь нам в качестве подкрепления прислали из Горско-Моздокского казачьего полка восемь унтер-офицеров, один из которых был направлен в наш эскадрон. Поскольку они только что прибыли, им предоставили двухдневный отдых, после которого они должны были присоединиться к нам.

Мы же отправились в дорогу и, проехав 20 километров, прибыли в станицу, протянувшуюся по обеим сторонам широкого шоссе почти на 5 километров. В селе не было ни души. Во время своих вылазок бандиты не просто грабили, но еще и заставляли жителей грузить на телеги отнятое у них имущество и везти его до определенного места в тростниках; там их принуждали разгружать телеги и только после этого отпускали. Два дня назад произошло очередное нападение, после чего терпение казаков иссякло, и они приняли решение покинуть станицу. Хотя все дома были пусты, в расположенных позади их садах и виноградниках было полно фруктов и овощей, а кроме того, повсюду разгуливало неимоверное количество гусей, уток и кур. Мы разместились в домах в центре села и, отведя лошадей в конюшни, прямиком направились в сады и виноградники.

Был у нас один товарищ из Турции по имени Хасан. Во время мировой войны он попал в плен к русским, а теперь служил в нашем эскадроне добровольцем. Я увидел, что он, сев в саду по-турецки, что-то подбирает с земли и ест. На мой вопрос, что это такое, Хасан ответил: «Перец». Он уплетал его как ни в чем не бывало, словно ел обыкновенные фрукты. «И что, не жжет?» – поинтересовался я. «Это сладкий перец, он не жжет», – ответил он и, сорвав еще один, протянул мне. Я взял и, подражая ему, засунул его весь в рот и начал жевать. Вдруг у меня во рту запылал огонь. «Ах, чтоб тебя!» – крикнул я и замахнулся на него плетью. Но Хасан, засмеявшись, убежал.

Два дня мы провели, отдыхая и налаживая работу кухни. На третий день мы вместе с ротмистром, взяв с собой 25 всадников, отправились искать следы или места пребывания банд коммунистов. Мы глубоко забрались в заросли и уже начали беспокоиться, найдем ли обратную дорогу. Однако, продвинувшись еще немного вперед, мы вдруг оказались перед довольно большой усадьбой, в которой имелись один маленький аккуратно построенный домик с черепичной крышей и пять больших, размером с казарму, зданий, за которыми рос виноградник площадью примерно в 20-25 дёнюмов[23]. «Есть тут кто-нибудь?» – крикнули мы, но ответом была тишина. Мы приблизились к маленькому домику с недавно выкрашенными масляной краской и оттого ослепительно сверкавшими окнами и дверьми, но он был пуст. Два из остальных пяти строений также оказались пустыми. Вероятно, это были конюшни. Три других здания были заполнены тюками с шерстью. Скорее всего, хозяин усадьбы был либо торговцем шерстью, либо владельцем очень большой отары овец, шерсть которых и была здесь сложена. Надо полагать, он сбежал отсюда из страха перед большевиками и не решался вернуться и забрать свое имущество. Не встретив, таким образом, ни души и ничего не выяснив, мы покинули усадьбу. Через 2-3 километра избранная нами дорога привела нас к большому озеру со сплошь поросшими густым тростником берегами. Осмотрев все вокруг, мы обнаружили лишь лодку, привязанную веревкой к камышам, и по приказу ротмистра вытащили ее на берег, но в ответ опять не услышали ни звука. Выбравшись из камышей, мы повернули назад и через какое-то время заметили среди зарослей луг со скошенной травой, уложенной в стожки, расставленные на определенном расстоянии друг от друга. На лугу уже успела взойти свежая трава, достававшая нам до колена. Мы попасли там своих лошадей, одновременно отправив несколько человек на разведку в разные стороны. Вскоре они возвратились, никого не встретив. На этом наше задание в тот день закончилось, и мы вернулись в станицу.

Недавно назначенный в наш эскадрон казачий унтер-офицер тоже присоединился к нам. В течение нескольких дней мы таким же образом отправлялись на разведку. На седьмой или восьмой день нашего пребывания в станице ротмистра вызвали в Кизляр, и на время своего отсутствия он передал эскадрон под наше с этим унтер-офицером попечение. Перед отъездом он дал мне следующие указания: «Завтра опять поезжай с 25 всадниками к тому месту, где мы нашли лодку, и посмотри, не произошли ли какие-нибудь изменения. Если все будет по-прежнему, заночуйте там, только, конечно, не в камышах, а поближе к дороге. Возможно, они ею пользуются по ночам. Если увидите кого-нибудь, постарайтесь незаметно проследить, куда они пойдут. Без большой необходимости не атакуйте и не открывайте огонь. Можете даже просто последить за ними издалека и выяснить направление их движения. Этого будет достаточно».

На следующий день после полудня мы с казачьим унтер-офицером взяли с собой половину эскадрона и отправились к озеру. Лодки на месте не оказалось, но в камышах вольно паслись три крупных красивых лошади: две гнедые и одна серая. Вокруг и на этот раз не было видно ни души. Взяв найденных лошадей под уздцы, мы направились к лугу, о котором я говорил выше, и там, выбрав невидимое с дороги

[23] Дёнюм – старинная турецкая мера площади, равная приблизительно 1000 кв. м.

место, стали пасти коней. Воспользовавшись этой передышкой, я положил седло на спину серой лошади и сел на нее верхом. Немного погарцевав на ней и заставив ее выполнить кое-какие команды, я убедился в том, что она очень неплоха. Поэтому я решил взять ее с собой в Нальчик, а затем, как только подвернется подходящий случай, – переправить ее домой в село.

Приближался вечер. Мы достали из сумок свои съестные припасы и подкрепились. Когда стало уже смеркаться, я обвел взглядом округу и вдруг понял, что нами выбрано для ночлега неудачное место. Сами мы были на виду, но при этом не могли знать, что происходит в зарослях вокруг нас. Здесь нас могли попросту перестрелять, как куропаток. Я велел товарищам поймать своих лошадей. На их вопрос о причине такого решения я плетью очертил в воздухе круг, указывая на окружавшие нас тростниковые и вересковые заросли. Недалеко от места нашей стоянки с этого луга наружу вела небольшая просека, и я хотел сказать, что будет правильнее, если мы выйдем через нее на открытое пространство. Но в тот самый момент, когда я показал плетью на этот проход, из камышей по нам был открыт огонь, словно это я дал команду стрелять. Оказывается, мы и в самом деле были окружены. По нам стреляли со всех сторон, но по интенсивности огня было понятно, что основные силы врага находились в камышах. Мои товарищи разбежались в разные стороны, ловя своих лошадей. Я отдал команду «По коням!», так как ничего другого, кроме бегства, нам не оставалось. Лошади двух наших товарищей метнулись к камышам, откуда велся самый сильный огонь, и их пришлось посадить позади себя другим товарищам. Как я первоначально и планировал, мы поскакали на ту небольшую равнину. Там мы собрались, и я приказал бойцам рассчитаться по порядку, предполагая, что мы понесли большие потери: ведь по нам стреляли с очень близкого расстояния. Но я ошибся. Мы недосчитались лишь одного человека, личность которого в темноте сразу не смогли установить. Остальные были целы и невредимы. Не было даже ни одного раненого, хотя враг был очень близко и мы представляли собой отличную мишень. Или эти люди пожалели нас и стреляли в воздух, или же они не умели стрелять и в темноте палили как придется. По прошествии нескольких часов после нашего бегства с лужайки звуки выстрелов все не утихали. Так продолжалось до полуночи, и мы не могли понять, кто в кого стреляет. Трех конных связных мы отправили в станицу, чтобы вызвать на подмогу оставшуюся там вторую половину эскадрона, а сами расположились там же на ночлег. Не желая повторять прежнюю ошибку и становиться мишенью для врагов, на этот раз мы разбились на группы по 2-3 человека и дождались утра.

Должно быть, ротмистр Жидаев рано завершил свои дела в Кизляре, и посланные нами связные встретились с ним еще на подъезде к станице. На рассвете ротмистр с остальной частью эскадрона прибыл к месту нашей ночевки, и теперь уже я сам подробно доложил ему ситуацию. Затем мы направились в заросли, чтобы еще раз там все осмотреть, но не успели войти в них, как вдруг увидели бегущего нам навстречу человека, который, потрясая кулаками, кричал: «Эй, вы, трусы! Какого черта вы сбежали и бросили меня здесь одного?» Это был тот самый турок Хасан, который угостил меня горьким перцем. Когда по нам открыли огонь, его лошадь бросилась в заросли, а он, как мог, отстреливался от врагов, пытаясь сбить их с толку. Когда же у него закончились патроны, он, чтобы не быть обнаруженным, снял с шеи белый черкесский башлык и сунул его себе за пазуху, а затем спрятался среди зарослей в высокой, годами не кошенной траве. После прекращения огня враги еще долго искали его, страшно ругаясь, и ушли буквально за 10 минут до нашего появления. Я отдал Хасану найденную днем раньше на лугу лошадь, на которую ему пришлось сесть без седла.

Тем временем рассвело, и мы продолжили движение. Разведчики, посланные нами к берегу озера, где находилась лодка, вернулись, не заметив ничего подозрительного. Однако когда они уже приближались к нам, из камышей по нашему отряду внезапно началась сильная стрельба. Поскольку мы находились на узком пространстве и не видели противника, чтобы открыть ответный огонь, нам пришлось повернуть лошадей обратно. Скакавший передо мной рослый унтер-офицер-балкарец вдруг подпрыгнул на коне, словно резиновый мяч, на полметра вверх и упал на землю. Пока несколько наших товарищей стреляли по месту, откуда велся огонь, двое других спешились и, уложив раненого на свои бурки, потащили его, как на носилках. Таким образом мы отступили до самого луга, где заняли позиции и начали отстреливаться. Ротмистр отправил двух бойцов в ближайшее село за телегой для унтер-офицера, а мы, оторвав куски ткани от его белья, как могли перевязали рану. Пуля, оказывается, прошла сквозь седло и разнесла бедняге причинное место. Примерно через час приехала подвода, и мы отправили раненого в госпиталь в Кизляр.

Эти бои с небольшими промежутками длились 15 дней. Враги несколько раз предпринимали атаки на нас и на ближайшие села, но нам всякий раз удавалось отбить их. Затем, видимо сочтя, что наш эскадрон сильно устал, на смену ему прислали другой. Мы же вернулись в Нальчик, где жизнь была совсем не такой плохой.

Командира нашего полка звали Адам Адамович Кёстенджи. Это был человек крупного телосложения и приятной внешности, происходивший из знатного сербско-югославского рода. Был у нас в полку также бухгалтер Магомет[24] Бичерахов из моздокского дигорского села Дзарасте. Поскольку мы считались земляками, а также из уважения к моей фамилии он вел себя со мной любезно и вежливо. Однажды Бичерахов подошел ко мне и, немного смущаясь, сказал: «Я от полковника. Он тебя очень любит и не хочет обижать, но у него есть к тебе просьба». Услышав это, я очень удивился: уж не совершил ли я какую-нибудь ошибку, коль скоро полковник не желает меня огорчать, да еще и о чем-то просит. «Надеюсь, что к добру. Полковник, которого я знаю, не просит, а приказывает. Говори все как есть. Не таи», – ответил я на нашем языке. Оказывается, они искали честного человека, которому можно было бы доверить заниматься вопросами снабжения полка провиантом. В голову им пришла моя кандидатура, но они опасались, что я не соглашусь на эту работу, поскольку она относилась к разряду тыловых, и потому меня просили. Бичерахов довольно долго убеждал меня, говоря, что все знают о моей храбрости, что я смогу получить повышение в звании и на этой службе и что благодаря этому меня будут ценить выше, чем моих товарищей. Затем он добавил, что нельзя игнорировать то сложное положение, в котором оказался полк, и что я единственный человек, способный добросовестно забирать продукты со склада. В заключение он настоятельно посоветовал мне не отказываться, поскольку был уверен в расположении ко мне полковника. Когда я сказал, что готов взяться за это дело, Бичерахов поблагодарил меня, пожал руку и удалился. Немного позже он по указанию полковника передал мне ключи от складов, где хранились продовольствие, обмундирование и вооружение, и сказал, что я могу выбрать себе в помощники столько человек, сколько посчитаю нужным. Я взял двух человек: казачьего унтер-офицера и рядового-кабардинца.

Порученное мне дело действительно оказалось не из легких. Я каждый день ездил на станцию и, если прибывал вагон с сеном, соломой или ячменем, принимал груз и переправлял его в амбар. Я также забирал для нужд полка все, что находил на казенных складах: продукты, одежду, табак. Поскольку наш полк постоянно менял место дислокации, у нас не было транспортных средств, что представляло серьезную проблему. Я объяснил положение полковнику, и он предложил использовать для перевозки грузов любые встреченные на улицах порожние транспортные средства, а в случае необходимости отбирать их силой. Для этого он разрешил мне взять дополнительно двух всадников. Мы тут же приступили к реализации этого совета, задерживая главным образом телеги крестьян, привозивших на базар свои товары для продажи. Вскоре меня уже знали все владельцы телег и, едва завидев издали, тут же пускались в бега. Однажды я остановил три телеги, но их хозяева заявили, что я могу забрать телеги и делать с ними, что хочу, однако сами они не собираются работать на нас грузчиками. Оставив повозки, они ушли. Я не сомневался, что они вернутся, и потому ждал. Так и случилось, но вместе с ними пришел и какой-то военный из центральной комендатуры, куда они пожаловались на меня. Мне пришлось пройти с ним в комендатуру. Комендант спросил, кто я такой. «Вахмистр Кубатиев из 6-го Кабардинского кавалерийского полка», – ответил я. Он поинтересовался, на каком основании и по чьему распоряжению я совершаю противозаконные действия, насильно заставляя работать случайно подвернувшихся крестьян. Мне пришлось объяснить, что из-за постоянного пребывания в походах наш полк не имеет собственных транспортных средств, и поэтому мы вынуждены были прибегнуть к такой мере, а полномочия на нее я получил от полковника Кёстенджи. «Почему Кёстенджи отдает незаконные приказы вместо того, чтобы обратиться ко мне?» – произнес комендант, расхаживая взад-вперед по комнате. Затем, остановившись, он неожиданно рассмеялся и обратился к крестьянам: «Земляки! Помогите на этот раз нашему вахмистру выполнить его работу. Конечно, вы не обязаны это делать, но тем самым вы сослужите службу армии. Будьте уверены, что это больше не повторится». После этих слов комендант повернулся ко мне и попросил передать моему командиру, чтобы тот не счел за труд заглянуть к нему для решения этого вопроса. «Слушаюсь», – ответил я.

Закончив в тот день дела, я зашел к своему командиру и передал ему привет и просьбу коменданта, на что полковник, улыбаясь, сказал: «Браво, Кубатиев! Но комендант прав. Завтра же пойду и поговорю с ним». На следующий день он встретился с комендантом и получил от него обещание, что нам будут предоставляться транспортные средства других подразделений. Теперь мы каждое утро сообщали по телефону в центральную комендатуру о количестве требующихся нам повозок, и их без промедления присылали нам. Благодаря этому моя служба значительно упростилась. Полковник тоже был доволен и при каждой встрече демонстрировал свое расположение ко мне, высказывая удовлетворение моей работой. Однажды, когда я, как обычно, принес ему на подпись список наших требований, он выдвинул ящик стола, извлек оттуда пачку денег и протянул мне: «Возьми это, Кубатиев, спрячь и смотри, не трать на коньяк». Со всей серьезностью я взял деньги и хранил их в отдельном кармашке своего

[24] В оригинале – Могомет (Mogomet).

кошелька. С того дня прошло довольно много времени, но полковник больше не заговаривал о деньгах. В конце концов я рассказал об этом случае нашему бухгалтеру, и он разъяснил мне ситуацию: «Полковник тебя очень любит. Он знает о твоем трудолюбии и ищет путь для повышения тебя в офицеры. Он очень сожалеет, что не может вознаградить тебя, и поэтому сказал мне, что иногда будет выдавать тебе из полковой кассы деньги на расходы. Опасаясь, что ты не согласишься, он велел тебе их спрятать. Если ты вздумаешь вернуть деньги, это будет очень некрасиво. Так что пойдем лучше куда-нибудь и устроим себе на них пирушку. Что скажешь?» И я принял это предложение.

В другой раз я встретил полковника, направляясь на обед в казарму. Подозвав меня к себе, он спросил, куда я иду, а затем предложил: «Пойдем, пообедаем сегодня вместе». Я удивленно посмотрел на него, но он сказал: «Идем, не отставай!» – и пошел впереди. Мы пришли в офицерский клуб. Как я уже говорил, в подобные заведения вход нам был запрещен. «Уж не собирается ли полковник посадить меня около дверей? – мелькнуло у меня в голове. – Если так, я не соглашусь, уйду, чего бы это мне ни стоило». За столиками по двое-трое сидели офицеры. Когда мы проходили мимо, они вставали, приветствуя полковника, а он отвечал им. Чем дальше мы продвигались, тем большие чины приветствовали его. Естественно, при этом они с недоумением поглядывали на меня, словно спрашивая, что нужно здесь этому человеку. Мне было не по себе, но ничего не оставалось делать, как следовать за своим командиром. Когда мы проходили мимо длинного стола, за которым сидели семь или восемь седобородых полковников, они поднялись и стали приглашать его к своему столу. Поприветствовав их, полковник указал на меня и сказал: «Вахмистр Кубатиев из знатной семьи. Он самый работящий, честный и храбрый солдат моего полка. Я его очень люблю. Если вы позволите ему сесть за ваш стол, мы сядем, если нет – я тоже не сяду». «С удовольствием позволим», – ответили они и, обменявшись со мной рукопожатиями, сели на свои места. Я тоже сел. Были подняты бокалы и провозглашены тосты за здравие. Сказанные полковником обо мне лестные слова, видимо, расслышали и сидевшие за соседними столами, и, когда после обеда мы выходили из клуба, многие офицеры улыбались мне и выражали искренние симпатии. Впоследствии, когда я встречал этих офицеров, они неизменно сердечно отвечали на мои приветствия. После этого полковник еще не раз водил меня обедать в клуб…[25]

[25] Исходя из формата журнальной публикации, мы опускаем последующий фрагмент воспоминаний, повествующий главным образом о сравнительно рутинных событиях жизни и службы автора в Нальчике осенью-зимой 1919 года.

Крах нашей армии

… Я продолжал выполнение своих служебных обязанностей в ожидании приказа о производстве в офицеры. … Как и в период болезни, после ужина ко мне в комнату обычно заглядывали мои друзья-дзарасовцы[26]. Порой же я сам шел к ним в гости. Чтобы поднять настроение, мы выпивали немного спиртного, но никогда не пьянели. После этого мы проводили время, рассказывая анекдоты и смешные истории, а иногда танцуя наши национальные танцы. Дзарасовцы, как и я, были неплохими танцорами, и мы нередко соревновались в исполнении тех или иных па. Эти встречи в какой-то степени поддерживали наш дух, так как ежедневно до нас доходили самые противоречивые известия и мы не знали, каким из них верить. Газеты писали о все новых победах нашей армии, о большом количестве захваченных ею пленных, о занятых населенных пунктах, о слабости противника и скором уничтожении коммунизма. Однако в народе распространялись вовсе не такие отрадные слухи.

Был февраль 1920 года. Однажды, прохаживаясь по рынку, я встретил свою родственницу Фузу, жену командира Кабардинской дивизии генерала Мудара Анзорова. Увидев меня, она сердито обратилась ко мне на нашем языке: «Ты что, как дурак, разгуливаешь здесь?! Я думала, ты уехал на родину». Решив, что она упрекает меня за то, что я давно не навещал их, я начал извиняться, но она, оглядевшись по сторонам, сказала приглушенным голосом: «Нечего извиняться. Лучше поскорее возвращайся домой. Ты, как видно, ничего не знаешь об обстановке. Вчера я получила письмо от Мудара. Пока никому не говори, но он пишет, что наша армия развалилась и нам, наверное, придется бежать из Нальчика. Он велел мне немедленно начать упаковывать ценные вещи. Я уже начала приготовления, но часть имущества придется бросить здесь. Я жду только следующего его указания, чтобы отправиться во Владикавказ. И ты здесь не задерживайся. Езжай в село. Там хотя бы будешь рядом с родителями». Я поблагодарил ее, и мы расстались. По дороге я размышлял, как мне быть. Если я попрошу у полковника отпуск, он, скорее всего, не откажет мне, так как я еще ни разу у него не отпрашивался. Однако на чем же ехать: на коне или на поезде? Если по дороге имеются шайки разбойников, то путешествовать в одиночку верхом опасно. Если же отправиться на поезде, коня придется оставить здесь, а на это мне трудно решиться, тем более что и дома мне нужна будет

[26] Автор имеет в виду нескольких своих сослуживцев, выходцев из осетинского селения Дзарасте (станицы Черноярской) под Моздоком.

лошадь. Так и не придя ни к какому решению, я добрался до дома. Товарищам я не осмелился ничего сказать. Я знал, что стоит мне хотя бы намекнуть им, они тут же впадут в панику и сбегут. Ведь по сравнению со мной они здесь были чужаками и никого в городе не знали.

Чтобы не выдать своего беспокойства, я вновь вышел на улицу и на этот раз встретил Мусу Абисалова[27]. Он был из села моей матери – Каражаева – и доводился мне родственником. После объятий и приветствий он рассказал мне, что только что приехал, свою лошадь оставил на постоялом дворе и через два дня собирается возвращаться обратно. На мое предложение погостить у меня Муса сперва ответил отказом, но после моих уговоров, дабы не обижать меня, согласился. Мы забрали с постоялого двора его лошадь и привязали ее рядом с моей. Затем я попросил у хозяйки еще одну постель для гостя, которую она немедленно принесла. «Валлахи, отныне я буду чаще приезжать сюда, раз ты оказываешь мне такие почести», – сказал Муса. Я поинтересовался у него, встречаются ли по дороге разбойники. Он ответил, что ему они не попадались и от своих знакомых он также ничего о них не слышал. «Почему тебя это беспокоит?» – спросил он. «Если позволят, хочу взять отпуск и съездить домой. Давно там не был. Все не решался, так как не знал, в каком положении сейчас дороги», – объяснил я. «Опасаться нечего. Я доставлю тебя к твоей матушке целым и невредимым», – заверил меня Муса со смехом. Вечером после работы я повел его к своим друзьям-дзарасовцам. Им было приятно познакомиться с еще одним дигорцем, и они предложили нам остаться у них поужинать. Мы не возражали. Был накрыт стол, раздобыли, разумеется, и спиртное, и завязалась беседа. Я заметил, что Муса очень быстро нашел общий язык с моими друзьями и стал с ними что-то увлеченно обсуждать. В какой-то момент он повернулся ко мне и сказал: «Как чисто говорят они по-дигорски! Я просто восхищен». И действительно, дзарасовцы, где бы они ни находились, никогда не говорили друг с другом по-русски, пользуясь исключительно родным языком. Говорящему по-русски они немедленно делали замечание: «Чего ради ты отказался от нашего красивого языка и перешел на язык этих голодранцев?» Они моментально подбирали или изобретали соответствия для не имеющихся в нашем языке слов и решительно отвергали утверждения о недостаточности его словарного запаса. При этом все они окончили русскую школу, имевшуюся в их селе и воспитавшую немало будущих генералов. Мы же говорили на родном языке в самой примитивной форме, при малейшем затруднении в изъяснении вставляя в свою речь по несколько русских слов. Между тем, в отличие от их села, наше находилось вдали от русских поселений. Кроме того, наши предки не знали по-русски ни одного слова. Да и образованных людей среди нас было не так много, как среди них. Можно даже сказать, что их у нас не было вовсе. Вот потому-то Муса и был так восхищен моими товарищами. Единственное, что ему показалось неправильным, это то, что они, говоря обо мне, называли меня – видимо, исходя из правил грамматики – не «сыном Кубада» (Кубадий фурт), а «сыном Кубадов» (Кубадти фурт). «Получается, будто ты сын всех Кубадов», – со смехом сказал он мне. Впоследствии при каждой нашей встрече Муса тоже в шутку обращался ко мне таким образом.

На следующий день мы с Мусой отправились к нашему бухгалтеру Бичерахову. Познакомив его с моим спутником и немного побеседовав, я сообщил, что хочу воспользоваться положенным мне отпуском. «Да разве сейчас время уходить в отпуск?! – воскликнул он. – Мы со дня на день ждем приказа о твоем производстве в офицеры. Я лично должен надеть на тебя эполеты, а потом мы хорошенько посидим и отметим это событие. А ты собрался уезжать!» Я ответил, что успею вернуться раньше поступления приказа. Слушавший нас Муса, решив, что мы разыгрываем друг друга, заметил: «Интересно вы шутите». «Какие шутки?! Мы говорим серьезно, – сказал Бичерахов. – Разве Кубатиев не рассказал вам, что наш командир полка давно направил в центр представление о присвоении ему звания поручика? Ответ вот-вот должен прийти, и нет сомнений в том, что он будет положительным. Не знаю, с какой стороны знаете этого юношу вы, но у нас в полку такой всего один». Мусе, похоже, было приятно слышать это. Я же продолжал убеждать Бичерахова в том, что отпуск не помешает мне получить повышение. «Если мне суждено быть поручиком, то я в любом случае им стану, а нет – так и горевать нечего. Дороги в наших краях опасные. Ехать в одиночку я не решаюсь. Коль скоро у меня появился попутчик, я хотел бы воспользоваться этим и съездить домой. Объясните, пожалуйста, полковнику мое положение. Если он позволит, я поеду», – настаивал я. «Ну, раз так, пойдем к полковнику вместе», – предложил Бичерахов и завел нас в кабинет. Полковник встал, приветствуя нас. Я представил ему своего родственника Мусу. Он усадил нас, и после короткого обмена фразами Бичерахов изложил ему мою просьбу. В ответ полковник повторил возражения и доводы, которые чуть раньше высказал мне сам Бичерахов. «Я говорил ему то же самое, – вмешался бухгалтер. – Но он утверждает, что сейчас на дорогах неспокойно и что он не всегда сможет найти себе такого спутника, как Мусабек.

[27] В оригинале – Муса Абисал (Musa Abisal).

При этом Кубатиев обещает скоро вернуться». Полковник взглянул на меня и спросил: «Через сколько дней?» «Двадцати дней достаточно», – ответил я. Он тут же отдал распоряжение Бичерахову оформить мне отпуск на двадцатидневный срок. Думаю, полковник понимал, что я не вернусь через двадцать дней, ибо не мог не знать положения дел на фронтах. По существу, мы оба знали, что Добровольческая армия развалилась, но чтобы окружающие ничего не заподозрили, делали вид, что верим в то, что говорим. И то, что я едва ли успею стать офицером, тоже было ясно нам обоим. «Когда отправляетесь в путь?» – спросил полковник. «Через два дня», – ответил я. Показав Бичерахову на стоявший в кабинете пружинный матрац, полковник сказал: «Там под матрацем остались две бочки кизлярского вина. Заберите одну, соберите друзей и повеселитесь сегодня вечером в честь моего единственного Кубатиева. У меня гости, но если удастся отправить их пораньше, я тоже к вам загляну ненадолго». Я поблагодарил его. Между тем Муса на нашем языке подсказал мне, чтобы я попросил полковника дать нам побольше боеприпасов для защиты от шаек разбойников по дороге. Я перевел, и полковник без колебаний подписал ордер для складской службы на выдачу мне ящика патронов.

Когда мы пришли на склад, казачий унтер-офицер со смехом спросил: «Кубатиев, ты в отпуск собрался или на фронт? Как ты будешь тащить столько патронов?» «Ты их выдай, а как тащить, я сам решу. Все, что останется, я по возвращении сдам обратно», – ответил я. Муса был вне себя от радости. Однако, когда мы попытались поднять ящик, я понял, насколько прав был унтер-офицер, и уже сам задал этот вопрос Мусе. «Ты с ума сошел?! – удивился он. – Во что бы то ни стало мы должны забрать патроны. Половину положим в твою сумку, половину – в мою». Мы так и поступили. Было немного тяжело, но ничего другого нам не оставалось.

Вечером наше застолье затянулось допоздна. В каждом тосте мои товарищи расхваливали меня, вознося чуть ли не до небес. Муса не верил своим ушам. Когда все разошлись, он с удивлением сказал: «Да ты тут, оказывается, очень важный человек, а мы про это и знать ничего не знаем. Если я расскажу нашим все, что здесь слышал о тебе, никто ведь и не поверит». «А ты не рассказывай, – ответил я. – Все когда-нибудь заканчивается. Закончилось и это». Не думаю, что Муса понял, что я имел в виду.

Утром я рассказал Мусе о своем плане на день. В 10 километрах от Нальчика находилось село Кошироково[28], где проживала дочь моего дяди по отцу Кошерхан. Ее муж Пшимахо Кошироков недавно умер. Я уже ездил туда выражать соболезнование, однако если бы сейчас, перед отъездом на родину, я вновь не навестил двоюродную сестру, дома меня наверняка бы осудили. Муса тоже пожелал ехать вместе со мной. Кошерхан очень обрадовалась нашему визиту. Уступив ее уговорам, мы заночевали там, а наутро, после завтрака, выехали обратно в город.

После обеда я зашел попрощаться к полковнику. Перед тем как отпустить меня, он достал из кармана деньги и, сунув их мне в руку, сказал: «Я хотел купить тебе какой-нибудь подарок, но не смог найти время, чтобы сходить на рынок. Купишь себе что-нибудь сам от моего имени на память». Хоть я и пытался отказаться, он настоял на своем. Как и при всяком расставании, мне было очень грустно.

Когда мы с Мусой вышли на улицу, намереваясь идти домой, нам встретился Аскербек Темирканов, из балкарских князей. Его мать была Кубатиева, и, таким образом, он приходился нам родственником. «Ты все еще здесь, дядя? – удивленно спросил он меня. – Разве ты не знаешь, что сюда приближаются большевики?» Я не произнес ни слова, но Муса был изумлен. Аскербек поинтересовался, когда мы намереваемся ехать, и узнав, что завтра утром, сказал: «Местные большевики объединились со скрывавшимися в лесах шайками. Они создали организацию во главе с Назиром Катхановым и еще одним кабардинцем – Калмыковым – и после развала фронтов на равнине перешли к действиям. Сегодня стало известно, что они заняли Анзорово[29], а затем вошли в Аргудан. Менее чем через два дня они будут здесь, потому что нет серьезной силы, которая могла бы противостоять им. Сопротивление им пытаются оказывать только ополченцы, но остановить большевиков они не в состоянии и лишь сдерживают их продвижение, чтобы дать нашим возможность выиграть время. Мы, несколько семей, отправили сегодня детей и женщин поездом во Владикавказ, а сами думаем завтра верхом бежать через Эльхотово. Нас 10-12 человек. Если и вы к нам присоединитесь, мы станем немного сильнее и даже в случае возникновения в пути каких-либо препятствий легко их преодолеем». Мы согласились и договорились встретиться на следующий день в доме Хаджимирзы Мисакова.

Как я уже говорил, Хаджимирза Мисаков был тестем полковника Заурбека Серебрякова, на похоронах которого я побывал. После гибели полковника, когда его вдова Нефисет осталась одна, ее отец переехал в дом зятя. Так что место встречи мне было известно.

[28] Кошироково – ныне село Кенже Кабардино-Балкарской Республики.

[29] Анзорово – ныне село Урух Кабардино-Балкарской Республики.

Утром в условленное время мы явились туда. Дом был довольно большим и красивым. За ним имелся фруктовый сад, где к деревьям были привязаны несколько оседланных лошадей. Поскольку было дождливо, хозяева лошадей накрыли седла бурками. Мы с Мусой последовали их примеру и вошли внутрь. Там находилось человек пять. Остальные же еще не подъехали. Хаджимирза как хозяин дома и самый старший член группы сидел выше всех. Впрочем, другие были не намного моложе его. Когда мы вошли, все встали. По очереди почтительно пожав им руки, мы отошли в сторону, однако они настояли на том, чтобы мы сели рядом с ними. По одному или по два подходили наши спутники. В конце концов собралось 16 человек. Комната, где мы находились, была, по всей видимости, столовой. Посередине стоял длинный стол, но мы сидели не за столом, а на некотором расстоянии от него у стены. Кто-то из присутствовавших сообщил, что все в сборе, и предложил не теряя времени двинуться в путь. Хаджимирза, однако, поднял вверх руки и возразил: «Не будем спешить! Дорога нам предстоит дальняя. Отправляться в нее с голодным желудком нельзя. Немного перекусим, а потом поедем». Некоторые из гостей попытались с ним спорить, но вынуждены были уступить.

Несмотря на то, что женщины днем раньше уехали из дома, установленный в нем порядок не был ни в чем нарушен. Возможно, в надежде на скорое возвращение хозяев всем слугам, от повара до садовника, было велено оставаться на местах и продолжать выполнять свои обязанности. Вскоре на столе были разложены вилки, ножи, салфетки, поданы вареные и жареные блюда, выстроены бутылки со спиртным. Одним словом, настоящее застолье! Старшие заняли свои места. Мы же с Мусой как младшие (мне тогда было 23 года, Мусе – не больше 26) остались, в соответствии с нашими традициями, стоять. Нам предложили сесть, но мы отказались. Тогда Хаджимирза сказал: «Так нельзя. Хотя вы значительно моложе нас, вы здесь гости. К тому же нам предстоит совместное путешествие. Сейчас нет необходимости так строго следовать всем обычаям. Будем относиться друг к другу как ровесники. Наступит время, когда мы сможем вновь во всей полноте соблюдать наши адаты». Все единодушно поддержали его, и мы с Мусой сели. Из находившихся за столом Аскербек Темирканов и Асланбек Шакманов владели нашим (дигорским) языком, так как их матери были Кубатиевыми. Обращаясь ко мне, они называли меня дядей[30] или сыном дяди. Поскольку мать Мусы была балкаркой, он тоже понимал их язык. Ввиду этого все присутствовавшие, кроме меня, общались друг с другом по-балкарски, издавая характерные для этого языка звуки наподобие «алган-болган», а обращаясь ко мне, поневоле переходили на русский язык.

Перед нами были расставлены полные рюмки с ликером. Хаджимирза, подняв свой бокал, пожелал нам всем удачной дороги. Немного погодя, встав, он пожелал каждому из нас здоровья и благополучия. Гости тоже встали, и все, за исключением меня и Мусы, взяли в руки свои бокалы. Наше поведение не ускользнуло от глаз Хаджимирзы, и он потребовал, чтобы мы последовали примеру остальных. Мы ответили, что не пьем. «Я знаю, что вы не пьете, – обратился он к нам. – Но, как я уже сказал, с этого момента мы все друг другу товарищи и спутники. С этим согласны все присутствующие. От этого напитка мы не опьянеем, он лишь придаст нам храбрости в случае необходимости. Поэтому мы и в пути иногда будем пропускать по стаканчику. Ведь в таком небольшом количестве его пьют даже женщины». Поскольку мы продолжали отказываться, Аскербеку пришлось сделать нам строгое замечание по-дигорски: «Не ведите себя, как дети! Не вынуждайте старших стоя ждать вас». Только тогда, покраснев, мы подняли рюмки и, когда все выпили, сделали то же самое, после чего Аскербек, смеясь, сказал нам: «Будто я не знаю, что вы пьете, как свиньи».

Когда очередь дошла до третьего тоста, Хаджимирза, вновь поднявшись, произнес: «Друзья! Если позволите, я хочу поделиться с вами одним соображением. Мы решили отправиться в путь, и да благословит нас аллах! Наши лошади сильны. Наше оружие может на сегодняшний день считаться превосходным. Все мы, слава богу, выглядим здоровыми. По виду человека трудно определить, храбр он или труслив, но не думаю, чтобы среди нас были робкие люди. Помимо этого, мы как здешние люди хорошо знаем местность, и сумеем выбраться из самого трудного положения. Однако, как вам известно, живущие рядом с нами кабардинцы называют нас «балкар кушха», а вас (он указал на меня и Мусу) – просто «кушха»[31]. Если сейчас мы тихо уедем отсюда, чего только они не будут говорить нам вслед! Правитель Кабарды князь Бекович-Черкасский сейчас находится на своем рабочем месте и хладнокровно ожидает развития событий. В здании лицея появилось какое-то военное подразделение, но я не знаю, кто это такие и откуда прибыли. С другой стороны, банда Назира Катханова будет здесь если не завтра, то послезавтра обязательно. Вчера вечером они заняли Докшоково[32], а к настоящему

[30] В оригинале – *дайы* (по-турецки: дядя по материнской линии).

[31] *Кушха* – адыгское (кабардинское) название осетин, буквально означает ‘горец’.

[32] Докшоково – ныне село Старый Черек Кабардино-Балкарской Республики.

времени, возможно, пало и Мисостово[33]. С учетом этого я предлагаю прежде, чем уехать, еще раз встретиться со здешними руководителями и выяснить их намерения. Если они собираются бежать, мы к этому и так готовы и ничего не потеряем. Если же они думают сопротивляться, нам следует пересмотреть наше решение, потому что, если кабардинцы будут воевать и к тому же одержат победу, после этого нам не будет спасения от их языка. Они только и будут говорить о том, как сбежали трусливые кушха, и на это у них будет полное право. Так что давайте сейчас сядем на лошадей и поедем прямо к лицею, чтобы выяснить, что за подразделение там находится и какова его цель. Если они намерены сражаться, мы тоже должны присоединиться к ним». Большинство присутствовавших стало возражать, ссылаясь на то, что для успешного сопротивления не осталось сил и поэтому правильнее было бы, не теряя зря время, покинуть город. Несколько человек, впрочем, поддерживали точку зрения Хаджимирзы. Спор затянулся, поскольку каждая из сторон выдвигала свои доводы. Разумеется, мы с Мусой как младшие не вмешивались в разговор. Наконец Хаджимирза сказал: «Коль скоро мы не можем договориться, у меня есть следующее предложение. Находящийся здесь юный Кубатиев – самый младший из нас. К тому же он – наш гость. Я оставляю принятие решения ему. Какую сторону поддержит он, так мы и поступим. Согласны?» Все в один голос крикнули: «Согласны!» Я встал, чувствуя, как мое лицо от волнения заливается краской, и обратился к ним с просьбой освободить меня от этой ответственности, говоря, что я не могу знать того, чего не знают они, однако готов ценой собственной жизни выполнить любой их приказ. «Не стесняйся, говори, как думаешь!» – вновь хором сказали они. Поскольку я никак не мог преодолеть смущение, Аскербек опять сделал мне замечание по-дигорски: «Не будь ребенком! Все ждут тебя. Скажи что-нибудь». Тогда я ответил: «Я думаю так же, как и Хаджимирзабек, потому что, если завтра положение изменится, мы действительно от стыда не сможем показаться на глаза кабардинцам и вынуждены будем уехать отсюда». Все зааплодировали, и решение было принято. Подняв еще по одной рюмке, мы вышли из дома, сели на лошадей и военным строем двинулись вперед.

У всех членов группы ножны и эфесы сабель сияли позолотой или серебром. Лошади были породистыми и ухоженными. Нас вполне можно было принять за подразделение почетного караула. Впереди, естественно, ехал наш предводитель Хаджимирза, за ним в соответствии с возрастом рядами по три человека следовали остальные. На одной из улиц мы остановились перед особняком с балконом. Хаджимирза постучал кнутовищем по балконной двери и, когда появился хозяин, почти приказным тоном сказал ему: «Немедленно седлай коня и выходи!» По-солдатски почтительно ответив «Слушаюсь!», человек через 5 минут выехал верхом при полном вооружении со двора и занял свое место в строю. Таким же образом мы сделали остановки еще перед несколькими домами. В результате менее чем через час нас было уже 28 человек – целый кавалерийский взвод. Когда мы двигались по главному проспекту Нальчика в направлении лицея, находившийся в переднем ряду Асланбек Шакманов, обернувшись, позвал меня: «Подъезжай-ка ко мне поближе, сын дяди!» Я подстегнул коня и поравнялся слева с первой шеренгой. Асланбек велел мне подъехать еще ближе и сказал: «Сейчас ты должен спеть эту прекрасную песню народа моей матери – песню о герое Хазби». Ехавший чуть позади нас Аскербек, услышав это, воскликнул: «Валлахи, самое время!» Отделившись от своего ряда, он тоже догнал нас и занял позицию слева от меня. Взяв таким образом меня с двух сторон в тиски, они сказали: «Давай, пой, а мы будем тебе подпевать». (Балкарцы исполняют свои песни так же, как и мы, осетины: один человек поет, а несколько вполголоса ему подпевают.) «Только не вздумай ломаться, негодник! – предостерег меня Аскербек. – Я ведь однажды видел, как ты вместе с товарищами пел эту песню на какой-то вечеринке. Так что начинай!» Мне ничего не оставалось, как начать петь. Вскоре все ехавшие сзади тоже стали подпевать голосом. Прохожие удивленно смотрели на нас, а когда мы приблизились к лицею, те, кто находились в нем, тоже начали наблюдать за нами из окон, пытаясь, видимо, понять, кто мы такие.

Начавшийся утром мелкий дождь все еще продолжался. Мы въехали в сад перед лицеем и, когда приблизились к зданию, увидели, что во всех окнах установлены пулеметы – тяжелые «максимы» и легкие «льюисы», – полностью готовые к бою. Хаджимирза знаком подозвал молодого офицера, стоявшего у входа в лицей среди наблюдавшей за нами группы людей. Тот немедленно подбежал и по-военному приветствовал нашего предводителя. «Кто в здании самый старший командир?» – спросил Хаджимирза. «Полковник Ануфриев», – ответил молодой офицер. «Не могли бы вы попросить вашего полковника выйти, если это его не затруднит, наружу?» – сказал Хаджимирза. Ответив «Есть!», офицер удалился. Полковник, оказывается, наблюдал за нами из окна верхнего этажа. Вскоре молодой офицер вернулся и обратился к нам: «Господа, полковник сказал, что если вопрос, который вы желаете обсудить, может быть решен быстро, то он

[33] Мисостово – ныне село Урвань Кабардино-Балкарской Республики.

сейчас спустится. В противном же случае, дабы не мокнуть под дождем, он просит вас не счесть за труд подняться к нему наверх». Хаджимирза приказал нам спешиться. Мы привязали наших лошадей по две-три друг к другу, накрыли седла бурками и вошли в здание. Нас провели в большой зал. Полковник Ануфриев, сказав нам «Добро пожаловать!», поздоровался за руку с несколькими из наших старших. Жена полковника тоже находилась в зале. Нам было предложено сесть, однако Хаджимирза ответил, что у нас нет времени сидеть и что мы прибыли сюда лишь для того, чтобы прояснить несколько обстоятельств, в частности: какому военному соединению принадлежат собранные здесь силы и намерены ли они противостоять врагу. «Как вы знаете, – продолжил он, – после разгрома Добровольческой армии местные большевики и бродившие по лесам банды объединились под командованием Калмыкова и Катханова и наступают на Нальчик. Возможно, сейчас они уже добрались до села Клишбиево[34] в 10 километрах отсюда. Мы хотим, чтобы вы знали, что, если находящаяся здесь группировка готова оказать серьезное сопротивление, мы будем сражаться рядом с вами. В конце концов наши противники – всего лишь бандиты. Но если ваши люди не собираются воевать и думают сдаться, мы вместе с вами сдаваться не будем. Если же вы планируете бежать, то мы, как вы сами видите, уже готовы в дорогу». Полковник Ануфриев, вскочив на ноги, со словами «Благодарю вас, господа!» пожал руку Хаджимирзы. Затем он добавил: «Я знаю, что ваши благородные предки были героическими защитниками и хранителями этих гор, и не сомневаюсь, что вы являетесь их достойными наследниками. Формирование, которое вы здесь видите, составлено из людей, которые после разгрома нашей армии потеряли свои подразделения и, будучи чужими в этих краях, не знали, куда им идти. Правитель Кабарды и Балкарии князь Бекович-Черкасский тоже находится здесь, и с целью обеспечения его охраны я временно назначен командиром этой группы. Одновременно занимаюсь реорганизацией и упорядочением этих сил. Все они принесли присягу на верность, поклявшись, что не поддадутся ничьему влиянию и до последней капли крови будут сражаться вместе со мной. В Нальчике, кроме нас, есть еще и остатки других частей. Они, подобно нам, готовятся к сопротивлению». «В таком случае считайте и нас своими солдатами. Мои спутники просят вас принять командование над ними», – сказал Хаджимирза. «Что вы! Это для меня большая честь, – ответил полковник Ануфриев. – Давайте лучше совместно займемся организацией имеющихся в нашем распоряжении сил и немедля приступим к работе. Как вы относитесь к такому предложению?» Наши старшие единодушно выразили согласие и сразу же включились в эту деятельность. Среди личного состава преобладали офицеры и унтер-офицеры, рядовые же были в меньшинстве. Естественно, все независимо от звания рассматривались как солдаты. Были сформированы новые эскадроны, назначены их командиры. Нашу группу укрепили и превратили в 1-й эскадрон, названный Горской сотней. По случайному совпадению, назначенный нашим командиром казачий есаул носил фамилию Горскин. В течение дня вся организационная работа была завершена.

В тот день на календаре было 29 февраля 1920 года (или 13 марта 1920 года по новому стилю). То, что еще утром предполагал Хаджимирза, произошло: к вечеру банда Назира Катханова заняла Клишбиево, и расстояние между нами и противником сократилось до 10 километров. Ночью они вполне могли предпринять неожиданное нападение на Нальчик. Полковник распорядился создать отряды для ночного патрулирования города. В течение 10-15 минут этот приказ был выполнен. Меня назначили командиром группы, которая должна была отправиться на станцию. Всю ночь не переставая шел дождь со снегом. Грязи по колено, кромешная тьма. Мы даже не слезали с лошадей. Казалось, этой ночи не будет конца. Тем временем полковник Ануфриев, вступив в контакт с остатками других подразделений и изучив их состояние, решил, что они останутся на месте, а наш вновь сформированный полк до рассвета выдвинется в направлении Клишбиева и при первой же встрече с врагом вступит с ним в бой. Эту новость за два часа до наступления утра принесли нам посыльные, сказав, что мы должны немедленно возвращаться в лицей. По прибытии туда мы обнаружили, что остальные группы тоже уже вернулись, все подготовительные мероприятия завершены и полк готов к выступлению. Подразделения заняли свои места в строю, и мы двинулись в путь.

Когда мы достигли немецкого села Колонка в 3 километрах от Нальчика, начало понемногу теплеть. Земля почти везде была присыпана снегом, но кое-где виднелись участки зеленой мартовской травы. Из-за тумана солнца пока не было видно. Мы ехали по проселочной дороге вдоль левого берега речки Нальчик. Клишбиево же находилось на правом берегу. Вскоре мы уже были напротив села. Однако, поскольку местность здесь была ровной, речка разлилась довольно широко, примерно на 1-1,5 километра, потеряв, разумеется, при этом глубину и скорость и образовав местами небольшие островки. В самом глубоком месте вода доставала лишь до колена лошади. Всего же между нами и селом было не меньше 2 километров.

[34] Клишбиево – ныне село Нартан Кабардино-Балкарской Республики.

За садовыми оградами ближайших к берегу домов мы могли разглядеть группы вооруженных людей и привязанных там же лошадей. Значит, и они приняли меры, опасаясь ночного налета с нашей стороны. Несомненно, они тоже нас видели. Полковник приказал нам остановиться и спешиться, а затем вместе с двумя офицерами стал объезжать эскадроны, в последний раз проверяя их готовность. В этот момент вдалеке показался всадник, державший в поднятой руке лист бумаги и быстро приближавшийся к нам. «Не стрелять! – крикнул полковник. – Посмотрим, что за новости он везет». Однако, прочитав послание, полковник сказал, что не намерен отвечать на него. Парламентер тут же развернул своего коня и стремительно ускакал. Когда он исчез из виду, полковник, приподнявшись на стременах, обратился к нам: «Друзья, господин Назир Катханов предлагает нам сложить оружие и сдаться в плен. В противном случае его силы атакуют нас. Готовы ли вы сейчас сдержать данное вами слово чести?» «Да!» – последовал единодушный ответ. Полковник продолжал: «Друзья мои! Среди вас могут быть сожалеющие о данной клятве. Если такие имеются, я освобождаю их от необходимости ее выполнения. Пусть никто меня потом не обвиняет. Желающие уйти могут сделать это немедленно. Есть переменившие свое решение или колеблющиеся?» Все промолчали. «В таком случае сдержим наше слово! – призвал полковник. – Будем биться до последней капли крови! Кто отступит, тот будет достоин презрения. Смирно! По коням!.. 1-й Горский эскадрон! Рассыпаться стрелковой цепью!»

Наш сотенный рассредоточил бойцов на определенном удалении друг от друга. То же самое сделали командиры других подразделений. Когда все заняли свои места, полковник дал команду «Вперед!». Первой перешла в наступление наша сотня. Не обращая внимания на воду, камни и щебень, мы галопом широкой цепью устремились к противоположному берегу. Хотя оттуда по нам было сделано несколько залпов, мы их даже не расслышали, так как сами постоянно стреляли. Преодолев половину пути, мы увидели, что наших врагов охватила паника и успевшие вскочить на лошадей начинают спасаться бегством. Мы попытались догнать их, но они на какое-то время исчезли внутри села. Село это было вытянуто вдоль берега примерно на 5-6 километров, при этом ширина его не превышала и 200 метров. Перед селом протекала речка, а позади него тянулось широкое пастбище. Когда мы добрались до этого пастбища, то увидели, что справа от него на довольно большом расстоянии находится лес, а слева – насколько может охватить глаз – раскинулась равнина с разбросанными на ней селами. Оказывается, в тылу бежавшего от нас кавалерийского подразделения располагались довольно многочисленные пешие силы большевиков, которые – видимо, в замешательстве – вместо того, чтобы скрыться в селе среди домов, стали бежать следом за всадниками по открытой местности. Конечно, мы легко догнали эту пешую группу, и находившиеся в нашем подразделении балкарские князья, мои родственники, начали искусно действовать своими красиво отделанными дедовскими саблями, одним ударом укладывая на землю настигнутых врагов… Пока мы таким образом добивали пехотинцев, 2-й эскадрон преследовал кавалерию. Вскоре перед нами больше не осталось пеших противников, и наш есаул приказал нам вновь собраться вместе. Оглядевшись в наступившей тишине вокруг, мы увидели то, чего не замечали чуть раньше в пылу сражения: на свежевыпавшем снегу валялись сотни окровавленных бездыханных тел. Помимо этого, наши товарищи взяли в плен около 25 большевиков, пытавшихся спрятаться на сельском кладбище. Бой продолжался приблизительно 20 минут. Когда сделали перекличку, выяснилось, что эскадрон потерял одного очень симпатичного рядового – князя Наурузова. Из остальных бойцов никто не был даже ранен. Есаул поручил некоторым нашим товарищам доставить в Нальчик пленных, которые, как мы потом узнали, были расстреляны по приказу Бековича-Черкасского в загородном имении князя Атажукина. Оставшаяся же часть подразделения отправилась на помощь гнавшемуся за большевистской кавалерией 2-му эскадрону. Вскоре мы нашли его бойцов на склоне какого-то холма. Им не удалось добиться цели, поскольку большевики рассыпались по равнине в разных направлениях и их преследование затруднилось. Лишь ротмистр Михаил, установив на вершине холма тяжелый пулемет «максим», время от времени открывал по большевикам дальний огонь. (В 1927 году я встретил этого Михаила на Эрзурумском оружейном заводе, где мы вместе проработали немало лет. Затем он переехал в город Эскишехир.)

Делать было больше нечего, и всем разрешили отдохнуть. Один из товарищей предложил мне: «Пойдем, Кубатиев, взглянем на убитых нами большевиков. Посмотрим, что это за люди». Мне тоже было любопытно, и я согласился. Товарища звали Науруз Суншев. Он был из балкарских князей, и мы знали друг друга еще с начальной школы. Увиденная нами картина была весьма тягостной. У некоторых из трупов был раскроен череп, у некоторых разрублена грудная клетка. Часть большевиков была еще жива и корчилась в предсмертных конвульсиях. Лицо одного из убитых показалось мне знакомым, но, поскольку у него была тяжелая рана головы, я не был уверен в своем предположении. Науруз спешился и, пошарив в его карманах,

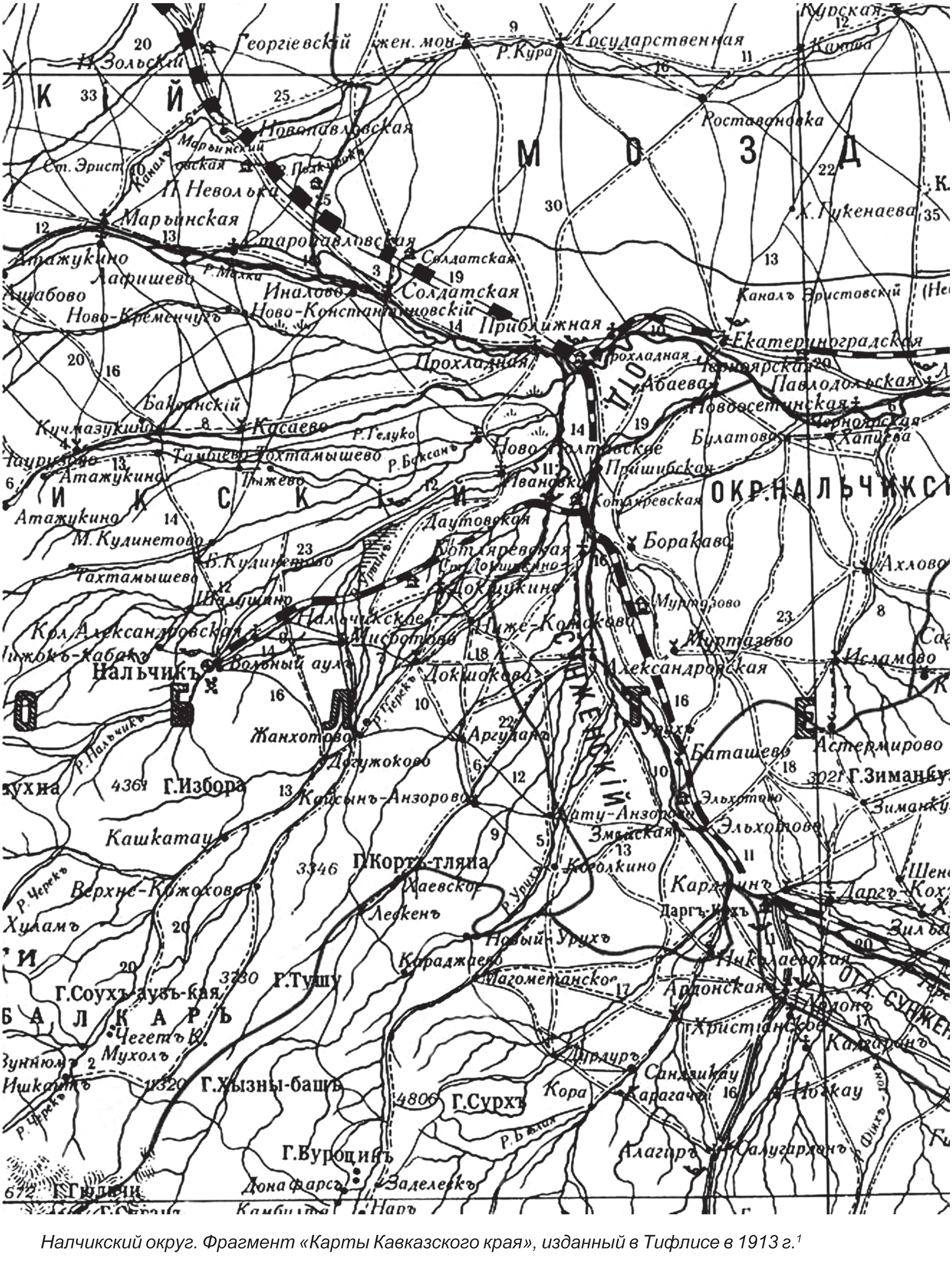
обнаружил там дореволюционное военное удостоверение на имя унтер-офицера 1-го Осетинского полка Сафара[35] Караева. «Все ясно, – сказал я. – Этот человек из нашего села. Из тех большевиков, которые после революции обобрали нас до нитки. Спасибо тебе, Науруз». «За что ты меня благодаришь?» – удивился Науруз. Я ответил: «Как знать, возможно, это ты убил его. Но даже если не так, все равно это ты привел меня сюда. Иначе разве я встретился бы со своим земляком?..»

Каждый год 14 марта, когда я отрываю очередной листок календаря, я вспоминаю описанное выше сражение у села Клишбиево, словно в рубрике «Эта дата в истории». Потому что во время того памятного завтрака в доме Хаджимирзы Мисакова право принятия решения о том, как нам поступить – бежать или сражаться, – было предоставлено старшими мне, а само сражение выиграли прежде всего люди, сидевшие тогда за тем столом. Вот поэтому я считаю себя в какой-то степени творцом этого события. Да и тогдашние мои товарищи называли меня автором нашей победы.

После этого успеха наша Горская сотня была переведена в авангард. Теперь настала наша очередь занимать села. Полк остался в Клишбиеве, но наш эскадрон на следующий день продолжил путь в направлении Мисостова, куда отступила большевистская конница. Нам предстояло пройти 10-15 километров. Мы двигались мимо края леса, прочесывая долины и овраги. Войдя в село, мы обыскали все дома, но не нашли ни одного большевика. Как сказали нам местные жители, большевики, не задерживаясь в селе, проследовали дальше. Мы заночевали там же, а через день нас догнал наш полк. По имевшимся у полковника данным разведки, большевики сосредоточились в селе Кайсын-Анзорово[36], откуда ими было начато их первое наступление и где они теперь готовились к оказанию нам сопротивления. Едва встретившись с нашим эскадроном, полковник отдал приказ двигаться вперед. Мы как авангард тронулись в путь первыми, а за нами последовала остальная часть полка. Не останавливаясь, мы прошли через село Аргудан, откуда до Кайсын-Анзорова оставалось примерно 8-10 километров. (Неподалеку от Кайсын-Анзорова имелось также село Хату-Анзорово[37].) Справа от дороги возвышались лесистые склоны. Впереди находился выступающий из леса, словно язык, довольно крутой и высокий гребень без единого дерева, почти разделивший равнину надвое. Скорее всего он служил пастбищем. На этот гребень из глубины ущелья вела довольно отвесная дорога. С вершины же гребня можно было попасть в село, преодолев такой же крутой спуск. Стремясь застать большевиков врасплох, мы торопились и двигались без рекогносцировки местности. Едва оказавшись на вершине, мы столкнулись с большевистской конницей. Как и в Клишбиеве, враги скрывались в кустарниках за местным ручьем и, увидев нас, сразу же открыли залповый огонь. После мгновенного замешательства мы развернулись и поскакали назад, но на сей раз подверглись обстрелу засевших в лесу пеших большевиков. Не останавливаясь ни на секунду, мы благополучно вернулись в лощину, по которой приехали. Мы допустили большую ошибку, полагая, что встретим большевиков только в Кайсын-Анзорове, и не ведя поэтому разведку окрестностей. Большевики же планировали окружить нас с тыла, но, к счастью, благодаря нашему смелому поведению и необученности противника нам удалось без потерь добраться до проходившей по дну лощины дороги. Характер местности был неблагоприятен для наступательных действий с нашей стороны. Справа большевистская пехота периодически пыталась перейти в атаку, но всякий раз наши пехотинцы ответным огнем загоняли ее обратно в лес. Конница оставалась на своих позициях. Штаб полка спешился и расположился в лощине.

Приближался вечер. Наш ротмистр, сидя верхом, рассматривал дорогу, тянувшуюся внизу по равнине от Анзорова до какого-то другого села. На дороге был виден человек в запряженной парой лошадей пустой телеге, удалявшейся от села. Обернувшись и увидев меня, ротмистр сказал: «Кубатиев, у тебя лошадь хорошая. Догони того человека и приведи его сюда!» Я пустил коня галопом и уже приближался к телеге, как вдруг, случайно взглянув направо, обнаружил, что большевистская конница, обогнув сзади гребень, стремительно движется с шашками наголо в нашу сторону. Тут же развернув коня, я помчался к полковому штабу. Увидев полковника, я издали, указывая кнутовищем на направление, крикнул: «В атаку идут!»[38] Полковник на мгновение растерялся, затем, посмотрев туда, куда я показывал, и заметив головы огибающих холм всадников, проревел: «По коням садись! У-у-р-р-р-а-а-а!»[39] Когда весь полк, садясь по приказу на коней, хором повторил этот брошенный полковником клич «У-у-р-р-р-а-а-а!», большевики, словно получив оплеуху в левую щеку, вдруг повернули своих коней направо и обратились в бегство. Мы же, стреляя им вдогонку, стали их преследовать. Добравшись

[35] В оригинале – Сефер (Sefer).
[36] Кайсын-Анзорово – ныне села Старый Лескен и Лескен Второй Кабардино-Балкарской Республики.
[37] Хату-Анзорово – ныне село Старый Урух Кабардино-Балкарской Республики.
[38] В оригинале по-русски.
[39] В оригинале по-русски.



Налчикский округ. Фрагмент «Карты Кавказского края», изданный в Тифлисе в 1913 г.[1]

[40] Фрагмент «Карты Кавказского края» любезно предоставлен для публикации А. А. Цуциевым.

до плоскости, они, как и два дня назад, разбились на небольшие группы и рассеялись в разные стороны. Уже наступали сумерки. Некоторые из бежавших, настигнутые пулей, падали с лошадей на землю. Под некоторыми были убиты или ранены лошади. И тех и других наши, догнав, приканчивали ударом сабли или выстрелом из ружья.

Наш эскадрон преследовал большую группу большевиков, бежавшую в направлении Анзорова. Было уже довольно темно, когда мы поняли, что оставили село позади. При этом, увлекшись погоней, мы потеряли из виду нашего ротмистра и часть нашего эскадрона. Я принял на себя командование оставшейся группой. Поскольку обстановка в Анзорове была неизвестна, я счел целесообразным вернуться в Аргудан. В кромешной темноте мы двигались, с трудом находя дорогу и то и дело наталкиваясь на человеческие и лошадиные трупы. Было ясно, что в этот день мы нанесли коннице большевиков не меньшие потери, чем их пехоте под Клишбиевом. Добравшись наконец до Аргудана, мы обнаружили там весь наш полк: значит, мое решение идти туда было правильным. Товарищи рассказали нам, что вплоть до наступления темноты пехота большевиков вела сражение с нашей, но затем противник отступил. Все, кого я встречал, выражали свои поздравления в связи с тем, что мне удалось вовремя заметить атаку вражеской кавалерии. «Не успей ты доложить об этом в штаб, большевики бы нас всех перебили в той лощине прежде, чем мы смогли бы оправиться от неожиданности», – говорили они.

Было принято решение заночевать в Аргудане, а наутро отправиться в Анзорово, которое считалось гнездом коммунистов. В связи с этим многие еще с ночи начали строить планы на завтрашний день. «Лошадь моя ослабла. Там много хороших коней, подыщу замену», – говорили одни. «А я пройдусь по домам тамошних большевиков и пограблю их так же, как они грабили нас. Заберу все, что найду: деньги, золото, драгоценности», – вторили другие. Мы разошлись по сельским домам и, не раздеваясь, легли спать кто в жилом помещении, кто в хлеву, кто под навесом. Утром, позавтракав добытой у местных жителей нехитрой снедью и приведя в порядок лошадей и вооружение, мы стали ждать приказа о выступлении.

Пока мы ждали, один из товарищей сообщил мне, что меня вызывает к себе Хаджимирза Мисаков. Я направился в кунацкую указанного мне дома и, войдя внутрь, увидел сидевших там Хаджимирзу, Асланбека, Аскербека и еще нескольких человек их ранга. Поздравив меня со вчерашним успехом, Аскербек сказал: «Вечером мы были у полковника и только о тебе и говорили. Он хочет с тобой познакомиться. Пойдем, я представлю тебя ему». Мы пошли. Когда Аскербек представил меня, полковник, встав, обратился ко мне: «Примите мои поздравления. Вы спасли мой полк от большой беды и заслуживаете поощрения, но сейчас, к сожалению, условия не позволяют нам наградить вас. Кроме того, я слышал, что именно вы явились причиной присоединения к нашему полку этой добровольческой Горской сотни. Вы не можете даже представить себе, как мне было приятно узнать об этом. Ведь не будь вашего подкрепления, я с имевшимися у меня силами не смог бы предпринять это наступление и, скорее всего, встречал бы господина Катханова в том лицее. Если наша армия продержится, я не забуду ваших заслуг. Скажите мне лишь ваше имя и ваш адрес». Занеся в записную книжку мои полное имя и адрес, он еще раз поблагодарил меня и пожелал здоровья и дальнейших успехов. Мы вернулись в кунацкую, и Аскербек передал мой разговор с полковником Хаджимирзе и его собеседникам. Они одобрили мое скромное поведение и сказали, что гордятся мной.

Между тем команда о выступлении запаздывала. Наконец поступил приказ построиться на дороге у выезда из села. Все подразделения заняли свои места, прибыл наш полковник, приветствовал нас и, вопреки всеобщему ожиданию, скомандовал: «Налево! Марш!» Все были удивлены. Ведь мы ждали приказа о движении в противоположном направлении, на Анзорово. Однако приказы не обсуждаются, и мы отправились обратно в сторону Нальчика. Преодолев немалое расстояние, мы дошли до развилки, где свернули направо, на дорогу, ведшую в сторону равнины. Когда мы добрались до села Кожоково[40], прозвучал приказ остановиться и спешиться. Все озадаченно спрашивали друг у друга, что происходит и куда движется полк, но никто не знал ответа. Некоторые товарищи, ссылаясь на то, что я в неплохих отношениях с офицерами, попросили меня выяснить ситуацию. Полк расположился на сельском пастбище. Люди разошлись в разные стороны и, расстелив на земле бурки, отдыхали. Чтобы встретиться с кем-нибудь из офицеров, я стал прохаживаться между различными группами. Заметив нескольких знакомых офицеров, я медленно приблизился к ним. Один из них окликнул меня: «Что, загрустил, Кубатиев? И куда это ты собрался такой?» «Просто прогуливаюсь», – ответил я. Они подозвали меня к себе и предложили сесть рядом. «Не хочу мешать вашей беседе», – вежливо отказался я, но они рассмеялись и сказали: «Да садись, поболтаем! Вчера ты, можно сказать, спас нас. Неизвестно, где бы мы сейчас были, если бы не ты». «Это всего лишь случайность, –

[41] Кожоково – ныне село Нижняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики.

возразил я. – Ничего особенного я не сделал, так что хватит говорить об этом. Скажите лучше, куда мы сейчас направляемся и чего здесь ждем». Один из офицеров ответил: «Мы идем в ваши края». «Но дорога в наши края лежит через Анзорово, а мы пошли в противоположном направлении», – удивился я. «Верно, но ведь ты знаешь, что большевики бежали в вашу сторону. Поэтому мы сейчас собираемся пройти через Эльхотовские ворота и выйти им в тыл», – ответили они. Это объяснение показалось мне не слишком убедительным, но коль скоро наши командиры приняли такое решение, то так тому и быть. Я не стал больше задавать вопросов, а когда вернулся к своим друзьям, передал им то, что слышал.

Близился полдень, а полк все еще находился на пастбище у въезда в село. Муса, который приехал в Нальчик по личным делам и не успел вовремя вернуться домой, тоже постоянно был с нами, поневоле став солдатом-добровольцем. Тем временем в селе начали резать животных и варить мясо в котлах, желая оказать нашему полку гостеприимство. В этом селе у меня тоже была двоюродная сестра по отцовской линии, вышедшая сюда замуж три или четыре года назад. Хоть она и считалась молодой невесткой, но лет ей было тогда примерно 40-45. В молодости ей никто из ее женихов не нравился, однако в зрелом возрасте она вышла за своего ровесника, жителя этого села вдовца Пшимахо Казанчико. Раз уж я оказался здесь, мне следовало навестить ее. Я сказал об этом Мусе, и поскольку он тоже не виделся с Асей со времени ее замужества, охотно изъявил готовность пойти к ней вместе со мной. Объяснив положение есаулу Горскину, я попросил его отпустить нас в село. Он разрешил нам отлучиться только на час, так как не знал точного времени отправления полка. Как и другие кавказские села, Кожоково состояло из расположенных вдоль дороги на определенном удалении друг от друга домов. Расстояние от одного конца села до другого было примерно 4-5 километров. Мы с Мусой сели на коней, въехали в село и, хотя не знали адреса, посредством расспросов нашли нужный дом. Наш зять Пшимахо встретил нас очень радушно и, сообщив приятную новость жене, ввел нас в комнату. Вскоре прибежала и наша кузина. Обняв нас, она сказала, что знала о моем пребывании в Нальчике, и упрекнула меня за то, что я до сих пор не навестил их. Мы сели и немного поговорили. Зять наш время от времени выходил наружу и вскоре вновь возвращался. Почувствовав, что они озабочены тем, как бы получше угостить нас, я сказал, что у нас мало времени, и попросил их не беспокоиться и отпустить нас. К тому же выяснилось, что, опасаясь грабежей, которые могли устроить проходившие днем раньше через село большевики, они спрятали по укромным местам посуду и теперь испытывали из-за этого некоторые затруднения. Невзирая на их уговоры и предложение испросить для нас у нашего командования отсрочку на наше возвращение, мы настояли на своем и, слегка перекусив и выпив чаю, тепло попрощались с хозяевами и вернулись в полк.

Придя в лагерь, мы обнаружили, что жители села доставили нам большое количество хлеба, вареного мяса и прочей еды, а также много сена для лошадей. Вскоре выяснилось, что провести эту ночь нам предстоит на том же месте. Было довольно прохладно, если не сказать холодно. Мы легли, подложив под головы седла и укутавшись в бурки. Поскольку одеты мы были достаточно тепло, сильно мы не замерзли. Пожилые же, разумеется, ночевали в кунацких в селе. Утро выдалось солнечным. После завтрака нам приказали приготовить коней. Не успели мы их полностью снарядить, как вдали показался очень большой отряд. Колонна была настолько длинной, что конца ее мы не могли разглядеть. Все замерли в напряженном ожидании, и, лишь когда командир отдал приказ подготовиться к встрече правителя, все стало ясно. За день до этого мои друзья-офицеры на всякий случай дали мне неверную информацию, хотя сами, конечно, были в курсе происходящего. Не зря я им тогда не поверил. На самом же деле, как теперь оказалось, предыдущим утром, после того как я был представлен полковнику, к нему из Нальчика от князя Бековича-Черкасского прибыли два гонца. По распространившимся в полку сведениям, в послании правителя Кабарды говорилось следующее: «Наша армия везде потерпела поражение и отступает. Возможности сопротивления практически исчерпаны. Поэтому не продвигайтесь дальше вперед, чтобы не нарушать связь. Отойдите в Нижнее Кожоково и ждите нас там. Во избежание паники и дезертирства среди личного состава пока не разглашайте эту информацию. Мы выступим сегодня ночью». Теперь все стало очевидным.

Пока колонна приближалась к нам, мы завершили приготовления, и все подразделения заняли свои места. В первом из подъехавших фаэтонов находились князь Бекович-Черкасский, его жена и дочь. За ними следовали другие экипажи с женщинами и детьми, а далее – большое количество всадников. Это были остатки Кабардино-Балкарской дивизии, бежавшие от большевиков. Экипаж генерала остановился, он вышел и вместе со свитой направился к нам. Прозвучала команда «Направо равняйсь!», были произведены все положенные воинские церемонии, после чего нам было приказано приблизиться к генералу и образовать вокруг него кольцо. Из произнесенной им речи стало ясно, что он был детально осведомлен обо всех наших действиях в последние дни. Поздравив полк с

успехом, он добавил: «В моем сердце всегда будет жить в качестве особого, незабываемого воспоминания героизм Горской сотни». Затем он продолжил: «Дети мои! Теперь я хочу описать вам то положение, в котором мы находимся. Наша армия на всех фронтах разбита. Мы отступаем. Оставаться здесь и оказывать сопротивление бессмысленно. Поэтому я предполагал отойти на Кубань, однако, по последним полученным данным, там ситуация тоже начала ухудшаться. Я принял решение отойти в сторону Владикавказа. Мотивы этого решения следующие. Командующий Кавказской армией генерал Эрдели сейчас находится во Владикавказе. Мы обсудим положение с ним, а также с правителем Осетии и его командирами и, если удастся сформировать значительную силу, постараемся оттуда перейти в контрнаступление, потому что географическая обстановка там для этого более благоприятная. Если же мы не сможем переломить ситуацию, то и в этом случае нам необходимо идти во Владикавказ, так как оттуда мы можем через Дарьяльское ущелье уйти в Грузию, которая на сегодняшний день является наиболее безопасным местом. Таково на данный момент мое мнение. Если у кого-то есть лучшее предложение, прошу высказаться». Мы все в один голос крикнули: «Верно!» «Тогда, дети мои, я хочу сказать вам еще вот что, – продолжил генерал. – Никто не знает, как далеко нам предстоит идти и когда мы сможем вернуться. Возможно, это случится через неделю, но возможно и то, что мы больше никогда не увидим эти места. При необходимости нам придется перейти границу и искать убежище в соседних странах. Последующее раскаяние не принесет пользы. Поэтому я не хочу, чтобы кто-то меня из-за этого обвинял и проклинал. Если сейчас здесь присутствуют наши соотечественники, не опасающиеся большевиков, уверенные в том, что им ничего с их стороны не грозит, я прошу их не идти с нами из чувства дружбы и солидарности, а вернуться к своим семьям. Мы будем благодарны им за проявленное ими до сегодняшнего дня усердие и пролитую во имя нашего дела кровь. Если нам суждено вернуться, я не сомневаюсь, что они вновь будут вместе с нами». После этих слов вперед вышла группа из восьми балкарцев. Они заявили, что никого не боятся и готовы остаться с нами, но лишь при условии, если мы намерены продолжать войну. Генерал поблагодарил их за службу. Они подошли к нему, поцеловали его руку, затем попрощались с другими товарищами и уехали. Все они принадлежали к средним и низшим балкарским сословиям, но большевиками не являлись, поскольку были довольно состоятельны.

Знатные жители Кожокова пришли проводить нас. Поблагодарив их и попрощавшись, мы медленно двинулись в путь. Первым шел наш полк. Одно за другим мы проезжали кабардинские села. Впереди ехали верхом полковник Ануфриев и его жена, следом за ними – наша Горская сотня. Госпожа Ануфриева на всех фронтах и во всех сражениях неизменно находилась рядом с мужем. Она была отличной наездницей и, подобно своему мужу, носила черкеску, которая ей очень шла. Это была красивая стройная женщина чуть выше среднего роста с зелеными глазами и светлыми волосами. Поскольку волосы у нее всегда были собраны под папахой, издалека все принимали ее за мужчину. У нее было несколько комплектов кавказского костюма. Иногда она одевала черную черкеску, черную папаху и черный бешмет. Иногда на ней были серая черкеска из местной шерстяной ткани, серая же папаха и черный бешмет. Временами же ее можно было видеть в полностью белом костюме. В соответствии с модой того времени она носила сапоги на высоком каблуке из лучшего материала. Наряд дополняли револьвер и кинжал, придавая ей вид заправского кавалериста.

Проехав немалое расстояние, мы во второй половине дня приблизились к станице Александровской, представлявшей собой довольно большое поселение. Было решено разместиться там на ночлег. Поэтому еще километров за 5-6 до станицы полковник приказал есаулу Горскину отправить туда в качестве квартирьеров трех всадников, чтобы те предупредили местного старшину о приближении дивизии и о том, что с нами находится правитель с семьей. Кроме того, надо было известить старшину о необходимости заранее приготовить корм для наших лошадей, за который командование дивизии обещало заплатить. Есаул, оглянувшись назад, крикнул: «Кубатиев! Возьми двух человек и подъезжай сюда». Вместе с двумя ближайшими ко мне товарищами я подъехал к командиру. Заметив меня, полковник рассмеялся. «Опять ты?» – сказал он и, обращаясь к своей жене, продолжил: «Это тот самый Кубатиев, который позавчера спас нас от беды». Он представил меня жене, и она, приветствовав меня кивком головы, сказала, что наслышана о моем поступке. Затем есаул передал мне содержание приказа полковника, и мы с товарищами рысью поскакали в станицу. Разыскав старшину, мы сообщили ему «радостную» весть. Бедняга, узнав, какое бремя на него свалилось, стал растерянно бормотать, что не представляет, где и как он разместит целую дивизию. «Не бойся! Это не та дивизия, которую ты знаешь. Там всего лишь ее остатки. От силы наберется два полка», – объяснил я ему положение. Немного успокоившись, старшина сказал: «Ладно, пусть едут. Что-нибудь придумаем». Оставив нас, он ушел и вскоре вернулся с семью-восьмью станичниками. Вообще казаки были на нашей стороне и ненавидели коммунистов. Жили они

хорошо, потому что как женщины, так и мужчины были очень трудолюбивы, занимаясь в основном земледелием. Все они жили в хороших домах с правильной планировкой, черепичными крышами и просторными дворами. Под вечер мы вместе со старшиной и его помощниками встретили дивизию у въезда в станицу. Правителя, генералов и командиров разместили по лучшим домам. Хозяева по мере своих возможностей старались оказать нам гостеприимство, обеспечив нас едой, а наших лошадей сеном. У всех на устах был один вопрос: «Что сейчас происходит? Вы бросаете нас на милость большевиков и убегаете или еще есть какая-то надежда на успех?» Наши командиры отвечали им в духе утреннего обращения к нам правителя. Слегка приободренные, казаки в ответ говорили: «Если вы в самом деле возобновите сопротивление, немедленно известите нас об этом. Все, кто способен в нашей станице держать в руках оружие, будут в вашем распоряжении. По меньшей мере мы выставим один полностью оснащенный кавалерийский полк. Найдем и вооружение, даже пулеметы». Наши благодарили их, обещали сделать все, что в их силах, и вновь и вновь рассказывали об одержанных несколько дней назад под Клишбиевом и Анзоровом победах, желая тем самым поддержать дух казаков. Те были счастливы и то и дело кричали: «Да здравствуют наши кабардинские братья!» Так мы просидели до полуночи, а многие и до зари. Утром, слегка подкрепившись, мы стали готовиться к продолжению пути. Наше командование попросило у старшины счет, намереваясь возместить понесенные казаками убытки, однако старшина заявил, что его односельчане приняли решение отказаться от компенсации. «Так не бывает», – попробовали настаивать наши. «Бывает, бывает, – ответил старшина. – Ведь если завтра сюда придут большевики, они задержатся тут не на одну ночь, а на столько, на сколько пожелают, и при этом и не подумают расплатиться. Вы наши братья и должны знать, что мы всегда готовы сражаться плечом к плечу с вами против них. Так что, уж лучше пусть достанется не им, а вам. Ешьте на здоровье! Станица у нас большая, и если разделить расходы поровну на количество дворов, то большого убытка ни для кого не будет». Мы от души поблагодарили станичников и попрощались.

Миновав еще несколько кабардинских селений, мы к полудню достигли знаменитой своими арбузами станицы Змейской, расположенной недалеко от Эльхотова и считавшейся границей между Осетией и Кабардой. Меня и двух моих друзей опять назначили квартирьерами. На сей раз речь не шла о ночевке. Мы планировали лишь часовую остановку у въезда в село и хотели купить два воза сена для лошадей. Старшина с готовностью согласился. Когда подошла дивизия, он вместе с уважаемыми станичниками и несколькими недавно вернувшимися с фронта офицерами вышли встречать наших генералов и командиров. После радушных приветствий были заданы вопросы о создавшейся обстановке и о том, что мы намерены делать дальше. Естественно, наши командиры повторили то, что уже говорили в предыдущем селе. В ответ их заверили, что, как и другие казаки, местные жители полностью нас поддерживают и готовы снарядить не менее 400 оснащенных оружием и обмундированием всадников. Затем депутация пригласила нас остаться погостить в селе до утра, за что генерал выразил ей свою благодарность.

Нашей самой большой проблемой тогда была нехватка табака. Некоторые из наших товарищей, быстренько пройдясь в станице по лавкам, купили какое-то количество сигарет, однако его, разумеется, не могло хватить на всю дивизию. Заметив наше затруднение, старшина обратился к нам: «Идемте, я вам найду столько табака, сколько пожелаете!» Он отвел нас в большой магазин. Не знаю, частный он был или государственный. Возможно, это был табачный склад или даже маленькая табачная фабрика. В помещении за прилавками стояло несколько продавцов – мужчин и женщин. Они весело начали отпускать каждому подошедшему столько пачек, сколько тот просил. Вскоре полки опустели, и находившиеся сзади товарищи, испугавшись, что им ничего не достанется, стали напирать на передние ряды. Хотя продавцы успокаивали нас, уверяя, что сигарет хватит на всех, их мало кто слушал. Даже когда из запасника вынесли большие корзины с пачками сигарет, толкотня не прекратилась. В какой-то момент в этой сутолоке мне удалось приблизиться к прилавку и попросить у продавщицы 30 пачек. Засмеявшись, она спросила: «Ты что, лавку собрался открыть?» Я пояснил, что в нынешнем положении нам вряд ли еще скоро представится возможность добыть табак. Согласившись, женщина вручила мне сигареты. Однако в тот самый момент, когда я протягивал ей деньги, под натиском толпы я вдруг поскользнулся и, увлекаемый окружающими, упал довольно далеко от прилавка. Рука продавщицы повисла в воздухе. Поднявшись, я попытался дотянуться до нее, но безуспешно: чем больше я старался пробиться вперед, тем дальше толпа оттесняла меня назад. Наконец она сказала с улыбкой: «Заплатите потом» – и продолжила свою работу.

Хоть я и не собирался сдаваться, внезапный голос снаружи заставил меня прекратить эти усилия: кто-то из товарищей извещал, что меня вызывает к себе есаул. Я был вынужден выйти и поспешить к нашему лагерю. На подходе к нему путь мне преградил Аскербек. «Сын моего дяди! – встревоженно сказал он мне.

– Тебя на этот раз хотят послать квартирьером в Ардон. Смотри, не будь глупцом, ни за что не соглашайся! Мы ведь сейчас вступаем в Осетию, и с этого момента ты можешь в любое время и в любом месте столкнуться с теми из наших врагов, которые тебя хорошо знают. Скажи это есаулу. В случае необходимости я тебя поддержу». Он отошел, и я направился к ротмистру. Как и предупреждал Аскербек, сотенный велел мне срочно отправляться в Ардон. «Ваше благородие! – обратился я к нему. – Как вы знаете, мы сейчас должны перейти границу Осетии. В Ардоне половину жителей составляют казаки, а половину – осетины. Казаков я не опасаюсь, но большинство здешних осетин являются сторонниками большевиков и враждебно настроены к знатным фамилиям. Некоторое время назад они напали на нас, и произошли столкновения, в которых погибло немало людей с обеих сторон. Поскольку мы не раз встречались друг с другом в стычках, они легко узнают нас, а мы их. Где бы мы ни столкнулись, мы обязаны мстить друг другу. Если вы мне приказываете, я, конечно, поеду, но боюсь, что это принесет вам вместо пользы вред». Внимательно выслушав меня, есаул ответил: «Я как-то об этом не подумал. Спасибо, что предупредил. Мы пошлем туда кого-нибудь другого». Все это время Аскербек стоял неподалеку спиной к нам, но не вмешался в разговор, видимо оставшись доволен моим поведением. Есаул же, оглядевшись по сторонам, бросил взгляд на унтер-офицера Умара[41] Шакманова и возложил выполнение задания на него и двух других товарищей. (Умар Шакманов позднее в 1920 году бежал вместе с группой офицеров через Поти в Трабзон и участвовал в войне за независимость в Турции. Впоследствии, насколько я знаю, он преподавал русский язык в военном училище.) Тем временем прозвучал приказ о подготовке к маршу, и у меня больше не оставалось времени, чтобы сходить в магазин и расплатиться. Я лишь успел разыскать отведшего нас туда старшину и, рассказав о происшедшем, передал ему деньги за 30 пачек сигарет. «В такой толчее это немудрено, – сказал он. – Если бы даже ты не заплатил, ничего страшного не случилось бы. Но раз для тебя это важно, я передам твои деньги по назначению, не волнуйся». Я поблагодарил его, и мы расстались.

Из-за этой истории с покупкой сигарет отправление дивизии сильно задержалось. Лишь с приближением заката мы преодолели Джулатский проход. Через какое-то время показался Ардон, но подошли мы к нему только в сумерках. Между тем от нашего посыльного Умара Шакманова не было никаких известий, хотя он должен был встречать нас где-то у въезда в поселок. Колонна остановилась, и мы стали ждать. В ближайшей к нам части поселка жили осетины, а за ними – казаки. Было уже довольно темно. По пробивавшимся сквозь окна отблескам света мы могли догадаться, что в домах горят лампы. Через некоторое время из глубины поселка стали доноситься ружейные выстрелы. Они то усиливались, приобретая почти характер залпового огня, то становились одиночными, то полностью замолкали. Полковник Ануфриев крикнул: «Кубатиев! Ты где?» Подстегнув лошадь, я подъехал к нему. «Что там творят твои осетины? Возьми с собой одного человека, и поезжайте к тому крайнему дому. Выясните, что за стрельба», – приказал он. Я окликнул Мусу, который почти не отлучался от меня, и мы вместе приблизились к дому. На стук рукояткой кнута в дверь никто не ответил. Я крикнул в окно, и немного погодя показался пожилой осетин, который, однако, не имел представления о происходящем. Точно так же нам ничего не удалось узнать и в соседних домах.

Тем временем стрельба усилилась. Мы подождали еще некоторое время, гадая, кто и с кем мог вести столь ожесточенное сражение. Правда, огонь больше походил на односторонний, ответных выстрелов слышно не было. Внезапно полковник Ануфриев проревел: «Горская сотня! За мной!» Устремившись следом за командиром, мы поскакали по широкой улице и доехали до церкви. Стрельба продолжалась, но нам ничего не было видно. Наконец мы нашли церковного сторожа. На наш вопрос, где местный старшина, он ответил: «Старшины больше нет. Сегодня здесь установилась большевистская власть. Так что теперь у нас вместо старшины комиссар». Полковник приказал ему позвать комиссара, и через некоторое время сторож вернулся с каким-то человеком. «Куда делись три наших посыльных?» – спросил полковник. «Я их не видел, – ответил комиссар, – но слышал, что сегодня каких-то три человека разыскивали старшину, а когда узнали, что старшины нет, уехали. Вот все, что я знаю». «Ладно. А что это за стрельба?» – поинтересовался полковник. «Ей-богу, сам не знаю. Может, против нас, а может – против вас. Сейчас народ делает, что придет в голову», – сказал комиссар. Услышав это, полковник сурово произнес: «Ты немедленно сделаешь так, чтобы пальба прекратилась. В противном случае по одному моему знаку артиллерия откроет огонь и к утру я сравняю ваш поселок с землей». Комиссар сразу же побежал к церкви, что-то сказал сторожу и вернулся. Зазвонил колокол, и какие-то люди в темноте забегали в разные стороны. Вскоре звуки выстрелов стали утихать, а из некоторых домов послышался женский плач. Видно, угроза полковника была воспринята серьезно.

Командир полка сказал находившимся рядом с ним подчиненным: «Здесь ночевать нельзя, мы поедем

[42] В оригинале – Омер (Цmer).

дальше». Когда же выстрелы окончательно стихли, он обратился к комиссару: «Мы заночуем в казачьем квартале. Если до утра не найдутся наши посыльные, а точнее говоря – если ты сейчас же не найдешь и не отправишь их следом за нами, утром ты своими глазами увидишь, во что мы превратим этот квартал. А потом мы позаботимся и о тебе лично». После этой угрозы он дал нашей колонне команду «Марш!». Мы покинули Ардон и, несмотря на ночь, продолжили путь. Вскоре откуда-то из темноты послышались стоны и крики. «Кто такие?» – крикнули наши в ответ. Оказалось, что это были трое наших посыльных. Узнав нашу группу, они звали нас на помощь. Умар Шакманов был ранен, и стоны исходили от него. Выяснилось, что, не обнаружив старшину на месте, они опрометчиво сказали находившимся там людям: «За нами едет Кабардинская дивизия. Ночевать она будет здесь. Сделайте необходимые приготовления!» Услышав это, те со словами «Ах вы подлые деникинские собаки!» двинулись на них с оружием. Поскольку путь назад был отрезан, посыльные, чтобы не попасть в плен, вынуждены были бежать вперед. При этом Умар был легко ранен в ногу. После этого большевики, стремясь напугать дивизию и заставить ее проследовать мимо поселка, продолжали беспрерывно стрелять в воздух. Товарищи перевязали чем-то ногу Умару, уложили его на повозку, и наша колонна двинулась дальше.

Заполночь мы достигли маленького казачьего поселения – Архонского хутора. За ним располагалась большая станица Архонская, но во избежание неприятных неожиданностей командиры не рискнули входить в нее среди ночи, приняв решение поднять на ноги хуторян. Спросонья бедняги сперва испуганно смотрели на нас, решив, что подверглись очередной большевистской экзекуции, однако, поняв, в чем дело, пришли в себя. Во всех домах вновь были зажжены лампы, поставлены на огонь самовары. Лошади получили сено, а нас по 5-10 человек разобрали по домам и угостили чем могли. Как и в других станицах, нам было задано много вопросов о происходящем, на которые последовали те же ответы и те же заверения. На рассвете мы уехали. Как и в предыдущих селах, жители отказались взять с нас какую-либо плату.

В полдень мы подошли к Архонской. Эта станица была намного больше других, а население ее – весьма богато. Поскольку большинство моих сослуживцев ездило во Владикавказ поездом, они здесь раньше никогда не бывали и теперь не могли скрыть своего изумления. Действительно, улицы в этом городке были прямыми и широкими, здания с балконами построены по единому плану. В центре находилась большая церковь с просторной площадью. Там наша дивизия сделала остановку. Начали подходить люди, приглашая к себе в дома, однако мы, чтобы успеть вовремя добраться до Владикавказа, не могли позволить себе продолжительный отдых. В станице было много вернувшихся с фронта офицеров разных званий. Они тоже группами беседовали с нашими командирами на ставшую уже привычной тему. Оказывается, командир дивизии еще до отправления из Нальчика послал во Владикавказ передовую группу офицеров, чтобы они заблаговременно подготовили для нас места. Сразу после их прибытия по городу, окрестным поселкам и деревням распространился слух, якобы Кабардинская дивизия направляется для защиты Владикавказа от большевиков. Поэтому для архонцев мы не были неожиданными гостями. Они нас с нетерпением ждали.

Во второй половине дня мы приблизились к Владикавказу. Возвращавшиеся из города домой сельчане, уступая нам дорогу, отгоняли свои повозки к обочине, останавливались и провожали нас взглядом. Заметив среди этих людей сыновей моего дяди, я отделился от строя и подъехал к ним. Увидев меня перед собой, они слегка опешили от неожиданности. Мы обнялись, я коротко рассказал им то, что мне было известно о положении, и поехал догонять колонну. Когда мы были уже на самой окраине города, в небе появился разведывательный самолет, разбрасывавший какие-то листовки. Часть их ветер относил в нашу сторону, и некоторые из товарищей поймали в воздухе несколько штук. Листовки радостно сообщали жителям города, что Кабардинская дивизия идет оборонять Владикавказ. Мы немало над этим посмеялись: в то время как мы ехали сюда в надежде на собственное спасение, они, оказывается, рассчитывали на нашу помощь. Какая горестная картина! Во Владикавказ мы вошли по расположенному на левом берегу Терека Михайловскому проспекту. Затем, доехав до железного моста в верхней части города, мы перебрались на противоположный берег и вышли на самый большой в городе Александровский проспект. По нему мы торжественным маршем, словно на параде, стали вновь двигаться вниз. Толпы собравшихся на тротуарах людей глазели на нас. Временами слышались аплодисменты. То и дело меня окликали по имени знакомые. Я останавливался и обменивался с ними приветствиями. Все спешили задать один и тот же вопрос: «Правда ли, что вы прибыли защищать город?» Я коротко отрезал: «Да» – и ехал дальше. Добравшись таким образом до расположенного в нижней части города деревянного моста, мы пересекли Терек и опять оказались на Михайловском проспекте. Затем, повернув вверх, мы поднялись в Молоканский квартал, где нас расселили по домам, в которых нам какое-то время предстояло квартировать.

Молокане в своем большинстве были извозчиками, и в их дворах имелись хорошие навесы и стойла. Поэтому для нашего кавалерийского полка этот квартал подходил как нельзя лучше. Устроившись, я вышел на улицу и прошелся по расположенным на главном проспекте кондитерским, в которых раньше любили сидеть наши родственники, но все заведения были закрыты. Тогда я заглянул в пару домов, чтобы разузнать новости. Когда я собрался уходить, было уже довольно темно. Хозяева настойчиво просили меня остаться у них до утра, говоря, что в такое время только сумасшедший может выйти на улицу, так как чеченские и ингушские большевики часто совершают по ночам грабительские нападения. Тем не менее я не остался и вернулся в расположение полка, не встретив по дороге ничего опасного. Вообще-то говоря, жители молоканского квартала, где мы разместились, тоже были большевиками, но, разумеется, ничего не могли с нами поделать. В тот дом, где проживал я, были поселены еще несколько моих друзей. Из хозяев мы застали только женщин и детей. Когда мы поинтересовались, где мужчины, нам ответили: «На работе». Было непонятно, какая могла быть работа, когда на улицах не было ни души, но мы не стали допытываться. Возможно, они находились на собрании своей организации. Зато в доме были две красивые девушки, и мы с товарищами начали наперебой говорить им комплименты. Их мать, видимо не желая, чтобы мы заметили, что наш приезд был неприятен для них, сказала дочерям: «Принесите господам вечерний чай!» Собственно, целью наших комплиментов было добиться лучшего к нам отношения, и это нам удалось. То, что наши любезности пришлись им по душе, было видно и по угощению, и по выражениям их лиц.

Не успел, однако, я допить свой чай, как снаружи раздался громкий голос: «Кубатиев здесь?» Я выскочил на улицу. Оказалось, что меня вызывает к себе полковник. Когда я вошел в его комнату, там сидели также мой прежний командир полка Адам Адамович Кёстенджи, с которым я распрощался несколько дней назад, и несколько офицеров. Полковник Кёстенджи, встав, подошел и обнял меня со словами: «О-о-о, Кубатиев, ты здесь? Получается, мы опять вместе. Ну-ка, садись, поговорим». По-военному приветствовав остальных, я сел. Полковник продолжил: «Я-то думал, что ты уехал на родину, а ты, выходит, бросил нас и присоединился к ним». «Я не бросал вас, – ответил я. – Я действительно собирался ехать домой, но поездка получилась не такой, как я задумывал, а такой, какой получилась». «Ну, и очень хорошо получилось, – сказал Кёстенджи. – Господин полковник подробно рассказал мне о твоих заслугах, и я как человек, знающий тебя, был весьма польщен услышанным». «Господин полковник похвалил меня больше, чем я того заслуживаю, – возразил я. – Я благодарен ему за великодушие, но на самом деле я ничего особенного не совершил». В ответ на это оба полковника в один голос произнесли: «Заслуги нельзя отрицать!», а остальные присутствовавшие также в знак согласия кивнули головами. «А как добрались сюда вы, господин полковник? В одиночку?» – поинтересовался я в свою очередь у Кёстенджи. «О-о, Кубатиев, и не спрашивай! – ответил он. – Твои осетины – ротмистр, бухгалтер и унтер-офицеры, – так же, впрочем, как и другие унтеры-казаки, бросили меня, прыгнули в поезд и разъехались по домам. Ты тоже не сообщил мне о созданном вами формировании. Знай я о нем, сел бы на коня и примкнул к вам. В результате я успел вскочить на один из последних отходивших поездов, который и привез меня сюда, на твою родину. Сегодня, узнав о прибытии дивизии, я явился к вашему полковнику и присоединился к нему. Я рад, что мы опять объединились. Теперь, что бы ни случилось, мы будем вместе. Чуть раньше полковник, рассказывая нам о вашей операции, сказал, что у него служит один Кубатиев, благодаря которому вы спаслись. Я сразу предположил, что это ты, и попросил полковника уточнить, кто это. Он подтвердил мою догадку, и мы решили тебя вызвать». Я еще раз поблагодарил их, после чего они сказали: «А теперь перейдем к делу». Полковник Кёстенджи продолжил: «Наше положение пока остается неясным. Посмотрим, какое решение будет принято после нашей завтрашней встречи с генералом Эрдели. Говорят, что здесь находятся отошедшие с фронтов группы, которые в случае объединения могут образовать значительную силу. Вы сами, отступая, видели в казачьих станицах, сколько людей готово присоединиться к нам. Кроме того, сообщается, что в здешнем кадетском корпусе сосредоточено примерно 10-15 тысяч офицеров из разных частей, а во всех казармах города полно солдат и офицеров. Если это так, то мы вполне можем перегруппировать силы и начать отсюда новое движение. Относительно провианта и фуража мы уже договорились с кем необходимо. Выяснилось, что расположенная на станции интендантская служба пребывает в целости и сохранности, не потеряв ни кадров, ни хранящихся на ее складах запасов. Во всяком случае нас заверили, что в состоянии обеспечить нас всем необходимым. Но, как ты знаешь, получить продовольствие легко, а вот его транспортировка – дело довольно затруднительное. Я сказал своим товарищам, что с этой задачей можешь справиться только ты. Как и прежде, возьмешь себе одного-двух помощников. По утрам будешь приходить ко мне за списком необходимого, а порядок его получения и доставки можешь определять сам. Ты человек местный и лучше кого бы то

ни было знаешь город и то, где и как добыть телеги. Одним словом, это задание никто лучше тебя не выполнит». Я принял предложение и ушел.

Вернувшись домой, я обнаружил, что мои товарищи пребывают в прекрасном настроении. Помимо хозяйских дочек, появились еще три хорошенькие соседские девушки, и они все вместе играли в карты. Меня тоже пригласили присоединиться к ним, но я ответил, что не умею играть. Девушки сказали, что игра очень простая и я легко ее освою. Мне пришлось признаться, что я вообще не люблю карточные игры. «Что же вы тогда любите делать?» – был задан мне вопрос. «Танцевать с такими красивыми девушками, как вы», – ответил я, чем сильно их развеселил. Они посетовали, что ввиду отсутствия музыки сегодня не удастся потанцевать. «Что ж, в таком случае я буду сидеть и мечтать о том дне, когда это станет возможным», – сказал я. В тот вечер мы немало шутили, разговаривали, загадывали друг другу загадки. Когда девушки ушли, мы завернулись в свои шинели и бурки и легли спать. Ночью из разных частей города часто слышалась стрельба, но нам до этого не было дела.

Утром мы перекусили тем, что раздобыли, однако назвать это завтраком было трудно, так как в продовольственных лавках нам почти ничего не удалось купить. Столовые же и закусочные были в основном закрыты. Главная причина этого состояла в том, что их владельцы не хотели продавать свой товар на деникинские деньги, будущее которых никому не было известно. Поскольку других денег в обороте не было, мы испытывали затруднения. Взяв с утра у полковника список требуемого провианта, я отправился вместе с двумя товарищами на интендантские склады. Ворота оказались заперты. Мы нашли сторожа и спросили у него, когда появятся служащие. «Вообще-то они уже давно должны быть здесь, но, видимо, передумали приходить из-за обстановки», – сказал он. «А что случилось с обстановкой?» – поинтересовался я. Сторож со смехом ответил: «Уж не знаю, что вам надо, но если сено или ячмень, то спускайтесь на станцию и берите там этого добра даром сколько захотите». Передав лошадь товарищам, я через задние ворота спустился к станции. Там рядами стояли товарные вагоны, груженные огромным количеством сена, ячменя и пшеницы. Вокруг собралась большая толпа. Люди суетились и сновали, словно пчелы в улье, стаскивая мешки с вагонов и погружая их на свои телеги. Если мешок рвался, они бросали его на месте и бежали за другим. Все пространство вокруг было усыпано зерном. Самый настоящий грабеж! Издалека слышались выстрелы: это большевики подбадривали грабителей, давая им понять, что поддерживают их. По внешнему виду эта публика не походила на русских. Да и то, что выстрелы доносились со стороны ингушских сел, не оставляло сомнений в том, что это были ингуши. Будь это русские, я бы подошел к ним и погнал их вместе с телегами в расположение дивизии. Но к этим попробуй приблизься: с живого человека спустят шкуру!

Ждать дальше не имело смысла. Вместе с товарищами мы вернулись на рынок, но смогли найти там всего две порожние телеги. Их хозяева, однако, сразу же заявили, что уже наняты кем-то и не могут ехать на станцию. На предложенные нами деньги они не хотели даже смотреть. Только когда я пригрозил им нагайкой, они вынуждены были согласиться. Проголодавшиеся товарищи отпросились у меня сходить раздобыть что-нибудь съестное, а я направил моих извозчиков на станцию. Там я велел им загрузить телеги доверху сеном и ячменем. На обратном пути нам попалась еще одна пустая телега. Ее хозяин тоже попробовал было артачиться, но лишь до тех пор, пока я не погладил слегка его спину плетью. Приказав двум другим извозчикам ждать меня, я вместе с третьим поехал к вагонам, однако, оглянувшись в какой-то момент назад, увидел, что двух первых телег и след простыл. Вернуться в дивизию с одной телегой вместо двух меня не устраивало. Я бросил на месте последнюю, еще пустую телегу и погнался за другими. Хотя они успели скрыться в переулках, но далеко уйти не могли. Поскакав через дворы между улицами, я вскоре настиг их и погнал к дому, где мы квартировали. Заставив извозчиков разгрузить во дворе сено и ячмень, я вместо платы огрел обоих по одному разу плетью, после чего они удалились, не издав ни звука.

Предупредив находившихся там товарищей о том, что груз принадлежит полку и никто не должен к нему прикасаться, я спустился на рынок с целью разыскать полковника и рассказать ему об обстановке. К тому времени я тоже изрядно проголодался. На рынке мне встретился поручик Султан Мисаков, племянник Хаджимирзы Мисакова. Он приехал во Владикавказ за несколько дней до нас поездом вместе с женщинами и детьми. «Где ты? Все только и говорят о тебе. Расскажи-ка мне подробнее о своих подвигах!» – начал он, едва завидев меня. «Пусть другие рассказывают! У них это получается красочнее, чем у меня. А я лучше расскажу тебе о том, что произошло сегодня», – ответил я и изложил ему утренние события. «Теперь же я разыскиваю полковника, чтобы доложить ему обстановку, но нигде не могу его найти, – продолжал я. – Впрочем, это не большая беда. Главная проблема в том, что я чертовски голоден, а рестораны и харчевни закрыты. Может, хоть ты мне подскажешь, где бы я мог поесть?» «Да-а, – задумался Султан. – Деникинские деньги уже никому не нужны, а других в городе нет. Вот они и не желают работать. Я слышал, что

открыт только ресторан «Сан-Ремо» и там принимают деникинские деньги. Не знаю, правда, пустят ли тебя туда. Ведь там принимают только офицеров, а прочих не обслуживают». «А ты что, не офицер, что ли? – воскликнул я. – Если пойдем вместе, то, возможно, и меня впустят. К тому же там может оказаться и полковник».

Этот ресторан располагался в подвальном этаже одного большого здания и был известен как очень роскошное заведение. Кроме представителей городских верхов и офицеров, туда никто не решался заходить, да если бы и решился, его все равно бы не пропустили. Нам удалось войти в помещение, но внутри яблоку негде было упасть. В первых рядах сидели генералы, далее полковники – все занимали места в соответствии со своим чином. Эрдели также находился там. К нашему счастью, как раз освобождался столик, и мы сели за него. Мы заказали бутылку коньяка и закуску, и затем я, встав, огляделся по сторонам. Заметив полковника, я осторожно подошел к нему, доложил ситуацию и сообщил, что пришел вместе с товарищем-офицером. Полковник спросил лишь, есть ли у меня деньги. Я поблагодарил его и вернулся к своему столику. Вскоре официант принес большую бутылку коньяка, однако из блюд ничего, кроме сухой фасоли, не осталось. Поневоле мы взяли по порции, но закусывать коньяк фасолью оказалось невозможно. Султан положил бутылку в карман шинели, мы расплатились и вышли. «Пойдем к моему дяде Хаджимирзе, – сказал Султан. – Я думаю, что Люся сейчас дома и чем-нибудь нас угостит». (Как я уже писал, дочь Хаджимирзы Мисакова Люся была вдовой полковника Серебрякова. Впоследствии в Турции ее стали звать Нефисет.) Поскольку я раньше никогда не встречался с Люсей, я счел неприличным предстать в первый раз перед ней с бутылкой в руке, словно напрашиваясь на выпивку. Поэтому я отказался от предложения Султана, однако он легко нашел выход: «Коньяк будет лежать в моем кармане, а ты сделаешь вид, что ничего не знал о нем. Договорились?» Я согласился, и мы пошли.

Хаджимирза Мисаков снимал большой дом на улице, на которой находился вокзал, что было довольно далеко от рынка. Когда Султан представил меня своей двоюродной сестре, она сразу же сказала: «Да-да. Я знаю вас заочно. Когда мы жили в Нальчике, жена генерала Анзорова госпожа Фуза часто рассказывала о вас. Она вас очень любит. Так что вы в этом доме не чужой. Я рада нашему знакомству». Я поблагодарил ее, мы сели и немного побеседовали. Вскоре она вышла в соседнюю комнату, чтобы приготовить нам какое-нибудь угощение. Султан тоже вышел следом. Немного погодя она вернулась, держа в руке поднос, на котором стояли наш коньяк и две рюмки. Смеясь, она сказала: «Вам не стоило этого стесняться. Тем более в эти дни, когда все кругом пьют. И вообще, здесь вы можете чувствовать себя как дома». Она принесла на стол еще кое-какие блюда. Пока мы с Султаном пили, Люся открыла какой-то сундук и достала из него папаху, на передней стороне которой на нашитой крест-накрест зеленой шелковой ленте были золотом вышиты полумесяц со звездой. Это была эмблема Кабардинской дивизии Добровольческой армии. На моей папахе имелась точно такая же, но она уже постарела и выцвела. «Эту эмблему я вышила своими руками для мужа, но ему не суждено было ее носить. Сейчас я хочу подарить ее тебе», – сказала она и попросила мою папаху. Отпоров старую эмблему, она пришила на ее место новую и вернула мне папаху. Я поблагодарил. К этому времени закончился и наш коньяк. Султан оставался дома, поэтому я попросил разрешение отпустить меня и, выразив надежду на новую встречу, ушел.

Вскоре после моего возвращения в дивизию ко мне пришли Хаджимирза Мисаков и Аскербек Темирканов. «Где ты? Мы уже целый час разыскиваем тебя, – сказали они. – Принято решение о нашем отступлении отсюда. Завтра рано утром отправляемся. Мы живем около вокзала. Ты знаешь наши дома?» Я ответил, что совсем недавно был там. Откуда-то снаружи слышались выстрелы, но никто не знал, кто, в кого и почему стреляет. «Около двух часов назад мы послали за нашими домашними экипажи. Сейчас они уже должны были бы быть готовы и даже прибыть сюда, но, видимо, боятся выехать из-за этой стрельбы. Как человек, знающий город, посоветуй, каким путем нам лучше привезти их. Придумай что-нибудь», – сказал Хаджимирза. Я попросил их дать мне 10-15 всадников. Тут же были снаряжены 15 лучших бойцов, и мы выехали. Галопом спустившись по Михайловскому проспекту, мы переехали через деревянный мост. Стрельба все нарастала, но по пути нашего следования мы никого не видели и пули не пролетали вблизи нас. Подъехав к вокзалу, мы увидели стоявшие перед домами нагруженные повозки. Члены семей, однако, не решались выйти на улицу. «Не бойтесь! Ничего страшного нет. Стреляют в воздух, – крикнул я. – Если бы это было сражением, оно бы шло не здесь, а в районе расположения наших подразделений». Домочадцы расселись по экипажам. Я расположил своих товарищей впереди, по бокам и позади процессии, и мы тронулись, держа пальцы на спусковых крючках. Когда мы доехали до Александровского проспекта, стрельба со стороны деревянного моста стала еще более напряженной. Я крикнул товарищам, что мы поедем вверх по проспекту до железного моста. По мере приближения к мосту стало очевидным, что огонь в этом

районе не слабее, а даже интенсивнее, однако, как и прежде, поблизости не было заметно никаких признаков боя: ни криков сражающихся, ни стонов раненых. Правда, теперь пули пролетали прямо над нами, но не потому, что в нас целились, а из-за того, что стрельба велась беспорядочно. Особенно частые выстрелы были слышны из-под моста. Подъехав к нему вплотную, я скомандовал: «В галоп!» – и мы благополучно преодолели мост. В квартале нас встретили радостно. Хаджимирза и остальные родные наших подопечных, слышавшие стрельбу издалека, были напуганы, пожалуй, больше нас самих.

Сдав женщин и детей их близким, я возвратился в дом, где мы проживали. Мои друзья вновь находились в обществе молоканских девушек, играя с ними в карты, флиртуя и расточая комплименты. Я тоже присоединился к ним. Видимо, девушки прослышали о завтрашнем отходе нашей дивизии и с трудом скрывали свою радость по этому поводу. В ответ на наши ухаживания они насмешливо спрашивали: «Если мы вам так нравимся, то почему же вы нас бросаете и уезжаете?» «Да никуда мы не уезжаем! С чего вы это взяли?» – пытались отрицать мы. «Завтра утром посмотрим. Но, конечно, когда-нибудь вы вернетесь. Тогда уж, пожалуйста, вспомните про нас», – отвечали они.

Перевод с турецкого Г. Чочиева и Т. Филатовой

CONTENTS

Y. A. Dzittsojty. Ossetian cosmogonical and anthropogenic myths in «The First Nart's Saga»

In the article an attempt is made of comparative-historical reconstruction of the Ossetian cosmogonical and anthropogenic myths, i.e. the genesis of the universe and humankind. The analysis is based on the introduction of the so called «First Nart's Saga», written down in South Ossetia in 1940. The following mythological motives are distinguished: the marriage of Heaven and Earth, the world Mountain, the end of the Golden age, the split of Chaos and Cosmos, Magic Quadrangle, first Nart descendants, Heavenly presents. They all seem to be of archaic origin and to have parallels in the Old Iranian and Old Indian cultural traditions.

T. K. Salbiyev. The Ossetian adjective *c'æx* (the linguistic backgrounds of the traditional colour perseption)

The study of the Ossetian adjective *c'æx* that combines the meaning of the four separate colours, i. e. 'green', 'grey', 'blue' and 'dark blue', proves that the language is not only the means of communication but also an important tool for formation of the traditional culture. Borrowed at the beginning of New Era this adjective allowed to preserve the archaic model of fusion between the colour and the object it defines that can be traced back to the Indo-European stage. This kind of relations seems to be stipulated by the so called mythological thinking assuming that the attribute can reveal some important inner qualities of the object, in this particular case manifesting them in the colour.

R. S. Bzarov. A. J. Sjцgren in the History of the Ossetian Culture

The article is a Russian version of the report delivered at the second A. J. Sjцgren Memorial Conference "Research and Identity: Non-Russian Peoples in the Russian Empire, 1800-1855" held by Kymenlaakso Summer University of Kouvola (Finland) in June 2006.

Studying the Ossetian language A. J. Sjцgren spent in Ossetia altogether more than half a year (in 1836-1837). It was already in 1836 that his alphabet was introduced into the educational programs. "The Ossetian Grammar", published in 1844 in St. Petersburg made A. J. Sjцgren the founder of the scientifically based Ossetian studies. At the same time the Ossetian written tradition, resumed with the help of this grammar, was the corner-stone of the "cultural overturn" of the middle 19th c. – the transition of Ossetia from the traditional type Medieval culture to the national culture of Modern times. Taking into consideration the lack of independent forms of political and economic life, and the fact that Ossetia itself was divided among several administrative units, the written culture proved to be one of the most important factors of consolidation, providing the preservation of ethnical identity and promoting the development of national conscience. It was in this context that "The Ossetian Grammar" compiled by A. J. Sjцgren became the fact of Ossetian culture, initiating the efforts aiming at the formation and codification of the Ossetian literary language.

Memoirs by Temirbolat Kubatiyev (Part II). Translated from Turkish by G. Chochiyev and T. Filatova

Temirbolat Kubatiyev is a participant of the Civil War fighting in the ranks of the White Guard. After the victory of the Red movement he gave himself up to the new authorities. Yet one misfortune after another made him immigrate into Turkey. It was already in his declining years that he undertook to write the memoirs, which were not supposed to be published. Nevertheless the outstanding memory of the author and his involvement in the events of the historical importance, both make the text of his recollections an important source for History of Ossetia and South Russia. (To be continued.)

Сведения об авторах

Бзаров Руслан Сулейманович – докт. истор. наук, профессор кафедры российской истории и кавказоведения Северо-Осетинского гос. университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

Дзиццойты Юрий Альбертович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Юго-Осетинского научно-исследовательского института (Цхинвал).

Салбиев Тамерлан Казбекович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии РСО-А при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

Чочиев Георгий Витальевич – канд. истор. наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (Владикавказ).

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ
№ 5
Подписано в печать 10.02.07. Формат бумаги 70x100 1/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура шрифта «Arial Cyr». Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,9. Учетно-изд. л. 7,6.
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева».
362021, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.